

МУЛДАШЕВ Эрнст Рифгатович

Доктор медицинских наук, профессор, генеральный директор Всероссийского Центра глазной и пластической хирургии Минздрава России, заслуженный врач России, обладатель медали «За выдающиеся заслуги перед отечественным здравоохранением», хирург высшей категории, почетный консультант Луисвильского университета (США), член Американской академии офтальмологии, дипломированный офтальмолог Мексики, мастер спорта, трехкратный чемпион СССР по спортивному туризму.

Э.Р. Мулдашев — крупный российский ученый с мировым именем. Он является основателем нового направления в медицине — регенеративной хирургии, т. е. хирургии по «выращиванию» человеческих тканей. Им впервые в мире успешно проведена операция трансплантации глаза. В настоящее время ученый работает над основами клонирующей хирургии, т. е. хирургии по регенеративному воссозданию целых органов.

Ученым разработано более 100 новых видов операций, изобретено и внедрено в производство 83 вида биоматериалов «Аллоплант», опубликовано более 300 научных работ, получено 58 патентов России и многих стран мира. С лекциями и операциями он побывал более чем в 40 странах мира. Ежегодно проводит 600–800 сложнейших операций.

Э.Р. Мулдашев признает, что до сих пор не может полностью понять суть своего главного изобретения — биоматериала «Аллоплант», который стимулирует регенерацию человеческих тканей. Понимая, что «Аллоплант», изготовленный из тканей умерших людей, несет в себе глубинные природные программы по созданию человеческого тела, Э.Р. Мулдашев в процессе исследований общается не только с различными учеными (физиками, молекулярными биологами и др.), но и обращается к основам религий и эзотерических знаний.

Именно поэтому им были организованы 5 научных экспедиций в Гималаи, Тибет и Египет, которые значительно углубили понимание проблем регенеративной хирургии. Но эти экспедиции сопровождались еще и сенсационными открытиями философского и исторического толка. По результатам первой гималайской экспедиции Э.Р. Мулдашевым написана книга «От кого мы произошли?», которая многократно переиздавалась и переведена на многие языки мира.

Предлагаемый читателю многотомник автора «В поисках Города Богов» написан в увлекательном стиле, но по своей сути он глубоко научен и затрагивает глобальные философские проблемы.

Р.Т. Нигматуллин, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН

Санкт-Петербург

Издательский дом «Нева» 2005

УДК 133 ББК 86.42 М90

Автор книги — всемирно известный офтальмолог и исследователь Э.Р. Мулдашев, работая над следующим томом книги «В поисках Города Богов» — «Матрица жизни на Земле», вдруг обнаруживает, что предисловие к этой книге получилось слишком большим...

Тем не менее, автор решил оставить все как есть и издать это предисловие отдельной книгой, потому что в нем описаны мы с Вами — плохие или хорошие, но... на смену которым в поднебесном Городе Богов уже создан Новый Человек.

Мулдашев Э.Р.

Том 4

**Предисловие к книге «Матрица жизни на Земле»
В ПОИСКАХ ГОРОДА БОГОВ**

Содержание

Предисловие автора, или маленькая история о том, как я пишу книги

Давайте подумаем о мыслях

Сантехнический этюд № 1

Цветастые галстуки, начищенные туфли и человеческое достоинство

Сантехнический этюд № 2

Дурь

Сантехнический этюд № 3

Кто на что горазд

Пакистанская любовь

Поле Любви

Сантехнический этюд № 4

А все-таки здорово, что среди нас есть тупые люди

История о том, как меня принимали и выгоняли из КПСС

История о том, как меня хотели «попробовать» американки

Я прошу прощения... сантехнический этюд № 5

Желтая авторучка

История о шести стаканах виски и 48 презервативах

Сантехнический этюд № 6

Мумия

Реклама. Феномен обратной реакции

Американские боевики. Феномен обратной реакции

Гостеприимство

Богом торговать нельзя!

Надоело!

Патриотизм

Слава культуре!

Валюта Дружбы

Роль журналиста в жизни человека

Длинные ресницы шоу-бизнеса

Вау!

Извините... сантехнический этюд № 7

Олег Константиновицц

История женской страсти

Страсть

Сантехнический этюд № 8

Казначейство

Честь
Сантехнический этюд № 9
История о тяжелом материальном положении газовиков и банкиров
Спинка гуся
Сантехнический этюд № 10... опять
Импотенция жадных
Очередной сантехнический этюд...
№ 11
Красный фонарь
Точка жадности
Опять сантехнический этюд... № 12
Сидоров
Храм Счастья
Финальный сантехнический этюд
Дерьмооборот Михалыча в природе
Стержень авторучки
Глаза Любви
Эпилог

Предисловие автора, или маленькая история о том, как я пишу книги

Наша тибетская экспедиция по поискам Города Богов давно уже закончилась. А я все никак не могу поставить точку. Я все пишу и пишу книги, посвященные этой удивительной экспедиции, в ходе которой удалось найти такое... такое, что, честно говоря, не укладывается в моей голове. Вот уже четвертую книгу (вернее, четвертый том) пишу об этой экспедиции. И чувствую, что пятый том тоже просится. Сериал какой-то получается, но не бразильский, а тибетский.

Мне, может быть, хотелось все уместить в один или два тома, но у меня этого не получилось, хотя я прекрасно знаю, что «краткость — сестра таланта». Я, может быть, хотел бы излагать только факты, чтобы все остальное домыслили Вы сами, дорогой читатель, но мысли в ходе анализа фактов будоражили меня так сильно, так сильно, что я все-таки решился написать еще и то, о чем я думаю.

Давайте подумаем о мыслях! Эти мысли, возникающие невесть откуда, втягивали меня в невообразимый хоровод, и я, вовлеченный в этот хоровод, мчался вместе с ними невесть куда, краешком души ощущая, что и во мне, как и в любом другом человеке, превалирует все же Человек-Мысль, а не «телесная машина». Я не хотел верить, что Мысль есть всего лишь беспутная фантазия, а украинское выражение «маешь вещь» распространяется на все аспекты жизни. Я хотел верить в Силу Мысли, потому что я всего-навсего знал, что вначале возникает Мысль, а уж потом что-то делается: куется, пашется или... ухаживается за женщиной. Я понимал, что Человек-Мысль всегда идет впереди, а Человек-Пространство послушно следует за ним, будучи его порождением. И именно Человек-Мысль осваивает и вовлекает в божественный вариант жизни Пространство, а вернее Пространства: трехмерное, четырехмерное, пятимерное и другие.

Мир Свободного Времени (или Тот Свет), во главе которого стоит сам Бог, и в котором

живут Люди-Мысли, не успокаивается; он все втягивает и втягивает в жизнь другие части мироздания, в том числе и Пространство, в том числе и наш трехмерный мир, в том числе и нас с Вами... вместе с авоськами и блуждающей в сомнениях душой. Все так сложно в этом мире, так сложно... так сложно. Но... так, наверное, и должно быть, чтобы и в нашем трехмерном мире иметь возможность вот так, как я сейчас делаю, сидеть и, удерживая в пальцах нелепую дешевую авторучку, которая тоже является одним из вариантов трехмерного искривления Пространства, писать то, что диктуют мне мои мысли, те самые мысли, о существовании которых мы можем только догадываться, но не можем их, к сожалению, пощупать и тем более доказать, что мысли и в самом деле существуют, будучи похожими на живые существа, среди которых живешь и ты — вечный Человек-Мысль.

Я посмотрел на дешевую авторучку, с помощью которой записывал свои мысли. Она была желтой и какой-то по-дурацки ребристой, явно не удовлетворяя требованию удобного удерживания ее в пальцах. Я даже поморщился, представив изобретательскую мысль по созданию этих ребер на авторучке. Но эти ребра были мне приятны; они как-то уютно щекотали пальцы.

Свои книги я обычно пишу в приемной. Она у меня большая — квадратов эдак пятьдесят. Пишу я книги по вечерам, когда все уходит с работы. Днем писать не удастся, потому что я много оперирую, да и люди считают, что если человек пишет, то он не работает, а... занимается чем-то... ну... чепухой какой-то. Но и по вечерам возникают такие важные вопросы для директора, как сейчас, например.

Сантехнический этюд № 1

— Шеф, трубу прорвало в подвале! Потоп... почти Всемирный... начинается. Мышь там утонувшая плавает. Белая... как смерть!

— А почему белая? — спросил я завхоза.

— Ну... с вивария, наверное, сбежала!

— А чо там, в виварии-то, клетки дырявые, что ли?

— Да одна, дырявая, вот уже полгода стоит. Бухгалтерия, все счет... на дыру... не оплачивает. Через эту дыру не то что мышь, а целая крыса убежит...

— А утонувшие крысы там у вас не плавают?

— Пока еще нет. Только мышь плавает. Белая.

— Перекрыть надо, стояк-то! — важно посоветовал я.

— Ясно! Щас перекроем, шеф!

В такие моменты мне всегда кажется, что принимать решения, пожалуй, труднее, чем работать физически. Куда проще, по приказу, выдохнув «твою мать!», завернуть вентиль мозолистой рукой и победно отрапортовать:

— Шеф! Задание выполнено! Вентиль перекрыт! Мышь белую тоже убрали!

— Теперь воду надо бы откачать из подвала, — посоветовал я.

— Ясно, шеф! Помпу вызывать?

— А как же еще?! Ведрами что ли будете таскать?

— Понятно... Ведрами-то... несколько тысяч ведер получится. Воды там, в подвале, море. Олег, сантехник, чтобы под моим... руководством вентиль перекрыть, даже голову в воду совал.

Хотел увидеть, где он, вентиль, находится. Но не увидел — вода мутная, дрянь в ней всякая плавает. Олег даже предлагал воду в этом месте марлей профильтровать, чтобы вентиль увидеть. Он глаза в воде легко открывает, но, говорит, мусор на глаза налипает.

— Ну и как, профильтровали воду-то? — со смехом спросил я.

— Залифы, главной медсестры, на месте не было. Марли, фильтрования... много надо.

— А вентиль-то, нашли?

— С трудом нашли, — ответил завхоз.

— А как нашли-то?

— Нашупали, шеф! Рукой.

— А-а-а... Теперь давайте, помпу вызывайте!

— Какую помпу вызывать, шеф? С длинным шлангом или с коротким? С длинным дороже.

— С длинным, конечно. Вы что, воду, где всякая подвальная дрянь плавает, на площадь перед зданием Центра выливать будете, что ли?

— Да, да, да... Ты прав, шеф! С длинным лучше.

— С чем... длинным?

— Шлангом...

— Давайте! А воду сливайте в овраг, который позади здания.

— Ладно, шеф.

Помню, в этот момент я успокоился и снова принялся за книгу. Перед моими глазами опять предстал величественный Город Богов, увидеть который нам выпало счастье. А он ведь, наверное, был создан за счет силы Мысли, когда человек, всего-навсего один человек, мог зарядить своей психической энергией даже гигантский каменный лазер, луч которого мог обтачивать целые горные хребты, чтобы сделать колоссальные по размерам монументы и пирамиды.

Цветастые галстуки, начищенные туфли и человеческое достоинство

Я сидел в своей приемной за длиннющим столом для заседаний и писал. Стол этот нравился мне, — на нем было легко разложить все бумаги. Я смотрел на свои полевые дневники и рисунки, раскинутые на столе, и все более и более погружался в другой мир — тот мир, который мы видели там, в Городе Богов, и который резко отличался от мира, где мы с Вами живем, смачно поправляя цветастые галстуки и с удовольствием поглядывая на начищенные туфли, памятуя, что... сама Америка считает галстук и туфли главным достоинством мужчины.

Эти цветастые галстуки и начищенные туфли мелькают перед нами каждый день, и мы даже не задумываемся над тем, что они — галстуки и туфли — были созданы, прежде всего, мыслью, той самой мыслью, которая когда-то у кого-то возникла и начала свербить днем и ночью, чтобы потом, через долгий период усилий и громких речей, заставить Джона, Ганца, Васю или Ахмадуллу надеть на... холщовую рубаху без ворота этот самый цветастый галстук и заменить... лапти или дырявые чуни на прекрасные начищенные туфли.

Я понимал, что цветастые галстуки, наверное, нелепо смотрелись на фоне холщовой рубахи без ворота, а начищенные туфли явно не гармонировали со штанами, в которых, извините, даже обмочиться было бы не стыдно. Но кто-то и зачем-то своей невесть откуда возникшей мыслью требовал и требовал того, чтобы человек имел достоинство, пусть даже это достоинство имело «в деталях» или «начищенный» характер, но достоинство — человеческое достоинство. И это

достоинство все равно, рано или поздно, возникло у людей, и они, эти люди, заменили... из-за цветастого галстука... холщовые рубахи на элегантные белые сорочки, а из-за начищенных туфель... сняли многократно описанные портки (без трусов!) и надели вместо них красивые брюки, которые, извините, мне еще и гладить, чтобы стрелочка на них тоже подчеркивала достоинство человека. Эх, как нелегко было Оливеру Кромвелю или Петру Первому «всаживать» в людей то, что повышало их, людей, достоинство, снимая с них поганые холщовые робы или обрубая рукава до пола, чтобы они, люди, хоть в этом — цветастом галстуке или начищенных ботинках — почувствовали свое достоинство, то достоинство Человека, которое повелел иметь ему Бог... потому что Человек есть воплощение Пяти Божественных Элементов, объединенная сила которых столь велика, столь велика, что с помощью нее можно было построить... даже Город Богов... построить для... И не надо смеяться над цветастым галстуком или начищенными ботинками, ведь достоинство человека определяется далеко не... только мужским достоинством, о существовании которого, извините, трудно догадаться... без цветастого галстука и начищенных ботинок, хотя... иногда... и... И, наверное, Оливер Кромвель и Петр Первый даже и не догадывались о том, что они силой насаждали Культуру, ту самую Культуру, которая повышает... всего-навсего... достоинство Человека, поскольку Бог определил Его — в мятой холщовой рубахе и многократно... портках — как воплощение Пяти Божественных Элементов, чтобы он, когда-нибудь сняв эту рубаху и портки и надев начищенные до блеска туфли и цветастый галстук, почувствовал в себе великую силу Огня, Воды, Ветра и Земли, ведь все вместе они способны пользоваться Силой Бога через Любовь к Нему — Создателю.

А ведь не зря, не зря в тибетских легендах упоминается, что Город Богов был создан с помощью энергии Пяти Элементов! — чуть не воскликнул я. — В те времена Человек, наверное, имел достоинство... первородное достоинство.

Я призадумался минут на пять, наклонил голову и... увидел, что цветастого галстука на мне нет. Я подвигал ногами и посмотрел на них, — мои поношенные хирургические шлепанцы на фоне мятых (правда, не...) штанов, не наводили на мысль о человеческом достоинстве.

А достоинство, человеческое достоинство, обязательно будет повышаться. Исторически и... даже... эволюционно повышаться, чтобы когда-нибудь, пройдя этапы «цветастых галстуков» и «начищенных ботинок», стать таким сильным, таким значимым, что человек, обладающий таким достоинством, вдруг почувствует, что его мысли, оказывается, начинают влиять на людей как бы сами по себе, как бы даже... без слов. Этот человек будущего, достоинство которого уже не требует процедуры «ношения цветастых галстуков», будет уже знать, что он стремится к главному — тому, что предначертал Бог. А именно к тому, что рано или поздно, может быть через много-много будущих жизней, он, Человек, достигнет того уровня, когда странный телепатический голос, исходящий из Царства Мертвых, поведаст ему вожделенное заклинание, произнеся которое, он — Человек будущего, вдруг осознает, что его мысли, оказывается, обладают силой, даже такой силой, что его мысль, простая мысль, способна поднять огромную каменную глыбу и делать многое-многое другое... что... у него, Человека будущего, возникнет страх, страх перед тем, что человеческая Мысль еще и опасна... если ее обратить во имя Зла. Но древняя заповедь, «жить надо с Чистой Душой», тут же всплывет у него в голове и начнет так давить, так давить, что уже будет казаться, что весь свет уже не мил, потому что Совесть, вездесущая Совесть, набравшая в ходе эволюции человека колоссальную силу, даст внутренний и очень мощный толчок. Что от него не просто сотрясется все тело, а начнет пахнуть даже смертью — душевной смертью. Наверное, Вы, дорогой читатель, замечали, что только те люди, для которых правило «никогда не переступать через свою совесть» является внутренней потребностью, выглядят достойно, будь то пожилая актриса в стареньком, но чистом платье, будь то молодой парень в джинсах, но с горящими и светлыми глазами, будь то... еще кто-

нибудь.

Жизнь просит, жизнь требует, чтобы люди выглядели достойно, потому что достоинство есть тот самый аспект человеческой души, который ведет человека вперед к главной цели, когда он сможет с помощью силы Пяти Божественных Элементов вершить то, о чем сейчас даже мечтать трудно... вспоминая, правда, иногда, что много-много жизней назад, тебя, ведь заставляли надеть на холщовую рубашку без ворота цветастый галстук, чтобы ты — дурной и неразумный — хоть чуть-чуть подумал о человеческом *достоинстве, которое поведет тебя* вперед по пути прогресса под знаменем Чистой Души под неусыпным контролем Совести.

В нашем Всероссийском Центре глазной и пластической хирургии заместителем генерального директора работает Венера Узбековна Галимова. Она не просто блестящий хирург, но и доктор медицинских наук, профессор, да и к тому же еще и член Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) России. Ей часто приходится «тусоваться» в Москве среди высокого ранга академиков и профессоров, в среде которых, извините, встречаются и такие, от которых аж на три версты веет всезнайством и апломбом. Так вот она, эта миниатюрная женщина-хирург, пользуясь к тому же правами красивой женщины, умеет выстраивать этих — с задранными носами всезнаек — по струнке, да так выстраивать, что им даже боязно отклоняться впредь от этой «струнки». И делает она это только с помощью своего человеческого достоинства, пусть периферийного, пусть уфимского, но достоинства, когда в глазах светится незапятнанная совесть, в лучах которой меркнут даже самые «цветастые галстуки» и «начищенные ботинки». А я горжусь этим, потому что знаю, что достоинство человека определяет не его «центральное» или «ведущее» положение в обществе, а Богом данное (и не запятнанное!) достоинство, которое, уже пройдя этап «цветастых галстуков» и «начищенных ботинок» ведет людей вперед и вперед по совсем другой линии — по линии Чистой Души, чтобы когда-нибудь... когда-нибудь предстать перед Богом в достойном человеческом обликий.

Сантехнический этюд № 2

— Шеф, длины шланга не хватает! — прервал мои мысли голос завхоза. — С коротким, что ли, вызвали?

— Чего с коротким? — не понял завхоз.

— Да помпу! С коротким шлангом... — пояснил я.

— Да нет! Помпа, как и заказывали, приехала с длинным шлангом. Я сам тянул шланг, огибая здание, чтобы в овраг его опустить и воду из подвала туда выкачивать. Но не хватило длины, только до угла дотянулся, шланг-то! Вот и качаем воду...

— Куда качаете?!!

— Извини, шеф! На газон качаем. Цветы, правда, засрели...

— Совсем?..

— Ну... не совсем. Кончики еще торчат... Но если дальше откачивать... Короче, я остановил качку... ой... качание... воды на газон. Понимаешь, шеф, — вода на асфальт полилась, чего ты запретил делать. А в ней, воде этой, столько дряни... подвальной... столько... слизь какая-то, что Любка-раздатчица, проходя мимо, поскользнулась и чуть не шмякнулась в эту слизь; хорошо, что Олег-сантехник подхватил ее, правда коленом въехал в эту подвальную дрянь. Но Олег и так в этой подвальной воде почти купался, когда голову в нее совал, чтобы вентиль найти. Говорит, что там, в подвале, вода была чище. Понятно, грязь ведь оседает, а помпа-то, она со дна качает.

— Остановил, говоришь, качку-то... ой... откачивание?

— Остановил, шеф! Решительно остановил! Ой, скажу тебе, шеф, как на духу скажу! Предыдущий завхоз, Колька-то, таким тупым был, таким тупым, что не догадался запретить в подвале гадить. Ведь туалетов в Центре — на каждом шагу: в каждой палате и в каждом кабинете не только туалет, но и душ есть! Чистейшие и белые — в них даже покушать не зазорно! Когда я хожу в любой наш туалет, меня гордость изнутри распирает. Я тебе, шеф, конкретно скажу, без лести скажу — знаешь ты туалетную психологию, знаешь...

— Туалетную психологию, говоришь?

— Не зря ты, шеф, в каждом углу туалет поставил... Не зря... Говорят, даже в Кремле туалет днем с огнем не сыщешь! Сделают обычно один, да и тот только для сотрудников! Будто посетители по нужде не ходят! — разгорячился завхоз. — Сам я, шеф, в Москве два раза был. Раз пришлось целый день торчать в огромном здании. Ох и намучился! Полдня прождал одного начальника в приемной, а встретил его знаешь где? В туалете, на цокольном этаже! Когда в пятый раз туда с седьмого этажа бегал! Добрые люди посоветовали, не можешь попасть к начальнику — лови его в туалете! Уж туда-то он обязательно придет! Туалет-то один! То ли дело у нас, в Центре...

— А почему же у нас при таком количестве туалетов весь подвал загажен? — задал я каверзный вопрос.

— Я вот что думаю, — когда люди в чистом и красивом здании гадят, они себя круче считают! Самоутверждаются, блин!

— А-а-а...

— Я-те больше скажу, шеф. Народ, особенно пришлый, подслеповатый чаще, все равно в подвал сходить норовит, будто бы там, среди... слаще... Шагу не ступишь — дерьма и бумаги навалом... использованной. Туалетная бумага, шеф, через шланг легко проходит, а газета или, особенно, лощеная бумага со всяких там рекламных проспектов, туго идет. И зачем ее только... используют... Она ведь скользкая и жесткая! Те двое работяг, которые на помпе работают и всю жизнь в... возятся, сразу сказали, что через короткий надо. Но ты ведь, шеф, сказал, что надо через длинный! Вот мы и... Работяги эти, которые на помпе работают, говорили, что народ любит халявные рекламные проспекты не по назначению использовать, особенно в подвале, где никакая сволочь не увидит.... А слепому-то, ему чо — хоть темнота, хоть свет... Только что они рекламные проспекты с собой носят? Читать-то все равно не могут, лучше бы туалетную бумагу носили. Она ведь, туалетная бумага-то, через любой шланг проходит, любой длины, даже такой, что все наше здание два раза окружить можно.

— М-да...

— Я, шеф, — продолжал завхоз, — сразу насчет длины шланга засомневался. На глаз прикинул. Но те работяги, которые на помпе работают и знают толк в... сказали, что длиннее шлангов не держим, потому что их все равно лощеная бумага забьет. Они, шеф, знают толк в подвалах-то. Говорят, что это есть место для чтения рекламных проспектов. Говорят еще, что у них опыт с более длинными шлангами был, но им приходилось возить с собой еще и бочку с чистой водой, чтобы заср... рекламный проспект выплюнуть. Вообще, шеф, рекламными проспектами надо запретить в нашем Центре пользоваться.

— А подвал-то чо не запираете, чтобы туда?..

— Понимаешь, шеф, я замок уже год как выписал. Сразу, как Кольку уволили... Но бухгалтерия говорит, что не проходит замок по статье... медикаменты. Законы, говорит, такие есть из Москвы пришедшие. Не обойти их! Я бы вот, шеф, закон о рекламных проспектах выпустил! Удивляюсь народу, скользкие ведь они...

— А Любка-то, раздатчица, на чем поскользнулась? — педантично поинтересовался я.

— Это Олешка, сантехник наш, лучше знает. Но думаю, шеф, логически думаю, что не на листе от рекламного проспекта она, Любка-то, чуть не расписалась. Лист от рекламного проспекта из шланга мятым выходит.

— На чем тогда?

— Ну, слизь какая-то... Люди, ведь, еще и сморкаются... А Олег-сантехник туда голову совал! Героем сейчас на всех глядит. Голову, говорит, мыть придется. Завтра с утра... Шампунью...

— А что, шланг нельзя было через окно прямо в овраг вывести? — я начал выходить из себя. — Тогда и длины шланга хватило бы, и никакой лист от рекламного проспекта не застрял бы... А вода с этой... дрянью напрямую в овраг уходила бы!

— Хорошая идея, шеф! Как сами не догадались?! Правда, Олег-сантехник намекал на это, но сам подумай, шеф, разве поверишь Олегу, когда у него голова вся в...

— Выводите, короче, шланг через окно и продолжайте качать в овраг, ё-к-л-м-н! — потерял я терпение.

— Понял, шеф! А то мы вторую лужайку хотели.... Но Любка-раздатчица, к счастью, подскользнулась... Тут я и подумал...

— Качайте через окно, б...! — закончил я затянувшийся разговор в своей обычной манере.

— Понял, шеф! Щас исполним!

Когда завхоз выскочил выполнять директорский приказ, я опять взял в руки желтую авторучку и попытался вспомнить, о чем же я писал до этого. Я долго не мог собраться, но потом мысли потекли, все дальше и дальше унося меня от проблем помпы и... рекламных проспектов. Но полностью отвлечься так и не удалось.

Дурь

Конечно же я не считаю себя особо умным человеком. По жизни я допускал и допускаю много глупостей, когда так и хочется воскликнуть — «Эх! Какой же я был дурак!». Естественно, я стараюсь учиться на своих ошибках, но эти «уроки» не идут мне впрок, и я, в очередной раз допустив «дурь», краснею как рак и сильно смущаюсь, опять-таки приговаривая про себя — «Дурак, ведь был, а?! Дурак!». Одно лишь могу сказать в свое оправдание — «дурью маюсь» я не со зла, а по самой натуральной глупости.

Глупость проявляется во мне на полную катушку, чаще всего в виде нелепо произнесенной фразы, шутки ради, после которой, увидев недоумевающие лица, хочется «провалиться этажом ниже», чтобы никто не видел, как ты краснеешь, бурча себе под нос — «Эх! Деревенщина проклятая!». Какое-то время я слежу за собой, стараясь выглядеть умнее, но скоро устаю корчить из себя умного и... моя природная человеческая глупость прорывается вновь, опять вызывая нестерпимое желание «провалиться этажом ниже». И так всю мою жизнь, — интеллектуальные потуги изображать из себя умного перемежаются с подсознательными всплесками глупости. Мне даже кажется, что глупость заложена в человеке для того, чтобы через дурь осознать — что же оно такое — Умное. Но, к сожалению, в этой жизни я выдаю умного значительно меньше, чем того, что испокон веков зовется дурью.

Главной причиной проявления дури, на мой взгляд, является желание пошутить. А шутить, почему-то, всем хочется. Не бывает человека, который не шутит. Даже маститые академики шутят, начиная хохотать при этом первыми, а все остальные тоже хохочут, немедленно «стартовав», как только губы уважаемого академика начинают растягиваться в улыбке. Общий

хохот получается, пусть даже не очень искренний, но хохот. А хохот — это уже хорошо. Это лучше, чем грызня или подсизживание с кривыми ухмылками.

Как важно вовремя захохотать!

Люди, когда шутят, не осознают того, почему-же они шутят.

— Шутится, что-то, — обычно отвечают они на заданный по этому поводу вопрос.

Но в шутках как раз и проявляется эта самая дурь человека, когда ты — шутящий — вдруг не поймал момент, во время которого и стоило бы вставить перченую фразу. Поймал этот миг — общий хохот, создающий атмосферу радости получается. Не поймал — дурь вышла — опять хохот, только смеются уже над тобой. И то и другое весело.

Каждый человек хочет доставить радость другим людям, ну... через шутку хотя бы (не всегда же деньгами или серьезным сексом!), но... иногда дурь получается, обидная такая дурь, когда ты, желающий доставить радость людям, вдруг должен краснеть как самый последний идиот, испортив себе настроение на весь вечер. Ужасно это обидно — по себе знаю.

Но уж таким, наверное, Бог создал наш трехмерный мир, когда понятие Радость связано не только с добротным домом и изобилием еды (жратвы!), но и с чем-то духовным, когда в жизни хочется видеть такое... такое, ну, например: когда на тебя смотрят влюбленными глазами, когда делают неловкое движение, чтобы тебя поцеловать, получая, естественно, отказ, когда перед тобой корчат из себя умного, кидая фразы из Омара Хайяма, когда тебе (лично тебе!) рассказывают в сотый раз один и тот же анекдот, дико хохоча при этом, когда шутят невпопад, желая тебе понравиться, и тебе приходится деланно растягивать не только рот, но и глаза, когда... когда...

Таков уж наш мир — мир парадоксов — мир, в котором ты получаешь радость не только от правильного и неправильного, но и от...чужой дури (из-за нелепой шутки, например), не забывая в глубине души, что такую же дурь можешь совершить и ты — тот, который сейчас хохочет над чужой дурью...

И, дорогой чита тель, давайте признаемся сами себе, что ведь в принципе, здорово, что у людей есть эта самая... добрая дурь, — без нее скучно было бы жить. Ведь каждый из нас веселится, когда видит чужую дурь, и... в то же время готов «провалиться через пять этажей», когда самого угораздит совершить эту самую «добрую» дурь.

— Дурите почаще! — хочется порой воскликнуть. — Ведь это такая радость для других!

А ведь и в самом деле было бы скучно, если бы не было человеческой дури. Правильными и «отглаженными» ходили бы мы все. Да и Бог-Создатель, наверное, предусмотрел в своем гениальном деянии, что только через дурь можно понять свой... ум (если он, все же дан Вам Богом!). И поэтому хорошо, очень хорошо, что дурь порой проявляется всего лишь через нелепые шутки, — было бы хуже, если вместо ума была бы... одна дурь... черная дурь. — Шутите чаще, чтобы чаще попадать в дурацкое положение! Шутите для того, чтобы... проявлять свой ум в более серьезных делах, таких как работа или даже... серьез ный секс. — Кто чаще шутит, тот умнее в жизни! Критерием ума можно назвать дурь, но... добрую дурь. Да и скука, эта омерзительная скука, от которой пахнет смертью, все время подталкивает нас к... дури, чтобы... веселее жилось нам в этом мире — мире парадоксов или... мире испытаний, в котором

невозможно понять что есть белое, пока ты не окунешься по самое горло в черное.

Есть две парадоксальные страны — Япония и США. Я был в обеих странах по много раз и многократно наблюдал, что японцы, в отличие от американцев, склонны постоянно подшучивать друг над другом, а американцы боятся делать это, все время думая о... правах человека. У японца в самом нутре сидит желание подшутить над своим японским товарищем, добро подмечая, например то, как ему — маленькому и неказистому, да еще и с «узкоглазой улыбкой» — удастся достойно провести переговоры с маститым и вальяжным американцем, в сравнении даже с... животом которого он, японец, кажется просто карликом. Японцы все время «подначивают» друг друга, и все время громко хохочут. У них, у японцев, никакая «японская дурь» не пройдет мимо, поскольку японцы смеются не столько над удачной шуткой, а над дурью, которая выплывает в процессе произнесения шутки. Причем они смеются добро, как бы зная, что и он — смеющийся — вскоре допустит подобную добрую дурь, и над ним тоже будут смеяться, добро смеяться. Японцы, мне кажется, даже соревнуются в дури. Хохот сотрясает эту страну ежесекундно, а с этим хохотом в эту маленькую, стесненную крутыми горами страну, входит радость — радость жизни на Земле. В Америке тоже смеются. Но смеются сдержанно, в основном про себя. Дурь здесь непозволительна... позором считается... дурь-то. Поэтому люди американского происхождения все время живут с постоянной опаской — как бы не допустить эту самую дурь?! А дурь так и прет из них, американцев-то. Но скрытая дурь, условным рефлексом защищенная!

Она и вырваться наружу не может, и радость другим доставить! Вот и ходят американцы как манекены, потому что все время показать свою дурь боятся, хотя ее у них — хоть отбавляй. Например, всю жизнь (с дурости!) сэндвичи лопать, зады наращивая... и из-за этого переходить на бесхолестериновую диету для похудения. А потом, с голодухи, лопать уже пять порций сэндвичей (для сытости!), хотя самой американской наукой доказано, что углеводы этих пресловутых сэндвичей в организме сразу превращаются в тот же самый холестерин, от присутствия которого в крови надо было соблюдать эту дополнительную бесхолестериновую диету, из-за которой... для сытости хочется лопать еще и еще, и делать утренние пробежки со скоростью, которую позволяет бултыхание сэндвичей в животе. Борщ бы им, американцам, научиться варить! Да и хорошо бы им, американцам, посмеяться над своей «сэндвичевой дурью» и перестать считать манекен идеалом человека; тогда бы, возможно, не было более крупной дури, такой как разбомбить всю Югославию во имя спасения двух албанских деревень, или захватить Ирак во имя избавления древнего народа Месопотамии от их лидера, который... не любит сэндвичи.

Япредставил, удерживая в руках желтую ребристую авторучку, что, наверное, в других мирах четвертого, пятого и еще более высоких измерений, не говоря уж о родоначальном Том Свете, люди являются такими шутниками... такими шутниками, так не боятся проявить свою добрую дурь, что там не просто раздается радостный хохот, сотрясающий весь их неведомый для нас мир, но и процветает понятие Чистая Душа, поскольку чистота души напрямую связана с чувством розовой радости, которая у них, возможно, приобрела «общерадостные» черты, то есть черты радости, распространяющейся на все их человеческое общество. Да и мечтать они умеют, наверное, розово и... по-доброму, розово подкалывать друг друга.

Сантехнический этюд № 3

— Шеф! Воду из подвала откачали! Хорошо через окно пошла! — раздался голос завхоза.

— Как через окно? — испугался я.

— Ну, по шлангу, конечно! Не через форточку же брызгали! Шланг почти до дна оврага дотянулся. Я сам конец шланга держал. Старался даже, чтобы лакированная бумага, выбрасываемая струей, на деревья налипала.

— Ну и как? Налипла? На деревья-то?!

— Да нет, отваливалась все время.

— Слава богу! — с облегчением вздохнул я.

— Шеф! После откачки воды в подвале грязи осталось — охренеть можно! Чо с ней делать-то? Выгрести или оставлять, чтоб засохла?

— Выгрести, блин, конечно! Бумаги там, среди грязи, много осталось?

— Да нет. Она в первую очередь отсосалась.

— А грязь-то какая, жидкая?.

— Средней густоты, шеф.

— Тогда лопатой ее надо собрать в ведра и вынести. В овраг вынести! А не на газон!

— Понимаешь, шеф, лопат у нас совковых нет, штыковые только. А штыковой-то грязь, размазанную по полу, собирать — это то же самое, что ее столовой ложкой черпать. За три дня не справимся. Олег-сантехник, вон, провонял уже после того, как голову туда совал, но... другим-то не хочется... в культурном учреждении, все же, работаем... иностранцев, вон, полно разных мастей, даже синие были...

— Какие такие синие?

— Не помнишь, что ли, шеф? Сам же его оперировал! Негра этого, ну... синего. Олег-сантехник, когда его на входе увидел...

— Да вроде бы... Он, вроде бы, с сумкой большой шел... А с ней разве туда погреться? На входе куда? В подвал, что ли? Хотя, кто их знает, негров-то? Олег-сантехник говорил, что на этого, синенького, как баклажан, он в полутьме наткнулся. Испугался даже...

— А что у вас там, в подвале, света нет, что ли?

— Да лампочка там перегорела...

— А что новую не вкрутите-то?

— Да электрики наши, шеф, такая сволота... такая сволота! Управы на них нет! Что-то у них там, в подвале, с проводкой' случилось, ну не идут туда, хоть под дулом пистолета веди, не идут.

— А что так?

— Да брезгают. Чистюли чертовы!

— Чего брезгают? Подвала?

— Да нет, шеф. Олега...

— Как так?

— Олег-то, по профессии своей, чаще в подвале обитает. Ему что?! Он вон почти совсем не чует! Он, этот сантехник чертов, считает, что в подвале лучше него никто не разбирается. Ответственный по натуре. Мы его «Подвальных дел мастером» зовем.

— А за что его брезгают-то, электрики? Олега этого?

— Так он, Олег, все лезет и лезет в их электрические дела!

— В дела электриков лезет, что ли?

— Ну да. Он, Олег-то, может руки в дерьмо засунуть и... даже об штаны не обтерев, по лбу электрика щелкнуть за то, что он в подвале мало чего шурупит.

— Неужели щелкал он кого-нибудь... такой рукой?

— Щелкал, сволочь, щелкал... Серегу-электрика, который уволился, щелкал. Пятно даже, говорят, осталось... коричневое. Жалко Серегу, толковый был, хоть и пил. Ну, сам понимаешь,

шеф, текучка у нас, текучка.... Из-за Олега, мне кажется, многие увольняются.

— Всех щелкает, что ли?

— Да почти всех, кто к нему в подвал суется!

— А Олега-то, что, держите, если...

— Щелкает, что ли?

— Ну... да.

— Знаешь, шеф, не каждый человек голову в дерьмо засунет. А Олег спокойно сует. Ценный кадр...

— М... — да.

— Но он, Олег этот, зараза, целый день с этой головой ходит, да и щелкает еще! Я с ним, конечно, политраблота проводил, даже за... руку... в душ для сантехников водил, но там, понимаешь, шеф, кран протекает, мочалкой затыкали... Сапожники без сапог, блин!

— М... — да.

— Попробуй, шеф, найди таких кто... сует?! Когда последний раз Олег совал, то, сам понимаешь, муть помешала вентиль обнаружить. А Залифы, главной медсестры, не было на месте, сам знаешь. Но... и без марли обошлись. Олег почти плавал в... но обнаружил... рукой. Потом я, как руководитель, удостоверился...

— Ты тоже совал, что ли?

— Что?

— Руку.

— Да, шеф, совал. По плечо. До сих пор вонь справа чую. Вечером помыться планирую...

— Я не понял, так этот самый — синенький — в подвале был или нет? — решил уточнить я.

— Да был, наверное, шеф... Олег врать не будет. Говорит, видел. А он всегда в подвале обитает, Олег-то.

— Он, что, тоже в подвал... за этим ходил?! — опешил я.

— Кто?

— Да синенький, этот!!!

— Ходил, наверное... У них, у негров-то, сам понимаешь, шеф, культура ниже, чем у нас, — гордо поднял голову завхоз.

— Точно помню, был такой негр, — припомнил я. — Синеватый... Зеленку на его лице я не мог разглядеть, когда оперировал. Зеленый цвет на синем фоне не видать. Боялся не в том месте скальпелем разрез сделать... Так он же, вроде... фиолетовым был?

— Синим, точно синим, шеф!

— Таких негров не бывает.

— Олег, если хочешь, подтвердит. Удивился, говорит, когда синего увидел...

— В подвале?

— Ну..., Олег иногда и на поверхность выходит. Но в подвале видит лучше, зрение у него, говорят, ночное, как у кота или...

— Давайте, короче, выгребайте эту грязь из подвала! — разговор с завхозом начал меня утомлять.

— Как, шеф?

— Думайте давайте! Подключите Олега, который... в подвалах все знает. Ему же там обитать!

— Ладно, шеф! Щас совещание соберу! — важно произнес завхоз, закрывая дверь.

Я снова взялся за авторучку и с удовлетворением отметил, что она желтого, а не... коричневого цвета. Мысли постепенно стали набирать обороты.

Кто на что горазд

Я понимал, что одинаковых по умственным способностям людей не бывает. Более того, способности людям даются разные: кто-то силен в амурных делах, кто-то — в электрических, а кто-то... в подвальных. Способности, видимо, и определяют то состояние души, когда человек чувствует себя полноценным. Кто-то свою жизненную полноценность находит в политике, кто-то — в хирургии, кто-то — в электричестве, а кто-то... в подвалах. Как говорится, кто на что горазд! Слово «горазд» у меня ассоциируется со словом «педераст», поскольку я с молодости помню дворовые стихи. *Кто мужчин любить горазд Тот, наверно, педераст!* Яот одного человека слышал даже такую фразу — «Настоящая Любовь — это однополая любовь!» Я даже видел людей, склонных к «неестественно-задней любви», но признаюсь, что для меня понятие Любовь обязательно связано с образом женщины. Уж кто на что горазд, как говорится!

Слово «горазд», на мой взгляд, в более широком смысле связано с понятием «призвание». Самое страшное, если человек не нашел своего призвания, — ходит хмуро так, с недовольным лицом, и вечно ворчит. Ворчуны, мне кажется, и есть те люди, которые не нашли своего призвания. А ты, нормальный человек, который «нашел себя», все время чувствуешь себя виноватым перед ним, ворчуном, будто бы именно из-за тебя этот человек не нашел своего призвания. Ты долго терпишь их ворчание, порой очень долго... но рано или поздно «взрываешься» на ворчуна, обзывая его всякими там плохими словами, среди которых чаще всего звучит смачное русское слово «брюзга».

Брюзжащих людей, как правило, никто не любит. Почему? Да потому что люди подсознательно чувствуют, что брюзга не любит ни Бога, ни черта, ни женщину, ни мужчину... а любит только самого себя. Ему, брюзге, конечно же, трудно научить других чему-либо, потому что он, не найдя себя в жизни, может только брюзжать.

А вообще-то, хотелось бы дать совет ворчунам — научитесь любить! Постарайтесь любить! Натужно постарайтесь, даже несмотря на свой возраст! Если некого любить, полюбите что-либо — профессию, занятие, даже «бзик» свой, в конце концов, полюбите! Но полюбите! И тогда в вас вольется энергия, такая необычная и светлая энергия, что даже... поганый подвал засветится розовым светом.

Пакистанская любовь

Любви хотят все. Все люди едят, пьют, делают зарядку, и при этом... всегда хотят любви. Нет человека, который не хотел бы любви, пусть даже мало-мальской, но любви. Любви хотят даже в сугубо мусульманских странах, где женщина, скрытая под паранджой, явно не взывает к любви, хотя загадка всегда влечет, а вдруг под паранджой обнаружится такое... такое... что... ни словом сказать ни пером описать. Но чаще всего, из-под паранджи вылезает «такое», что... лучше бы и не вылезало!

Однажды я приехал с показательными операциями в государство Пакистан, где живут люди индийской внешности. Паранджу их женщины не носят, но... все время как бы порываются ее надеть. Хочется им что-то паранджу надеть, как велят их обычаи, но жарко в ней и противно ходить, в парандже-то, да и плохо видно через это сито. Да и губы хочется вывернуть и показать

всем пакистанским мужчинам в... красивых белых кальсонах и рубашках навывпуск. Ну... мода у них такая — в кальсонах ходить. Не по нашенски это — в кальсонах-то ходить, но им, пакистанцам, виднее.

И вот в этом самом Пакистане встретил я операционную сестру по имени Шахзада. Умная такая, и без паранджи. Но в платке. И в платье до пят. И запястья закрыты материей. Все как надо, в общем. Кальсоны тоже у нее были, но цветастые; они при ходьбе из-под платья выглядывали.

А руководил этой клиникой, где я оперировал, некий профессор Хаким — худой такой мужчина неопределенного возраста... лет этак от 60 до 120. Руки у него висели как плети, почти до колен, он мог даже колено почесать, не сгибаясь. А глаза у него были тусклые-тусклые, как бы подчеркивая нелегкую пакистанскую жизнь.

Кальсоны профессор Хаким носил редко, но все же носил. Чаще всего он одевался по-европейски, надевая костюм с прекрасной белой сорочкой и галстуком (цветастым!). Все обожали его — такого импозантного и умного. Но больше всех обожала его операционная сестра Шахзада. Обожала на полную катушку, даже порхала перед ним. Даже летала... почти. Даже, чувствовалось, страдала по нему.

В те моменты, когда операционная сестра Шахзада порхала перед профессором Хакимом, он, профессор Хаким, преображался. Глаза его переставали быть тусклыми, то есть загорались, и ему тут же, тут же хотелось... выпить. А выпивать в Пакистане, как известно, нельзя. Ни под каким предлогом нельзя. Да и водки или виски в Пакистане не найти, хоть днем с огнем ищи.

Но профессор Хаким намекал. Сильно намекал. Давил на то, что мы — русские — могли бы, вообще-то, привезти с собой водки, хотя бы... в сушеном виде, чтобы пронести ее через их жуткую по строгости таможду, которая обыскивает тебя вплоть до трусов в поисках бутылки. А я разводил руками, приговаривая что-то типа — «Ну что ж тут поделаешь!».

Тогда профессор Хаким грустно садился в автомобиль и ехал к хорошо известным ему местным контрабандистам, чтобы купить за 80 долларов бутылку «Московской». Мы уезжали ко мне в гостиницу, заказывали еду, просили отодвинуть наш столик подальше от других, и тогда... я тайком запускал руку в полиэтиленовый пакет под столом, чтобы прямо в нем налить в стакан водки.

Выпивая, профессор Хаким всегда приговаривал: — За любовь! Я всегда поддерживал его, ощущая, что он кого-то любит, причем любит сильно и страстно, так сильно и страстно, как бывает только тогда, когда действует принцип — «Запретный плод сладок!».

Я, конечно же, догадывался, кто этот «плод», но молчал, поглощая очередную порцию «запретной» водки из полиэтиленового мешка под столом. Я замечал, что когда профессор Хаким говорит о любви, его обвисшие руки подтягиваются, тусклые глаза начинают блестеть, лицо разглаживается, а худой зад подается вперед. Я даже стал подумывать о том, что средством против тусклой старости является Любовь.

Когда мы заканчивали «кирять», профессор Хаким садился в автомобиль и неверной рукой брался за руль, чтобы по страшно узким пакистанским дорогам доехать до дома, где его ждала... нелюбимая жена. А однажды он, пребывая за рулем в «хорошем» состоянии, задавил змею, мирно проползавшую по улице (а змей там, на улицах, довольно много!). А бывало и так, что я, беспокоясь о нем — «поддавшем», ехал, рискуя, вместе с ним и постоянно приговаривал:

— Be careful! The roads here, in Pakistan are very narrow! (Будь осторожен! Дороги, здесь, в Пакистане, очень узкие!)

— The roads are not narrow! The space for love is extremely narrow in Pakistan! (Дороги не узкие! Пространство для любви очень узкое в Пакистане!)

Я соглашался с ним. А потом, на такси, возвращался обратно.

Оперируя в Пакистане, я всегда негодовал по поводу системы их хирургии. Приходилось после каждой операции (а я оперировал человек шесть в день) менять всю хирургическую одежду, после чего минут десять вновь тереть руки омерзительно жесткими щетками для подготовки к новой операции.

Когда я тер руки щетками, я скучал. Вскоре ко мне, во время «терки рук», стала подходить операционная сестра Шахзада. Она стояла и смотрела на меня. А я остервенело тер руки. Она смотрела. А я тер.... Она смотрела. А я тер...

Наконец она заговорила со мной:

— Слушайте, профессор Мулдашев, а в России существует любовь?

— Конечно, — ответил я, вкладывая всю силу в щетку, размазывающую по рукам мыло вперемешку с допотопным йодом.

— А какая у вас там любовь? — наивно спросила она.

— Ну, какая, какая? — озадачился я. — Обычная. Между мужчиной и женщиной.

— Ну, какая она... у вас? — продолжала домогаться Шахзада, подавая новую щетку для терки.

— Ну... как тебе, Шахзада, сказать?! Ну... ухаживают люди друг за другом, а потом между ними начинается секс.

— Чтобы родить детей?

— Ну не только...

— А для чего еще секс? — Шахзада смутилась.

— Ну понимаешь, Шахзада, — тут уже смутился я, — секс бывает еще и для другого.

— Секс — это любовь? — спросила Шахзада.

— Ну... — смешался я.

— Секс — это для детей! — вдруг заявила Шахзада.

— Ты так думаешь? — я выпучил глаза.

— А как же по-другому рожать детей?! — вскинула голову она. — Вот у меня — шестеро детей.

— Сколько?!

— Шестеро.

— Ничего себе!!!

— И все они — результат... — смутилась Шахзада.

— Чего? — спросил я.

— Секса.

— А-а-а...

— Вот так вот.

— Ясно.

— А что, у вас, в России, по-другому рожают детей?

— Да нет... так же.

Я слегка растерялся и, чтобы скрыть это, продолжал тереть руки щетками, хотя время «терки» уже кончилось.

— А все-таки, скажите мне, профессор Мулдашев, — как у вас в России рожают детей — с помощью секса или любви? — настырно спросила Шахзада.

Я взглянул на нее и сказал, что мне пора идти оперировать. Когда очередная операция закончилась, и я, готовясь к следующей, снова начал тереть руки, Шахзада вновь подошла ко мне.

— Я поняла, — резко бросила она, — что в России секс — это любовь.

— Ну... как тебе сказать...

— И вы, — продолжала Шахзада, — можете с помощью любви рожать детей... в России.

— Ну... — промычал я.

— А мы в Пакистане не можем делать этого!

— Почему?

— А потому...

— Почему?

— Потому что у нас, в Пакистане — пакистанская любовь.

— А что это за любовь такая — пакистанская? — спросил я. Шахзада густо покраснела и, поправив свой платок, ушла, даже забыв подать мне очередную щетку.

Во время следующей «терки» Шахзада ко мне не подошла, а щетки мне подавала какая-то безликая девушка, которая все время прикрывала платком рот и нос. Я даже стал думать о том, что я чем-то обидел Шахзаду.

На следующий день Шахзада все же подошла ко мне во время «терки» и опять начала пристально смотреть на меня.

— Что, Шахзада? — спросил я.

— Да вот...

— Что — да вот?

— Да вот...

— Что?

— Скажите, профессор Мулдашев, Вы можете хранить...?

— Что?

— Нет, скажите, Вы можете хранить?

— Что, Шахзада?

— Вы можете хранить... секрет?

— Могу, — неуверенно ответил я.

— Это хорошо, — промолвила Шахзада и ушла.

После очередной операции, когда я опять тер руки, Шахзада вновь подошла ко мне и снова стала пристально смотреть на меня.

— Что, Шахзада? — опять спросил я.

— Скажите, так Вы умеете хранить секрет?

— Умею, — ответил я, уже более уверенно.

Шахзада вскинула на меня глаза и, резко развернувшись, снова ушла. Я остался в недоумении.

Когда я снова тер руки, Шахзада, подойдя ко мне, уже требовательным голосом задала мне вопрос:

— А Вы точно умеете хранить секрет?

— Да, умею! — почти раздраженно ответил я, сказав про себя «черт побери».

Тут, наконец, Шахзада, во время «терки рук», сказала конкретно:

— Профессор Мулдашев! Я Вам хочу открыть секрет! Но очень большой секрет!

— Ну что... давай!

— А Вы никому не скажете?

— Никому.

— Точно никому?

— Точно.

— Никому?

— Никому.

Ой... — проговорила Шахзада и опять ушла.

Но во время следующей «терки» Шахзада подошла ко мне и решительно, с вызовом, произнесла:

— Вы думаете, что только у Вас в России есть любовь?

— Нет, я так не думаю... — проямлил я.

— У нас тоже есть любовь!

— Это хорошо...

— Но у нас — другая любовь!

— Какая?

— А Вы, профессор, никому не скажете?

— Никому.

— Точно?

— Точно.

— Обещаете?

— Обещаю.

Шахзада сосредоточилась и... опять спросила:

— Точно никому не скажете?

— Точно.

— Никому?

— Никому.

Шахзада опять задумалась и с философскими оттенками в голосе проговорила:

— Вы об этом можете рассказать в России. Россия от нас далеко! Там, у вас, другие люди!

Но у нас, в Пакистане, пожалуйста, никому не рассказывайте! Ладно?!

— Ладно.

— Вы, профессор, даже обязательно расскажите об этом в России, в вашей холодной стране. Обязательно! Обещаете?

— Обещаю.

— Потому... потому, что у нас тоже есть любовь.

— ?..

— Но другая любовь.

— Какая?

— Пакистанская.

Я перестал тереть руки, бросил щетку, ополоснул руки под краном, вытер их об полотенце, уселся на стул и, пригласив Шахзаду сесть, сказал:

— Расскажи, Шахзада, о пакистанской любви. Шахзада опустила глаза и с трудом выдавила из себя:

— В общем... у меня есть любовник.

— М-м-м...

— И знаете — кто он?

— Кто?

— А Вы точно никому не скажете? Точно?

— Точно, Шахзада, не скажу.

— Точно?

— Точно.

— Абсолютно точно?

— Абсолютно.

— Моим любовником является... — Шахзада осеклась.

— Кто?
— Вы точно никому не скажете?
— Сверхабсолютно точно!
— Правда?
— Правда!
— Моим любовником является..., - Шахзада опять осеклась.

— Ну кто?
— Моим любовником является... является... профессор Хаким.

— Кто?! — удивился я, представив профессора Хакима с обвислыми руками в возрасте... от 60 до 120 лет.

— Профессор Хаким, — гордо повторила Шахзада.
— Ну... а... разве он... извини, Шахзада... может?
— Что... может? — не поняла она.
— Ну... в плане секса... — проговорил я.
— О! воскликнула Шахзада. — У нас другая любовь!
— Какая?

— Пакистанская. Я заерзал на стуле.

— Так что же такое пакистанская любовь? — спросил я.

— Ну... — замешкалась Шахзада. — Ну... А точно никому не скажете?

— Точно не скажу. Абсолютно, сверхабсолютно и сверхсверх-абсолютно, никому не скажу! Шахзада вздохнула, пристально посмотрела на меня и начала рассказывать.

Уже давно, когда у меня было всего четверо детей, — говорила она — я обратила внимание на то, что профессор Хаким смотрит на меня. Смотрит и смотрит, смотрит и смотрит! Сильно смотрит! Очень пристально смотрит! Каждую минуту смотрит! Ну я и... ну я и...

— Что?

— Ну я... тоже начала смотреть на него.

— Тоже пристально?

— Вначале робко смотрела, а потом смелее начала...

— Смотреть?

— Да. А потом... потом...

— Что?!

— А потом я вообще потеряла стыд и начала на него, профессора Хакима, смотреть во все глаза, непрерывно. Смотрела и смотрела, прямо глаз с него не сводила!

— А он... тоже смотрел?

— Тоже. Да так смотрел, так смотрел!!!

— И... что же дальше? — перебил я.

— А дальше? — Шахзада смутилась. — А Вы точно никому не скажете?

— Точно, сто процентов!

— Точно?

— Точно.

— Абсолютно точно?

— Абсолютно.

— Дальше... — глаза Шахзады затуманились, — дальше... я решилась на такое... такое...

— На что решилась, Шахзада? — уже почти умолял я.

— А... Вы точно никому не скажете?

— Ну... — тут уже затуманились мои глаза, — никому и ни за что не скажу! Не-ска-жу!

— Я решила на... — Шахзада сделал паузу, — на... А точно никому не скажете?

— Точно! — уже прорычал я.

— Я решила, — лицо Шахзады запылало, — я решила... написать ему записку.

— А я-то думал...

— Вы думали, что я не смогу сделать этого?

— Чего?

— Написать записку.

— И только?

— Но я написала такую записку... такую...

— Какую?

— А... точно никому?..

— Точно! — перебил я.

Глаза Шахзады вспыхнули ярким светом и... она, смутившись, тихо проговорила:

— Я написала записку о любви к нему — профессору Хакиму

— ?..

— Я, я... — продолжала она, — я положила эту записку в карман его хирургического костюма, в который он переодевается в... туалете.

— Где?

— В туалете...

— М-да... Хирургия...

— Так вот, — не умолкала Шахзада, — я положила записку в карман его хирургического костюма и... и...

— Что — и?

— И показала на карман глазами! — лицо Шахзады горело.

— А потом?

— А потом... профессор Хаким зашел в туалет...

— Для чего?

— Ну как — для чего? — Шахзада возмутилась, — для того, чтобы прочитать эту записку! А в ней было написано... ой... о любви к нему. Я долго ждала... около туалета и, наконец, он вышел...

— И?..

— Он, — голос Шахзады задрожал, — он... так посмотрел на меня, так посмотрел! А потом... потом...

— Что — потом?

— Потом он показал мне глазами на карман моего хирургического костюма, висевшего около туалета, и, скрытно положив в карман бумагу с ручкой, опять зашел в туалет. Там он... там он...

— Что делал?

— Он писал мне любовную записку.

— М-да...

А потом он, профессор Хаким, вышел... оттуда и... и... скрытно положил записку в карман моего хирургического костюма, многозначительно указав на него глазами. А я... я взяла свой хирургический костюм, зашла в туалет и... и... и...

— Что?

— И читала там записку!

Эмоции переполнили Шахзаду Она опустила голову. Я тепло смотрел на нее.

— И... так у нас продолжается много лет, — тихо промолвила она. — Я еще двух детей

родила за это время.

— От кого?

— От мужа, — Шахзада ошалело взглянула на меня. — От кого же еще?..

— Ас профессором Хакимом... у вас секса не было? — смутился я. Шахзада кинула на меня возмущенный взгляд и медленно, почти по слогам, проговорила:

— У нас па-кис-тан-ска-я любовь.

Поле Любви

Мне от этих слов было, конечно же, немножко смешно и я даже чуть не хихикнул. Но удержался, — что-то ласковое и теплое коснулось моей души. Я прислушался к этому «ласковому и теплому», и оно показалось мне по-детски беззащитным.

— Неужели любовь беззащитна?! Неужели над любовью можно посмеяться?! — промелькнула мысль.

Но я тут же ее откинул. Я как-то сразу осознал Силу Любви, которая способна не только крушить все препятствия на своем пути, не только давать возможность ощутить человеку истинное счастье в виде щемящего чувства в душе, но и понять, что через любовь к женщине (или мужчине) когда-нибудь появится, обязательно появится непонятное, грандиозное и щемящее чувство в душе, сладость которого будет столь велика, столь велика, что будет казаться, что ^{Это} непонятное чувство исходит из каждой твоей клеточки и даже из каждой твоей молекулы. Вы начнете прислушиваться к этому непонятному грандиозному чувству, Вы будете стараться связать его с образом любимого человека, но оно, это непонятное и грандиозное чувство, будет как набат звучать в Вашей душе, стирая на своем пути все остальные чувства и уводя Вас куда-то ввысь, в такую высь, выше которой не бывает. Вы будете еще какое-то время мучиться, желая осознать это непонятное в своей грандиозности чувство, но Вам это не удастся. Ваше сознание будет беспомощно молчать. Омерзительно беспомощно молчать. Вы даже начнете злиться. Но вдруг, вдруг чувства, именно чувства подскажут Вам выход из этого ужасно трудного положения, тяжесть которого будет пробирать Вас до самой последней клеточки, и именно чувства подскажут, что Вам надо сделать еще один шаг, еще один шаг в сторону... Любви, чтобы она, эта непонятная Любовь, вдруг вышла на новый качественный уровень, тот уровень, от которого неожиданно станет легко, очень легко, столь легко, столь здорово и хорошо, что Вы почти засветитесь, почти засияете, потому что поймете, что... Вы начали по истинному любить Бога, который, вообще-то создал нас своей... Любовью к нам. Вы поймете, что любить Бога не просто величественно, но и очень приятно и легко... вот так вот — любить Бога, да и все. Но... но... Вам будет трудно удерживаться на этой волне долгое время, потому что Бог дал Вам (пока!) не так много Силы Любви, что ее хватило лишь на кратковременную вспышку, хотя... эта вспышка, как говорится, многого стоит... И Вы будете долгое время жить под впечатлением этой вспышки, этой сумасбродно-прекрасной вспышки, которая будет будоражить Вашу кровь своим величием и красотой, чтобы... было с чем сравнить Вашу Любовь.

И именно из-за этой вспышки Вы поймете, что такое истинное Счастье, и... станете рабом этой самой вспышки, и... будете ждать, когда эта вспышка повторится вновь, негодую по поводу того, что, возможно, эта вспышка была единственной в Вашей жизни и понимая, что если жить на уровне этой «невероятной вспышки», то Сила Любви воистину станет действенной, обладая способностью не только приводить Вас, с авоськой в руке, в сверкающее состояние, но и свершать такие дела... такие дела, что... даже чудесный Город Богов покажется Вам обычным

деянием энергии под названием Любовь к Богу, перед которой меркнут не только женщины и мужчины, но и... и... в общем... все на свете.

Я опустил голову и показался самому себе тупым-тупым, даже очень и очень тупым. Тем не менее я понимал, что Создатель не считает главным какой-либо вариант или какой-либо выбор Любви, баланс полов или баланс возрастов, а считает главным создание поля любви, которое я бы написал с больших букв — Поле Любви.

И пусть некоторые варианты Любви кажутся нам неестественными, такие как «пакистанская любовь», любовь людей с разницей в возрасте... в 60 лет, «голубая или розовая любовь» и тому подобное, любовь должна всегда присутствовать в людях, потому что она создана Богом, чтобы когда-нибудь... когда-нибудь вывести Человека на новую ступень любви — Любви к Создателю. И в этом, поверьте, не будет ничего эгоистичного, поскольку от главной любви — Любви к Создателю, начинается и другая любовь, большая или малая, хорошая или плохая... но Любовь. Сам Создатель вершил свое творение за счет Силы Любви и вправе требовать, чтобы и «дети» были полны созидательной любовной энергии, и не впитывали поганую негативную разрушительную энергию, ведь им, детям, надо прогрессировать и прогрессировать, прогрессировать до той степени, чтобы... в далеком будущем почти сравняться с Богом-Создателем.

— Поле Любви, — тихо проговорил я. — Странная это штука — Любовь! Она везде! Ею пропитано все! Даже там, где она запрещена — она существует, пусть даже... в пакистанском варианте, но она существует, вопреки всему существует!

Я почувствовал, что устал. Я положил голову на свои руки и... крепко уснул.

Какой-то голос разбудил меня. Я поднял голову и вдруг увидел на листе рукописи капельку своей слюны.

Сантехнический этюд № 4

— Шеф! Совещание я провел. Решили, что грязь в подвале надо оставить. Пусть засыхает, — слышался голос завхоза. Как так засыхает?! — спросонья возмутился я.

— Олег-сантехник согласен...

— С чем согласен?

— Он согласен в сапогах ходить, пока грязь не засохнет.

— Так ведь он в грязных сапогах будет по Центру шляться и грязь везде растаскивать! Поди, девками-то интересуется! Кстати, девчонок он тоже по лбу щелкает?!

— Щелкает, шеф, точно щелкает. А как ему по другому оригинальность-то свою проявить?!

— Рукой, которой в дерьмо лазил, щелкает, что ли?

— И такой щелкает, и чистой щелкает. Он, шеф, считает, что главное в жизни — это любовь. Олег твердо убежден, что если баба полюбит, то полюбит и такого, который весь в... Не в этом, говорит, дело.

— А в чем?

— В душе, шеф, в душе. Душевный он парень, Олег-то, душевный. С душой он к своему делу подходит. Без душевного порыва разве сунешь башку-то в... А он, Олег-то, сует в душевном порыве. Я вот, шеф, не смог этого сделать, хотя может и хотел; руку по самое плечо... погрузил и начал нащупывать, а он, Олег-то, разглядеть хотел в... чтобы точнее вентиль перекрыть. Героизм, понимаешь, шеф, везде должен присутствовать, даже в самой... работе. Жаль Залифы, главной медсестры, не было на месте... марли, понимаешь, не было...

— А вентиль-то, хоть надежно перекрыли?

— Надежно, шеф, надежно! Сам доворачивал, когда воду откачали, теперь уже никто никогда не отвернет.

— Так ведь его, завтра отворачивать придется, чтобы воду по всему нашему зданию пустить, когда дыру в трубе заварят!

— Я, шеф, решение такое принял, чтобы весь этот кусок трубы, где вентиль находится, заменить на новый...

— Зачем это?

Да... завернул я его, вентиль этот, слишком сильно. Вдвоем с Олегом прикладывались, когда заворачивали-то. Теперь обратно не отворачивается, сволочь. Там хрустнуло что-то. Резьбу сорвали, на верное... Эх! Лишку я приложился! Да еще Олег довернул... тоже с душой! Ну сам понимаешь, шеф, страх после потопа возник. Да и мышь эта... белая... после откачки воды в грязи валялась, как смерть. Ну мы тут и приложились, с Олегом-то!

— М-да...

— Шеф! Олега не вини! Когда заворачивал я — три раза хрустнуло, а когда Олег доворачивал — всего один раз.

— Так ведь... чтобы кусок трубы около вентиля заменить, надо опять воду перекрывать! Где перекрывать-то будете?

— Выяснили шеф, выяснили. Олег подсказал. Он, оказывается, подвалы и соседних зданий знает. Коллеги у него там работают... в подвалах-то.

— И что надо делать?

— Надо полквартила от воды отсобачить. Но не навсегда.

— На сколько?

— Часа на два... а может и на пять. Сам понимаешь, шеф, трубу ведь надо вначале с вентилем оттяпать, потом найти такую же, а потом другую приварить...

— Надо, вообще-то, трубу с вентилем вначале найти, а потом уже оттяпать!

— Шеф! Плохо ты знаешь сантехническую работу. Если я пошлю Олега заранее трубу с вентилем искать, то он ее три дня искать будет — пока найдет, пока счет выпишут, пока бухгалтерия проплатит, пока банк пропустит... А здание наше все это время будет без воды стоять. А вот если полквартила без воды оставить, то Олег мгновенно кусок трубы с вентилем найдет — коллеги по подвалам помогут.

— А-а-а...

— Шеф! Позвонить надо дежурному квартальному...

— Кому?

— Дежурному сантехнику всего квартала. Он, понимаешь, большой человек, — если ты, шеф, позвонишь, он быстрее перекроет... даже на весь квартал может замахнуться.

— А зачем весь квартал-то перекрывать?

— Для надежности.

— А-а-а... Телефон-то есть?

— Есть. Чать, не первый раз перекрываем!

— А дыру-то нашли?

— Какую дыру?

— Ну ту дыру в трубе, из-за которой у нас потоп случился... Всемирный...

— Дыру, говоришь? Дыру... Шеф! прямо скажу, что из тебя хороший сантехник получился бы! О ней мы и не подумали!

— О ком, о ней?!

— Да о дыре!

— Ну-ну...

— Олег-сантехник должен был догадаться дыру поискать. Ну что за тупизм, а?! Пока сам не скажешь... пока не укажешь... Ну и всыплю я этому Олегу! Только по лбу щелкать может, сволочь!

— Всыпь-всыпь...

— Щас совещание соберу и такое... всем вставлю! Дыра будет найдена, шеф! Квартальному после этого позвоним.

— Давайте, действуйте!

А все-таки здорово, что среди нас есть тупые люди

Я подумал о том, что все-таки здорово, что среди нас есть тупые люди, в противном случае как бы мы определяли степень своего ума?! Чем больше вокруг нас тупых людей и чем степень их тупости выше, тем умнее мы себя чувствуем. А чувствовать себя умным, как известно, приятно. Особенно туповатому человеку приятно, потому что не так-то легко найти еще более тупых людей, чтобы с удовольствием показать свой «интеллектуальный потенциал...» перед ними.

Желание продемонстрировать свой интеллектуальный потенциал и почувствовать себя умным, сидит, как мне кажется, в естестве человека и близко к таким естественным желаниям как, например, овладеть женщиной и показать ей такое... чтобы запомнила на всю жизнь! Желание «блеснуть умом» сродни страсти, и, надо сказать, что эта «страсть поумничать» не только охватывает все слои населения любой страны, но и является «путеводной звездой», определяющей выбор жизненного пути того или иного человека.

Самым страшным на этом «жизнеопределяющем пути» являются неудачные попытки поумничать (то есть показать свой интеллектуальный потенциал), когда ты вдруг ощутишь, что другие люди телепатируют тебе — «Уж лучше помолчал бы!». Обычно умничающий человек первую неудачу переносит легко и, прочитав намеренно... через пять страниц... Льва Толстого, и даже выписав (вернее, списав... без ошибок!) пару фраз для запоминания, начинает с дрожью в голосе вставлять в разговоре эту фразу Толстого, не замечая того, что глаза у него при этом становятся стеклянными (от напряжения!) и никак не «подходят» к этой глубоко философской фразе, а противный телепатический голос — «Уж лучше помолчал бы!» опять начинает звучать в голове.

После второй неудачной попытки поумничать человек замолкает надолго и даже, иногда, решает всю жизнь молчать, вот так вот — молчать, да и все, чтобы все эти ухмыляющиеся телепаты думали, что это он оценивает их, обладая «сверхэкстрасенсорными» способностями к интеллекту человека. Но молчать долго не удастся — тянет все же поумничать-то. Опять возникает неудача... и опять...

И вдруг, когда уже «стучится в двери» противный комплекс неполноценности, человек обнаруживает, что на свете есть люди — хорошие и прекрасные люди, которые понимают его с полуслова, и у которых та самая злополучная фраза Льва Толстого вызывает бурный восторг и даже, может быть, хлопки со смачным приговариванием — «Ух ты!». И ему, этому человеку, начинает хотеться жить среди этих «прекрасных» людей, жениться на... такой же, чтобы всегда слышать смачное «Во дает!», да и чтобы всегда весело было. Он, этот человек, находит свою нишу в этой жизни и не хочет выходить из нее, потому что в ней ему хорошо.

Наверное, в мире существует своеобразный механизм, основанный на противопоставлении тупости и ума, который через глубинную обиду, возникающую у людей от невозможности получить «радость от ума» в обществе более умных людей, «распикивает» людей по разным социальным слоям человеческого общества, чтобы у нас были не только политики, ученые и артисты, но были еще и рабочие, колхозники, дворники и... сантехники. Этот механизм создает баланс в обществе, так как в этом мире нужно не только думать, но и пахать, ковать, лудить и... закручивать вентиля. Таков наш мир — мир трехмерного пространства. А на Том Свете, когда мы окажемся в прекрасном Мире Свободного Времени или Мире Мыслей, не надо будет пахать, ковать, лудить и даже... закручивать вентиля, там... достаточно будет только подумать.

Я покрутил в руке дешевую дурацкую трехмерную авторучку желтого цвета и понял, что этот своеобразный механизм и в самом Деле, наверное, существует.

— «Поле тупости» можно назвать этот своеобразный механизм! — проговорил я про себя. — Но это добрый механизм, очень Добрый! «Поле тупости» доброе!!! И пусть кому-то придется пережить глубокую обиду по поводу того, что он не смог в «чужом» для себя слое общества испытать «радость от ума», зато этот человек будет испытывать пожизненную радость в «родном» слое общества, куда его занесло «поле тупости». И никогда не думайте, что Вы — умный, счастливее тупого! Каждому уютнее «в своей тарелке».

Я все продолжал вертеть в руке эту желтую авторучку. А она вертелась, как-то легко вертелась.

— Поле тупости, поле тупости... — приговаривал я шепотом, размышляя. — А ведь оно, это «поле тупости», должно быть изменчивым. В средние века, когда по земле бродили тупые еретики и люди получали удовольствие от протыкания друг друга кинжалом, «поле тупости» было, наверное, несравненно «более тупым», да еще и злым. А сейчас, во времена компьютеров и космических кораблей, когда даже Америка вынуждена придумывать всякие тупые доводы, типа существования у Ирака оружия массового поражения, для оправдания своего вторжения в эту страну, «поле тупости», так сказать, «поумнело». Большое количество людей, наверное, стало жить на более высоком (по уму!) иерархическом уровне, да и, возможно, появились... новые иерархические уровни, в которых стала жить пусть еще узкая прослойка людей, но уже начала жить, ощущая счастье, прежде всего, от умной Чистой Души других людей.

Мне как-то сразу стало понятно, почему нас с детства учат, учат и учат. И даже то, что наша память не способна запомнить даже малую толику того, что мы проходим в школе и в институте, мы все равно учимся, учимся и учимся, до отупения зубря предметы, чтобы с облегчением сказать «Ух!» после «тройки» на экзамене. Мы, всего-навсего... я так думаю... меняем Всеобщее Поле Тупости, чтобы оно постепенно, очень постепенно изменилось и дало возможность жить будущим людям на более высоком умственном уровне. Мы, зубря предметы, как бы заботимся о будущих поколениях. А учителя, наши учителя, получающие такую зарплату, что на нее даже цветастого галстука не купить, учат нас, учат и учат, потому... потому что так им подсказывает их подсознание, поскольку они, наши учителя, чаще всего, люди от Бога.

Но самым лукавым «полем тупости» является «коммунистическое поле». Девиз «всеобщее равенство», насаждаемый коммунистами, буквально перебуторивает все социальные слои общества, давным-давно организованные добрым «полем тупости», а лозунг «диктатура пролетариата» добавляет «масла в огонь». Вот и появляется зависть — глубинная зависть менее умного человека к более умному, потому что все слои общества должны по коммунистической идеологии быть равны. А такого, извините, не бывает. К тому же диктатура одного из сравнительно низких слоев общества (пролетариата) узаконивает эту зависть, оправдывая даже репрессии под лукавым символом «врага народа».

В этой связи мне нередко вспоминается история о том, как меня принимали и как выгоняли

История о том, как меня принимали и выгоняли из КПСС

А дело было так. Памятуя, что в свое время завистники, при поддержке обкома КПСС, наконец уничтожили нашу инициативную научную группу, мои друзья (Амир Салихов, Ришат Булатов, Рафик Нигматуллин, Сагит Муслимов и Венера Галимова), решили «затолкать» меня в партию, чтобы защититься от подобного в будущем. Я, конечно же, сопротивлялся. Но они, мои друзья, произносили очень убедительные слова, приговаривая:

— Ты, Мулдашев, умнее других себя не считай! Помнишь, что было в 1982 году?! Помнишь?! А если бы ты был членом КПСС — не посмели бы! Понял?! Ты бы смог сказать: «Я как коммунист вам говорю, советская наука, которой я служу...».

А все началось с того, что Амир Юсупович Салихов изящно вырезал бородавку у одной женщины — второго секретаря райкома КПСС, которая могла бы стать столь необходимым «блатом» для моего вступления в ряды КПСС.

Ну... в общем, «блат» этот, связанный с бородавкой, сработал и... я стал кандидатом в члены КПСС, хотя, честно говоря, ужасно не хотел.

Целый год я «притворялся приличным человеком». Я даже один раз сходил на партсобрание, где сказали, что доктор Мулдашев достоин быть коммунистом и постановили выдать мне партийный билет. Но я к этому времени уж очень устал корчить из себя «приличного».

Тогда я, конечно же, мало чего понимал в жизни, тогда я был глупее и тупее (хотя и сейчас...). Тогда я, естественно, ничего не знал о «поле тупости», но о зависти, правда, догадывался, произнося иногда банальную фразу:

— Зависть — это плохо!

И вот наступил торжественный момент вручения мне партийного билета. А этот билет, оказывается, должен был вручить обязательно первый секретарь райкома КПСС на торжественном заседании, кото-Рое бывает раз в два месяца, ровно в два часа дня, как раз... в разгар моего операционного дня. Ну, в общем, «прокопался» я в операционной до четырех-пяти часов и не смог получить партбилет.

Вечером я позвонил первому секретарю райкома и попросил разрешить выдать мне партбилет где-нибудь в канцелярии. Нельзя! — обрезал он и положил трубку. Через два месяца меня опять пригласили на торжественное собрание для выдачи мне партбилета, и опять это было в два часа дня, и... опять я «прокопался» в операционной.

Еще через два месяца... я был в командировке.

Еще через два месяца... я уже не помню, ну... не смог я придти, хотя может и хотел.

И, наконец, через год мне все же смогли вручить мой партийный билет, после чего первый секретарь райкома вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Вы, товарищ Мулдашев, нас целый год в напряжении держали. Понимаете, целый год!!!

— А что особенного? Выдали бы партбилет где-нибудь... в канцелярии, — помню, оправдываясь, проговорил я.

У первого секретаря райкома, помню, глаза загорелись ненавистью ко мне... придурковатому. А я еще и добавил:

— Главное, ведь, считать себя коммунистом. А что эта бумажка-билет?! Могли бы выдать и в канцелярии.

Первый секретарь поднял палец, вздохнул и с присвистом сказал:

— Мы о вас, товарищ Мулдашев, уже год как отчитались перед... перед... ЦК КПСС. О том, что вы стали коммунистом. Поняли?!!!

Так я и стал коммунистом. Но... жизнь нашей инициативной научной группы несколько не облегчилась. Жалобы на нас писали — почему зря! Особенно один отличался, худой такой, на кость похожий. Завидовал он нам, наверное, но поскольку больные со всего СССР ехали к нам, в Уфу, да и много иностранных врачей (США, Германия, Италия, Бразилия и другие) приезжали к нам учиться новым операциям, в основе которых лежит «выращивание» человеческих тканей. А он, худой этот, был еще и секретарем партячейки больницы, где мы арендовали помещения. Ну тут, как говорится, ему и карты в руки. К тому же я, с дурусти, допускал много огрехов в жизни, особенно... в партийной жизни. Ну... не ходил я на партсобрания больницы, да и все. А если и ходил, то не выступал на них, сидя с умиленным выражением лица. Да и... засыпал нередко. Понятно, нервировало это, коммунистов-то.

Меня в те времена удручало то, что у них, коммунистов, все как-то искусственно было, не по-человечески. Все из себя манекенов строят, осуждающе правильное выражение лица «носят» целый день, хотя в душе, наверное, совсем другое копошится. А я как-то привык искренним быть, а осуждающе правильное выражение лица могу сохранять не более пяти минут... улыбаться, понимаете ли, хочется... от такого выражения лица, хотя бы.

В те времена я еще не понимал, что весь этот мир создан Богом, только Богом, а никем иным, и что Он, только Он, рассчитал все многообразие живых форм в нашем трехмерном мире, все многообразие душевных порывов, все многообразие умственных способностей и все многообразие многого-многого другого, положив в основу принцип «Люби не только самого себя, но и все живое!» и, создав величественное Поле Любви, объединяющее все живое воедино, что любое Иностранное или Искусственное, исходящее не от Бога, тут же передается, телепатруется или ощущается как Чужое и... отражением этого Чужого являются, в частности, осуждающе правильные выражения лиц людей — рабов Чужого Бога, стремящегося занять место Бога-Создателя.

Через год, как я стал коммунистом, меня вдруг вызвали на заседание бюро горкома КПСС, причем вызвали тоже строго в два часа дня. Я опоздал всего на пять минут. Тут неожиданно начал выступать секретарь одной из крупных парторганизаций города Уфы, которого я видел первый раз в жизни. Он говорил обо мне. Я даже удивился. Потом только я узнал, что наша больничная партячейка подчиняется этой парторганизации, которую он возглавлял.

— Коммунист... если таковым его можно назвать... Мулдашев... — проговорил он с придыханием и даже без бумажки, — пропустил Десять партсобраний из тринадцати, а на остальных трех спал. Да посмотрите на выражение его лица, посмотрите! Это не лицо коммуниста! К тому же, хочу добавить, товарищи, на него поступило сорок три жалобы, в которых... — Позвольте не зачитывать их, товарищи! Я считаю, что товарищ Мулдашев не достоин того, чтобы быть в рядах Коммунистической партии Советского Союза. Вы согласны с этим, товарищ Мулдашев?

— Согласен, — грустно проговорил я, подумав о нашей инициативной научной группе.

А потом стали вставать ветераны партии и привычно превратили меня в такое г..., хотя никто из них меня лично не знал. Правда, там сидел один ветеран, которого я оперировал, но он молчал.

После того, как меня исключили из рядов КПСС, я возвратился к себе в кабинет, из записки достал деньги, сходил в магазин напротив, купил дешевой водки и выпил хорошенько. К друзьям своим я не подходил — мне было стыдно... а зря.

Я тогда не совсем хорошо осознавал, что мы, друзья-хирурги, закаленные в «хирургических

боях» во имя здоровья человека (как такового!), воистину любим друг друга. Искренне между нами все, очень искренне... без лжи! Да и осуждающе-правильных выражений лиц у нас не бывает.

А в это время мои друзья, возглавляемые хрупкой и красивой Венерой Галимовой, организовали демонстрацию сотрудников больницы и больных перед райкомом КПСС, митингуя за... восстановление меня, неразумного... в рядах КПСС. Говорят даже, что некоторые слепые люди стучали клюшками. А мне обратно в КПСС не хотелось, хотя... я любил и люблю моих родных больных и... ради них...

Вскоре милиция разогнала эту небольшую демонстрацию. Однако настойчивая Венера Галимова дозвонилась до народного поэта СССР Мустая Карима, он позвонил первому секретарю обкома КПСС Мидхату Закировичу Шакирову, кстати, талантливому, мощному и чистому человеку, и... меня опять восстановили в партии. После этого, я с... гордостью ходил на партийные собрания.

Но вскоре КПСС канула в Лету, наступили времена Ельцина... Я даже не стал выходить из КПСС, я просто про нее забыл... Но заведующая отделом кадров нашего Центра Анжелика Блинова сохранила этот партбилет у себя в сейфе... на память, что ли... А у того самого парторга, который добился исключения меня из рядов КПСС, случился тромбоз сосудов глаза, по поводу чего он где-то долго лечился, а... потом, все же, пришел ко мне. Перед операцией, правда, он спросил: «А ты глаз мне не вырежешь?». А я... я его просто прооперировал. Хорошо прооперировал. С душой. Как говорится, кто старое помянет...

Видит он сейчас этим глазом нормально, читает, пишет и на женщин (партийных) поглядывает.

Вот и ушли времена коммунизма! Навечно ушли, надеюсь! Ушли времена лжи, безбожной лжи, лжи в угоду чему-то чужому, чему-то наваянному, чему-то полностью оторванному от Бога... И мы, наконец, начинаем вспоминать, что мы все же произошли от Бога. И много еще времени пройдет, пока мы освободимся от чуждого коммунистического пятна, чтобы наконец-то... наконец-то осознать себя частью мироздания, пусть не столь уж высокоразвитой частью (трехмерной всего-навсего), но частью, частью Великого Мироздания.

— Эх! — вдруг подумалось мне. — Эх! Лишь бы нам не превратиться в американцев!

Я очень хорошо знаю Америку. Много раз там бывал. Меня Даже хотели купить за дикую сумму с условием эмиграции. Но я не поехал. Люблю я свою Родину, Россию, очень люблю! И с гордостью говорю — «Я люблю Россию!».

История о том, как меня хотели «попробовать» американки

Американки, как известно, красотой особой не отличаются. Толстоваты они. Из-за сэндвичей, скорее всего. Не просто едят они их, сэндвичи-то, а прямо-таки лопают. Любят они их, почему-то. Очень.

Однажды приехал я в американский город Сан-Антонио (штат Техас), где в течение месяца консультировал больных, оперировал их и читал лекции врачам. Оперировал я в клинике одного доктора по имени Джек. Хороший такой, умный. Философски смотрит на жизнь. Критически смотрит. На «Линкольне» ездит. Не то, что я — на «Ниве».

У него, у Джека этого, работали две медсестры. Одну звали Джулия (Юля, по-нашему), другую — Гейл (Галя, получается). Первая из них была черненькой (но не негритянской) и, на удивление, худенькой (видимо, еда не шла впрок), вторая — беленькой и, конечно же, толстененькой. Я на них, честно говоря, поглядывал. Но не очень вожделенно. Русскую хотелось.

Да и в Россию хотелось... очень.

Как-то подходит ко мне Джек и говорит:

— Послушай, Эрнст! Мои медсестры хотят русского попробовать.

— Чего? — не понял я.

— Русского, говорю, хотят попробовать эти две американки, — пояснил Джек.

Я все понял. Я начал мямлить о том, что я вообще-то вроде как не русский, а татарин. Но про татар он ничего не слышал. Он знал только про татарский соус, который широко распространен в Соединенных Штатах, и думал, что он, соус этот, имеет латино-американское происхождение, где живет нация, называемая... татарами.

В конце концов я осознал, что если я буду дальше отпираться, то поставлю под удар... честь своей Родины, честь России. А о России они, американцы, как выяснилось, думают намного мощнее и страшнее, чем это есть на самом деле. Американцы, например, верят, что мы, русские, придумали вертолет, который может плыть под водой как подводная лодка и может взлетать..., например, под окнами небоскребов Нью-Йорка, чтобы разбомбить их.

Ну... в общем, подводит меня Джек к этим двум американкам и говорит:

— Выбирай!

Я долго метался глазами по их фигурам и, в конце концов, выдавил из себя:

— Беленькую выбираю.

— Гейл, что ли? — спрашивает Джек.

— Да, — отвечаю. — Натуральную американку выбираю... толстенную. Гейл, то бишь.

— Ладно, — говорит Джек. — Тогда, Эрнст, иди вон в ту комнату и жди меня там.

Пошел я в ту комнату и стал ждать. Идиотом каким-то себя чувствовал. Вышел минут на десять на какие-то задворки и выкурил две сигареты подряд около мусорного ящика. Через полчаса пришел Джек и протянул мне какую-то бумагу:

— Подписывай! — говорит.

— Что это? — спрашиваю.

— Договор, — говорит Джек.

— Какой договор? — спрашиваю я.

— Договор о любви, — отвечает.

— Какой такой...?

— О любви, которая будет происходить между вами?...?

— У нас, — говорит, — в Америке-то, существует закон о сексуальных притязаниях.

Поэтому перед половым... ой... любовным актом обязательно нужно договор подписать, чтобы обезопасить себя. Знаешь, сколько стерв у нас в Америке?! О-о! Навалом! Например, спермой твоей свою одежду испачкают, стервы эти, проведут генетическую экспертизу, подадут в суд и... выкладывай миллион долларов.

Моя рука с авторучкой задрожала. Я даже перестал думать о чести России.

— Эти стервы, — продолжал Джек, — могут даже видеокамеру скрытно установить и ломаться, изображая, что сопротивляются. Даже бизнес такой существует у нас здесь, в Америке. Фирмы даже есть, которые специализируются на этом. Понял?

Понял, — ответил я.

Поэтому подписывай договор!

— М-да... — подавлено проговорил я. — Как-то уже и... не хочется. Не беспокойся! — сказал Джек, видя мое замешательство. — Она, Гейл-то, беременная вообще-то... и муж у нее есть, но в Новом Орлеане работает по вахтам, далеко отсюда, от Сан-Антонио.

— Тогда что же она... в беременном состоянии?

— Понимаешь, Эрнст, врачи у нас в Америке... один дурнее другого! Частная медицина,

что с нее взять-то?! Так вот, один доктор ей, Гейл, лекарство для гладкого течения беременности прописал — секс. Авторитетно сказал. Видимо, сволочь он, доктор этот. Вот она, Гейл, и мается — муж далеко, в Новом Орлеане, а лечиться... сексом... надо. Кому не намекни, говорит Гейл эта, все о договоре нашептывают, весь пыл сбивают. Да и все американцы знают, что за сексуальные притязания к беременной женщине штраф в два раза больше схлопотать можно, вплоть до тюрьмы... если денег нет.

— М-да...

— Но ты не бойся, Эрнст, не бойся! — Джек мелко постучал по столу.

— А с чего это мне не бояться-то? — возмутился я.

— Договор я очень хороший составил.

— Какой это, такой, хороший?!

— Там, в договоре этом, есть пункт «особые отметки». Так вот туда, в этот пункт, я вписал — «секс с целью лечения». Понял?

— Ну понял...

— А у врача этого, который такое «лечение» прописал, я всегда справку возьму. Друг он мой, — Джек прямо посмотрел на меня. — Точно говорю — друг! Джонатаном его зовут.

— А он... друг этот... доктор... тоже какого-нибудь договора не потребует? — проямлил я.

— Не должен, — твердо ответил Джек.

Договор я все-таки не подписал. Но Джек дал мне его с собой, показав, что Гейл его уже подписала.

— Когда захочешь, тогда подпишешь! — сказал он.

Мы вышли на улицу. Чтобы сгладить неловкую ситуацию, я лихо поднял Гейл на руки. Ох, и тяжелой она оказалась! Я даже пожалел, что не выбрал худенькую...

Как было уже договорено между Гейл и Джеком, мы сели в машину Гейл и поехали в другой конец города по окружной дороге. Справа расстились тexasские степи, а слева тянулась бесконечная череда одно- и двухэтажных американских домов. Я ехал со стороны степей, вернее, сидел с этой стороны. Внутреннее смущение не покидало меня, хотя мысли о чести России достали меня... вконец. Гейл молчала, тоже, видимо, смущаясь и думая, наверное, о том, что эти люди — русские, которые смогли создать «подводный вертолет», могут, наверное... очень хорошо... «лечить беременность». Я, конечно же, понимал ход ее мыслей и старался своим... блуждающим взглядом... оправдать ее ожидания. А договор, этот проклятый договор... о любовных намерениях... лежал, как бы невзначай, между нами на крышке «серединного бардачка», куда обычно водители ставят рюмку, после того, как ее опрокидывают. Иногда на поворотах этот договор «свихивался» в сторону, но я его услужливо поправлял. А однажды сама Гейл поправила его, этот свихнувшийся договор, и посмотрела мне в глаза, как бы намекая, что, вообще-то, можно бы его, договор этот, уже и подписать, поскольку они, американцы, тоже не лыком шиты. Я понял, что пора начинать разговор.

— Трава у вас здесь, в Техасе, желтая, а у нас, в России, в это время года зеленая, — нелепо проговорил я.

— Иес, — ответила она.

— Почему она желтая? — задал я еще более нелепый вопрос.

— Ай доунт ноу (я не знаю), — ответила она.

— Жесткая у вас, трава-то, — проямлил я.

— Иес, — слышался ее голос.

— А почему она жесткая?

— Ай доунт ноу (я не знаю).

Я почувствовал, что начинаю краснеть, что, вообще-то, делаю легко. Чтобы скрыть свое смущение, и боясь того, что Гейл заметит то, что я покраснел, я тут же важно, с философским оттенком в голосе сказал:

— Жарко у вас здесь, в Техасе-то!

— Иес, — опять ответила она.

— Очень жарко!

— Иес, — опять послышался ее голос.

Я чуть не задал совсем идиотский вопрос — «А почему у вас так жарко?», но вовремя осекся и замолчал. Но долго молчать было неудобно. Надо было что-то делать. Все же я считался ухажером — загадочным русским ухажером, да еще и... «лечебным фактором».

— Может быть, остановимся? На травке посидим? — предложил я.

— Иес, — ответила Гейл и затормозила.

Мы остановились. Я шагнул в густую желтую техасскую траву на обочине дороги, прошел метров тридцать, сел на траву и позвал к себе Гейл.

— Это опасно! — закричала она.

— Почему?

— Здесь могут быть змеи, ядовитые змеи.

— М-да... — только и проговорил я. — Что же ты раньше не сказала, ведь я только что здесь прошел?!

— Это твои проблемы! — послышался ответ.

Я угрюмо добрел до машины... по траве, сел в нее, и мы снова поехали. Я молчал.

— Черт побери! — думал я. — Травка травкой, змея змеей, но... отвечать вот так... вот так о том, что «это твои проблемы»? Да и на все и вся отвечать этим самым мяукающим «Йес!» Да на кой мне это?! В конце концов... ей же «лечиться» надо!

А потом я внезапно успокоился. Змея ведь меня не укусила. Я понял, что она... американка Гейл, тоже волновалась, волновалась, как и я сам. Ее, может быть, тоже коробил этот самый договор о... любви. Он, этот договор, может быть, шел поперек ее потенции (женской, конечно).

Я посмотрел ей в лицо, да так пристально посмотрел, что она, заметив мой взгляд, чуть не свернула на обочину. Лицо ее, скажу я вам, дорогой читатель, стало розовым-розовым... До такой степени розовым, что я понял, что... не в договоре дело, а... в «лечении».

— Да что может помешать настоящей страсти?! Договор, что ли?! — думал я. — Договор — это чепуха! Договор — это ерунда! Договор, он против любви! Против... розовой любви... как ее лицо...

Я откинулся на кресле и понял, что «пришел в себя». А Гейл «жала на газ», набрав дикую скорость на своем «форде».

— Здесь скорость ограничена! — сказал я. — Только девяносто миль разрешено!

— Я люблю быструю езду, — ответила она.

Я замолчал, закрыл глаза и сделал вид, что засыпаю. Но вскоре я и в самом деле уснул. Сколько я проспал, не помню, но вроде как недолго. Когда я проснулся, я увидел по-прежнему розовое лицо Гейл. Я опять уставился на нее, не отводя взгляда!

— Гейл! — окликнул я ее.

— Йес, — ответила она.

— Ты, Гейл, когда-нибудь влюблялась? Вот так вот, безрассудно... мучилась, терзалась... любя? — спросил я.

И тут она сказала такое... такое, от чего у меня завяли уши.

— У нас, понимаешь, негры играют в любовь. Я, честно говоря, опешил.

— Любовь должна быть рациональной, — добавила Гейл.

— По договору? — я пристально посмотрел на нее.

— Американские мужчины — самые натуральные трусы! Они боятся любви! Они только, может... ребенка могут зародить! А любви они не могут дать! — розовое лицо Гейл стало сердитым. Они даже не могут играть в любовь... как негры? — ехидно спросил я.

— Не в игре дело!

— А в чем?

— В том, что... в том, что любовь нужна! — Гейл начала заикаться.

— Для... «лечения», как прописал врач? — я еще более ехидно посмотрел на нее.

Гейл повернула в мою сторону голову.

— Смотри вперед! — вскричал я, увидев, что наш автомобиль начал вилять.

Гейл резко затормозила. Машина остановилась на обочине. Она развернулась ко мне.

— Американские мужчины — самые натуральные трусы! — страстно заговорила она. — Трусы! Это они придумали эти договоры, чтобы обезопасить себя! Не мы — женщины! А мы, женщины, хотим любить, по-человечески любить! Но... кого?! Кого?! Ко-го?!

Я промолчал.

— Может вы, русские, умеете любить?! Скажите, а можете вы, русские, дать любовь? Можете? — не унималась Гейл.

Я опять промолчал.

— Можете?! — с надрывом спросила она. Я поднял голову и, не ответив, спросил:

— А почему твоя подруга, Джулия, тоже хотела «попробовать» русского? Тоже из-за этого? Или... тоже из-за «лечения»?

— А потому, потому... — Гейл осеклась.

— А потому, что вам обеим не хватает любви! — вставился я.

— Да! Мы живем в этой Америке... мы существуем здесь...

— А если бы я выбрал Джулию? — перебил я ее.

— Джулию? Ты бы не выбрал ее!

— Почему?

— Потому, что я лучше!

— Чем?

— Ну... ну... это тебе самому судить.

— Ей, Джулии, тоже не хватает любви? Гейл опустила голову и тихо проговорила: — Не хватает.

Мы оба замолчали. А потом я вышел из машины, пригласил выйти Гейл и, не боясь змей, отвел ее метров на десять от обочины пороги и сел вместе с ней на тexasскую (родную для нее) желтую траву. Шипения змей не слышалось.

Я положил на ее белокурые волосы руку, погладил по розовой щеке и спросил:

— Гейл! Тебе не хватает любви? Скажи честно! Гейл вскинула на меня глаза и... ничего не сказала.

А потом я подошел к машине, открыл дверцу, взял в руки договор, лежащий на бардачке между передними сиденьями и слегка «свихнувшийся» в мою сторону, подошел с ним к Гейл, сел рядом и с удовольствием порвал его на мелкие части, разбросав их по тexasской траве. А кусочки этого бумажного договора даже не разлетелись по ветру, они... как-то с удовольствием... уткнулись в траву, чтобы остаться там навсегда.

Я поднялся с травы и тихо, шепотом, в сердцах, сказал:

— Любовь по договору — это не Любовь!

Я стоял и продолжал смотреть на нее. Гейл сидела, наклонив голову. А потом ее плечи задрожали и она, не стесняясь, навзрыд заплакала. Я погладил ее белокурые волосы.

Мы подошли к автомобилю, сели в него и поехали... вперед... На душе было легко.

— У меня ребенок начал шевелиться в животе, — вдруг сказала Гейл. — Может, ты сядешь за руль?

— Я не умею водить, — ответил я.

— Как бы мне хотелось, чтобы мой ребенок умел любить... — прошептала она.

На следующий день мы встретились в операционной. А еще через десять дней я уезжал из Сан-Антонио в Нью-Йорк, чтобы оттуда улететь в Россию. Джек, Гейл и Джулия провожали меня. — Я заметил, что Гейл и Джулия махали мне платочками. Я остановился и по-русски тихо, почти про себя, пропел:

*Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Нежных и ласковых встреч...*

Я прошу прощения... сантехнический этюд № 5

— Шеф! Докладываю — дыру нашли! Олег-сантехник отличился! — где была, дыра-то?

— В грязи была. В грязи нашли дыру эту, шеф.

— Участок трубы с дырой нашли, что ли?

— Так точно, шеф! Олег-сантехник логически догадался, что если потоп произошел в подвале, то и дыра должна быть в подвале.

— А-а-а...

— Ох и героизм проявили ребята в поисках дыры, шеф! Представляешь, сколько надо было в грязи ковыряться, чтобы в ней, жиге этой поганой, трубы найти, да еще и каждую трубу ощупать в поисках этой долбаной дыры! Олег особое усердие проявлял. А я стоял в... болотных сапогах, ну... руководил, в общем. А Олег... ох и молодец... до ушей в этой жиге вымазался, но сам аж половину труб перещупал и, наконец, на радость всем, дыру эту нашел!

— Молодец, Олег-то! — похвалил я.

— А когда он ее нашел, дыру эту, то так заорал, так заорал...

— А чо он орал-то?

— От радости, шеф. Он даже, сволочь такая, Олег этот, от радости вскочил и меня по лбу щелкнул. Но я, шеф, лицо уже помыл... после Олега-то.

— М-да.

— А потом, Олег этот... ну тупизм... дыру эту найденную, после щелчка и потерял! Опять щупать пришлось... в жиге этой поганой. Но второй раз он ее, дыру-то, быстро нашел. Засек место ориентировочно. А я в это время стоял с... щелчком на лбу. Противно...

— Ну а сейчас, обозначили чем-нибудь, дыру-то?

— Ну... сейчас-то четко обозначили! Дохлую белую мышь на это место положили... утопленницу...

— Так ты же говорил, что мышь эту... белую, как смерть, вы выбросили! — удивился я.

— Да вроде выбрасывал ее Олег... А может, и вторая всплыла — утопленница...

— Откуда всплыла?

— Из жиги, откуда еще?! — развел руками завхоз. А мышь эта, которой вы дыру обозначили, не уплывет куда-нибудь — или не утонет? — засомневался я.

— Не должна, шеф. Жижга густая... Да и как она утонет-то?! Она ведь и так утопленница!

— Иди и проверь — на месте ли мышь! Пусть Олег руку в жижгу опять засунет и веревку привяжет к дыре... то есть к трубе, рядом с дырой. Мышь — это ненадежно! Тоже мне, ориентир нашли! Может их, мышей этих, из жижи вскоре штук десять выплывет!

— Ты прав, шеф! Пойду проверю! Веревку вот только найти надо... Привязанная-то она точно не уплывет!

Завхоз вышел.

Желтая авторучка

Мои мысли опять возвратились к Америке и к этой истории с американскими женщинами. Легкая грусть сопровождала эти мысли.

Но потом что-то ёкнуло в душе, и мысли понесли меня куда-то вдаль, в безбрежную даль мироздания. Мысли так стремительно понесли меня туда, что я даже испугался. Но испуг так же внезапно прошел и я начал думать философски, стараясь охватить мыслью всю ширь божьих творений. Однако у меня это... не получилось. Естественно, не получилось и только омерзительное чувство тупости подступило к горлу.

— У-ух! — только и простонал я, понимая свои микроскопические возможности в попытке хотя бы мало-мальски осмыслить божий замысел.

А чувство своей собственной тупости давило и давило меня. Смачно давило... привычно. Я откинулся на стуле и стал рассматривать свою нелепую желтую авторучку с ребрышками. Ничего интересного я в ней не нашел. Я сдавил эту авторучку пальцами, потом поднес палец к лицу и увидел на нем следы от ребрышек авторучки.

— Надо же, следы от авторучки остаются... — произнес я совсем уж нелепую фразу
Чувство собственной тупости только усилилось.

Ты тупой! Тупой! — kloкотало в душе. Я опять посмотрел на свою желтую авторучку. Ничего интересного в ней так и не появилось...

Я с каким-то дурацким усердием продолжал разглядывать авторучку, как бы упрасывая ее помочь мне в моих размышлениях. Но она, эта авторучка, конечно же, ничем не могла мне помочь...

— Эх! — выдохнул я. А душу что-то бередило.

Сильно бередило.

Я встряхнул головой и вдруг с новой силой стал надеяться, что может быть, может быть, может быть... Бог мне даст хоть маленькое (хоть микроскопическое!) осознание того главного принципа, на котором основано все мироздание.

Я сделал серьезное лицо, насупил брови и принялся сильно думать. Я думал все сильнее и сильнее, все серьезнее и серьезнее смотрел на свою желтую авторучку, но... вскоре понял, что ни до чего я не додумаюсь, потому что я всего-навсего... всего-навсего, вот именно — всего-навсего! Я понял, что сила моей мысли ничтожно мала и она не способна проникнуть в проблемы мироздания, потому что это всего лишь банальная мысль — мысль обычного человека.

В полной мере посмаковав свою «мозговую импотенцию», я опять откинулся на стуле и уже с негодованием взглянул на свою желтую авторучку. Я понял, что ни до чего я не смогу додуматься, а вернее, как говорится, «допетрить».

Я налил себе рюмку русской водки и с удовольствием выпил.

— Хрк, — издало мое горло.

Я закусил коркой черного хлеба.

До меня дошло, что высокоинтеллектуальные вещи, как говорится, сегодня «не проходят». Мысли потянуло на что-то более легкое и примитивное. И тут я вспомнил наш первый визит в Америку.

История о шести стаканах виски и 48 презервативах

Еще во времена Советского Союза, по-моему, в 1990 году, мы впервые, целой делегацией, поехали в Соединенные Штаты Америки. О, как хотелось тогда там побывать! Как хотелось доказать американцам, что мы — представители главной конкурирующей сверхдержавы — тоже чего-то стоим, даже несмотря на то, что у нас в магазинах, как говорится, шаром покати! О, как волнительно было встретиться с нашими главными соперниками в мире!

В самолете, который нес нас в Америку, я сидел с высоко поднятой головой. Когда нам принесли вполне приличную еду, да еще и предложили на выбор горячее трех видов, я гордо отказался, изображая из себя... перед нашими стюардессами... беспредельно сытого человека.

Мы долетели. Чередой замелькали американские города: Нью-Йорк (где я сумел съездить на Брайтон-Бич в поисках тогда любимой мною певицы Любы Успенской), Атланта (где я впервые пыжился читать лекции на английском), Даллас (где я впервые поцеловал руку негритянки) и, наконец, мы приехали в Лос-Анджелес.

В Лос-Анджелесе нас встречала какая-то крупная фирма, которая по случаю приезда советской делегации устроила вечернику. Часа три мы все ходили со стаканами виски в руках, всем своим видом показывая, что нам совсем не хочется опрокинуть эту (в общем-то мизерную) дозу залпом, а хочется все время это ужасное бурбонское виски... смаковать, боясь нечаянно отхлебнуть больше положенного. Да и в душе негодовать по поводу того, что... если у тебя мало виски в стакане останется, то все подумают, что ты «дорвался до халявы».

Короче говоря, надоело это хождение с недопитым стаканом виски в руках. Да и... извините, жрать хотелось. «Русский салат Оливье»... перед глазами так и мерещился.

Наконец, нас усадили за стол. Еды за столом было немного, но мы смекнули, что если все порции доедать до конца, то можно и наестся... если с хлебом. А хлеба (белого!) было предостаточно.

Во главе длинного стола посадили самого главного американца польского происхождения (то ли Подколотный, то ли Подзаборный, не помню точно), а напротив, с другой стороны стола, предложили сесть мне. Но я увернулся и посадил на это место Натана Евсеевича Сельского — моего первого заместителя (еврейского происхождения). Справа от него сел Рафик Талгатович Нигматуллин (мой заместитель по науке, татарин), а слева сел я. И вся эта многонациональная братия одинаково вождьеленно поглядывала на еду, от которой жутко пахло чесноком.

Добавлю еще, что справа от Рафика Талгатовича Нигматуллина села американка. Блеклая такая, невзрачная. Молодой старостью от нее веяло.

— Жрать-то сразу неудобно как-то... — вполголоса по-русски проговорил Рафик Талгатович Нигматуллин.

Вдруг Натан Евсеевич Сельский встал и зычно, по-русски, сказал:

— Эрнст, переводи! Я хочу показать, как пьют русские!

Я перевел. Все оживились и кто-то даже, отщипнув от лежащей напротив булочки кусочек, быстро его проглотил.

— Рафик, наливай! — скомандовал Натан. — Виски... как его там...

— Бурбонское.

— Его наливай.

— Куда?

— В стакан. Полный наливай!

— Натан! Ты же охренеешь от этой дозы! — округлил глаза Рафик.

— Наливай, говорю! До краев наливай! За Родину... сам понимаешь!

Рафик Талгатович Нигматуллин налил полный стакан бурбонского виски.

— Полнее лей, Рафик! — добавил Натан. Рафик долил.

— Леди и джентльмены... Эрнст, переводи... — сказал Натан, встав. — Я хочу показать, как пьют русские.

— The way Russians can drink! — торжественно перевел я, тоже встав. Все уставились на Натана.

Натан гордо поднял голову и, издав звук «Ху», четырьмя глотками выпил полный стакан виски.

— Х-р-р, — прокряхтел Натан. — Эрнст, переводи — после первой не закусываю!

— After the first one — no snack! — перевел я.

Американцы зашумели. Было видно, что под шумок многие из них оторвали по кусочку белого хлеба и незаметно сунули его в рот.

Но главный американец (то ли Подколотный, то ли Подзаборный), тоже вскинул голову и важно сказал:

— А я хочу показать, как пьют американцы! Налейте мне!

Ему, как и Натану, налили полный стакан виски. Даже сверху полилось.

Он (то ли Подколотный, то ли Подзаборный) встал и тоже в четыре глотка выпил стакан виски, после чего прохрипел:

— Х-р-р, после первой тоже... х-р-р... не закусываю. Американец, когда пьет — не ест!

Натан Евсеевич Сельский твердым взглядом посмотрел на Рафика Талгатовича Нигматуллина и тихо, почти шепотом, проговорил:

— Лей еще, Рафик!

— Сколько?

— Полную лей, б...! За Родину, сам понимаешь, пью! Рафик чуть-чуть не долил.

— Лей больше! Лей больше! — закричали американцы.

— Чо они говорят? — спросил меня Натан.

— Долить надо, говорят.

— Лей с верхом, Рафик! — твердо сказал Натан.

Натан встал, взял стакан, расплескивая виски, и снова, смачно выдохнув, выпил.

— Не помню точно. Х-р-р, — вырвалось из горла Натана.

— О-ох! — восторженно пронеслось в зале. Натан понюхал рукав, и причмокнув, сказал:

— Эрнст, переведи! Вторую я занюхиваю рукавом.

Но я, забыв, как по-английски называется рукав, перевел примитивно:

— After second — no snack too! (После второй — тоже нет закуся!).

Главный американец польского происхождения, видимо уловив смысл русского слова «рукав», повелел налить ему еще стакан виски, встал и, даже не издав звука «Ху», выпил его до дна, тоже занюхав рукавом.

— О-о-о! — возбужденно пронеслось в зале.

— Смотри-ка, они тоже про рукав понимают, — произнес Рафик.

— Рафик! Лей третью! — грозно перебил его Натан.

Рафик Талгатович Нигматуллин уверенной рукой бывшего комсомольского работника

налил третий стакан виски. Тоже до краев.

Натан Евсеевич Сельский весело встал, лихо взял стакан виски и, традиционно выдохнув «Ху», опрокинул его.

— А-а-х! — благоговейно выдохнули в зале, даже оторвав взглядот булочек.

А Натан протянул... уже не столь уверенную руку... к веточке петрушки, элегантно оторвал от нее микроскопический листочек, положил его на язык, сделал вид, что зажевал и сказал:

— Эрнст, переводи! После третьей можно закусить. Я перевел.

— О-о-о! — закричали все.

Раздались хлопки. А двое — мужчина и женщина (по-моему, не польского происхождения) начали скандировать, хлопая в ладоши.

— Ра-ша! Ра-ша! (Россия! Россия!).

Натан дернулся, чтобы выпить еще и четвертую. Но Рафик его остановил.

— Умрешь! — сказал он и сделал дикие глаза.

В это время главный американец встал и, нисколько не шатаясь, громко сказал:

— Наливай третью!

Потом он поднял стакан виски, налитый до краев. Натан сверлил его взглядом, как бы телепатируя:

— Не сможешь, б...!

Американец сделал три больших глотка и приостановился.

— Не лезет в него больше! — пошатываясь на стуле, произнес Натан.

Американец оторвал от губ недопитый на одну четверть стакан виски.

— У-у-у! — разнеслось в зале.

И тут одна дама смело взяла ложку, положила себе в тарелку еды и, прихватив по пути булочку, размером с небольшой тувель, начала есть, сохраняя невозмутимое выражение на жующем лице. Ее примеру поспешно последовали остальные. Мы тоже начали кушать.

За Натаном ухаживал Рафик.

— «Оливье» положи! — проговорил Натан, упрямо уставившись в тарелку.

— Здесь нет «Оливье»! Здесь только листья салата вперемежку с накрошенной колбасой.

— Не может быть, чтобы не было «Оливье»! — Натан пошатнулся на стуле.

— «Оливье» точно нет. Есть мясо, которое я тебе положил. Тебе надо есть, — Рафик заботливо пододвинул тарелку.

— Ешь больше! — сказал я Натану тоже.

— А вдруг подумают, что я сюда жрать пришел!

— Не подумают, Натан! Посмотри, все на полную катушку жрут.

— Ну ладно тогда.

Я обратил внимание на ту блеклую американку, которая сидела рядом с Рафиком Талгаговичем Нигматуллиным. Она как-то покраснелась и с восторгом поглядывала на Натана, который достойно, медленно пережевывая, ел мясо с хлебом. А Рафик что-то шептал ей в ухо.

— Yes, yes, yes! Tomorrow (Да, да, да! Завтра), — слышалось иногда.

А «Оливье» точно нет? — снова спросил Натан. Нет. Здесь не бывает «Оливье». Ешь мясо. Хочешь, салата положу с накрошенной колбасой! — ответил Рафик. — Положи...

Я опять обратил внимание на перешептывания Рафика с блеклой американкой.

— Tomorrow at six o'clock (завтра в шесть часов), — услышал я ее голос.

Я понял, что Рафик Талгатович Нигматуллин договорился с этой американкой о свидании, то есть, как говорится, «забил стрелку».

Натан, конечно, говорил с трудом (по-русски!), но говорил, по поводу или без повода приговаривая «Иес». А главного американца (ну того, польского происхождения) на

противоположном конце стола вело и даже уже стало мотать на стуле. Но он пока еще держался.

Замегив, что соперник начал «скисать», Натан грузно встал и громко, для всех, по-русски сказал:

— Рафик, наливай еще!

— Полную?

— Полную лей, бля!

Натан Евсеевич Сельский почти залпом выпил четвертый стакан бурбона и, издав уже традиционный звук «Х-р-р», по слогам произнес:

— Эр-нст, пере-веди! Бур-бон-ское вис-ки луч-ше, чем шот-ланд-ское.

Я перевел. Зал затих.

А Натан оперся руками о стол и, не садясь, стал, сверлить взглядом соперника по выпивке, которого уже прямо-таки валило со стула. Ему, бедному, видимо, очень хотелось лечь, но он терпел.

— Курить хочется, мужики, спасу нет! Жаль «Оливье» нет, куда можно окурок воткнуть, — чистосердечно признался Натан. — Может, Эрнст, закурим, а?!

В этот момент главного американца так мотнуло на стуле, что он чуть было не упал. Но в последний момент он схватился за край стола, встал и гордо сказал:

— Наливай!

Ему налили до краев. Натан сверлил его свирепым взглядом. Блеклая американка смотрела на все это с ужасом. Главный американец польского происхождения взял стакан в руки, качнулся и... вдруг сел, чуть не выронив стакан. А потом он мотнулся на стуле и лег лицом на стол.

— Отключился! — победно констатировал Натан. — А долго держался! Молодец! Хорошо, что рядом салата не было, а то бы в него вмазался!

Главного американца быстренько увели под руки. Подали второе. Натан под второе выпил еще два стакана виски. Американцы с восторгом смотрели на него.

А потом, в номере гостиницы, мы долго откачивали Натана. Его, конечно же, безудержно рвало, но он, как говорится, выжил.

Утром мы, конечно же, проснулись в обед. Попили чаю, позавтракали и, естественно, опохмелились. Никаких планов у нас в этот день не было. Все говорили о героическом поступке Натана.

А в полшестого вечера Рафик Талгатович Нигматуллин собрался на свидание с американкой, той самой... блеклой.

Жили мы на десятом этаже гостиницы. А спускаться вниз, конечно же, с похмелья было тяжело. А Рафику назначили встречу именно там, где в качестве то ли администратора, то ли кассира работала эта блеклая американка.

Мы, конечно же, начали говорить Рафику, что в Америке полным полно венерических заболеваний, вплоть до СПИДа, и порекомендовали ему купить презервативы заранее. Натан, кстати, вспомнил, что на первом этаже он видел презервативы в киоске, куда и предложил зайти Рафику. А потом мы раздухарились до такой степени, что во всех красках представили, как каждый из нас будет спать с несколькими американками, да еще и по несколько раз... в итоге мы заказали Рафику попутно купить аж 48 презервативов. Спускаться самим было лень.

Вскоре Рафик Талгатович Нигматуллин ушел на свидание. А минут через сорок он вернулся обратно и, грозно посмотрев на нас, бросил на кровать кучу презервативов.

— Нате, берите! Из-за них все!

— Что случилось? — спросили мы Рафика.

— Из-за вас все так получилось...

— А в чем, собственно, дело?! — удивились мы.

— Дело было так, — начал возбужденно рассказывать Рафик. — Я пришел на свидание ровно во столько, во сколько мы договаривались. Она, эта американка...

— Та самая, блеклая? — перебил Натан, икнув.

— Да, та самая.

— И чо ты в ней, Рафик...

— Так вот, — перебил Натана Рафик, — она, эта... самая... американка, мне говорит, что она хотела бы «мейк-ап» сделать, на что у нее, говорит, уйдет минут пятнадцать.

— Чего-чего сделать? — не понял Натан.

— Мейк-ап... сделать.

— А чо это такое?

— Ну... прихорошиться, помазаться...

— Чем помазаться?

— Ну... — Рафик сердито взглянул на Натана, — губы помазать, ресницы подкрасить...

Одним словом, наложить макияж, намарафетиться, короче.

— А-а-а... Понятно, блеклая.

— Так вот, — не унимался Рафик, — думаю я, что в течение этих пятнадцати минут схожу я в киоск и куплю вам... да и себе... презервативы. Что просто так стоять-то!

— И что дальше?

— Подошел я к киоску... а их, презервативов-то, море! Размеры даже на них написаны.

И какой ты нам размер купил? — хихикнул Натан. — Да средний взял, — Рафик сердито махнул на Натана рукой. — Но суть не в этом.

— А в чем?

— А в том, что я попросил... презервативов... аж 48 штук! А продавщица, вожаделенно взглянув на меня, достала кучу пакетиков, в которых лежат презервативы, и начала считать их: уан, ту, сри, фор, файв...

— Ну и чо?

— Да дело в том, — Рафик насупился, — что я почувствовал, что кто-то смотрит на меня сзади. А продавщица продолжает считать: тен, илевен, твелф... Затылком чую, что кто-то на меня смотрит. Обернуться даже боюсь. А продавщица считает: твенти, твенти-уан, твенти-ту...

— И что дальше? — Натан пристально посмотрел на Рафика.

— Я, короче говоря, оборачиваюсь... — Рафик вытер пот со лба рукой, — и вижу, что позади меня стоит она, а мне тут... презервативы отсчитывают!

— Блеклая, что ли, стояла сзади? — вставился Натан, опять икнув.

— Да, — выдохнул Рафик, — она стояла сзади, она...

— Точно блеклая? — уже с издевкой переспросил Натан.

— Да, да, — Рафик недовольно повел глазами. — Она... эта... женщина, которой я назначил свидание, пришла, видимо, тоже в киоск, чтобы купить, может быть, губную помаду, которой у нее, может быть, и не было... никогда.

— Так она ее купила... помаду-то?

— Не в помаде дело! — Рафик аж заерзал на месте. — А в том, что продавщица продолжала считать презервативы: форти, форти-уан, форти-ту... Я в панике обернулся еще раз и увидел ее налитые ужасом глаза. Я понял...

— Так это же хорошо, Рафик! — Натан опять икнул.

— И в этот момент, — продолжал Рафик, не обращая внимания на слова Натана, — продавщица досчитала до сорока восьми. «Форти эит», — победно сказала она, да еще и добавила что-то типа того, что не хотели бы вы еще подкупить презервативов, а то вдруг не

хватит... Меня бросило в жар. Я не знал, куда провалиться от стыда. Я опять обернулся назад. Она... Блеклая? — не унимался Натан.

— Да! Да! Да! Она... как ее... стояла, широко раскрыв глаза. Я засунул все сорок восемь презервативов в мешок, расплатился а... когда обернулся вновь, ее уже след простыл.

— Испугалась, — задумчиво проговорил Натан.

— Я, — продолжал Рафик, — вместе с этими... презервативами... прождал ее почти полчаса в том месте, где мы условились, но ее... будто корова языком слизнула.

Мы, конечно же, хохотали и даже выпили за это. Вспомнили, конечно же, еще раз шесть стаканов виски, выпитые Натаном. А потом Натан сказал:

— Понятно, почему она испугалась. Подумала, наверное, что если русские могут так пить, то они также могут и... любить! Ты... доказал это, Рафик!!!

Сантехнический этюд № 6

Открылась дверь и в кабинет зашел... конечно же, завхоз... А кто же еще?

— Как успехи? — предвкушая очередную «умную» беседу, с улыбкой спросил я.

— Докладаю, шеф! Веревку к дыре, то есть... к трубе, привязали. Разноцветная такая веревка, с бахромой, пряжкой и побрякушками. Теперь дыру точно не потеряем!

— Что это за веревка такая?

— Да у Олега-сантехника нашлась. Говорит, что когда Любка-раздатчица в слизи около лужайки распласталась, то у нее аж пояс от платья отлетел! А Олег его, пояс этот, и подобрал. Вот он для дела и сгодился.

— А что пояс этот обратно Любке-раздатчице не отдали-то?

— Так я у Олежки, шеф, тоже это спрашивал. А он говорит, что у Любки такие глаза после падения в слизь были, что даже подойти близко страшно было, не то что пояс... весь в слизи и... г... отдавать! Стоял говорит, стоял, с поясом в руке, а отдать так и не решился...

— Любка, значит, без пояса ушла?

Наатурально, шеф, без пояса. А сейчас этот пояс аккурат на дыре висит. Хорошо замотан, очень хорошо, не то, что мышь та... белая. Из жижи пояс этот разноцветный торчит и на поверхности ее жижи, лежит как змея. Олег говорит, что как на пояс взглянет, то сразу Любку-раздатчицу и вспоминает... Ее и то, как она... в это самое... вляпалась.

— М-да...

— А мышь белая, которой мы дыру обозначали, и в самом деле, шеф, куда-то исчезла. Ты был прав, шеф, что мышь — это не ориентир!

— А другие мыши из жижи не всплыли?

— Нет, шеф, не всплыли. Видать больше ни одной не утопло. Все, вроде как, оглядел в подвале.

— А куда мышь-ориентир могла подеваться?

— Олег, когда Любкиным поясом узел на дыре завязывал, говорил, что вроде что-то под узлом хрустнуло. Не могу исключить, шеф, что мышь под узел попалась. Раздавил он ее, наверное... поясом-то. В жиже, ведь, шеф, ни хера не видать!

— А пояс-то Любке будете отдавать?

— А чо не отдать-то?! Помоем и отдадим. А если мышь в узел попалась — отскоблим.

— А Олег-то, никого больше по лбу не щелкал?

— Нет, шеф, не щелкал. Себя, правда, щелкнул, когда я ему сказал, что мышь — это не

ориентир, и надо веревку... ну... пояс Любкин... для ориентира привязать. Скажу тебе честно, шеф, что когда я после тебя к Олегу пришел, мышь эта, ну... ориентир, уже подевалась куда-то. Второй раз потонула, наверное... в жиже. Так что Олег еще раз дыру нащупывал. А потом еще в другой конец подвала... по жиже... пробирался... за поясом Любкиным. А когда пришел, опять дыру потерял. Обратно в жиже шариться пришлось. Да еще хрустнуло что-то, под поясом... Любкиным. Утопленница, Думаю, под узел попалась, наверное. Ну, в общем, шеф, приключений было — по самые уши. Вот Олег себя по лбу и щелкнул.

— Ну, пояс-то... Любкин... сейчас надежно висит?

— Не висит, шеф, а лежит. На жиже лежит. Как змея лежит, Цветастый такой... Про Любку напоминает.

— А не утонет? Как мышь...

— Где?

— В жиже, е-к-л-м-н! Не должен, шеф. Пояс легче мыши.

— Так ты же говорил, что он с пряжкой! Пряжка может и потопить... пояс этот... ориентировочный.

— Ты прав, шеф. Пряжка может и утопить... Эх! Ну до чего же Олежка тупой, а?! Догадаться не мог, чтобы пояс этот, Любкин, в руке все время держать. Курить, ведь, зараза, в другой конец подвала ходит! Там жижа, говорит, помельче. А пояс этот на поверхности жижи лежит! Пряжка сверху блестела, точно помню. Хорошо, если под пряжкой труба оказалась. А если нет, точно ведь утонет, а! Весь пояс за собой потянет! Эх! Пойду, шеф, проверю! — Растроенный завхоз удалился.

Мумия

Меня уже не очень тянуло на романтические мысли. А потом я отметил, что меня Олег-сантехник, слава богу, еще не щелкал по лбу, и постарался заставить себя мыслить серьезно. Я повторял, перефразируя Ленина: «Думать, думать и еще раз думать», но мысли по инерции крутились вокруг... Любкиного пояса, который, может, все же не утонул, если под пряжку попался, к счастью, кусок... трубы.

Но я упрямо склонил голову и снова попытался заставить себя думать. Мне, может, хотелось думать о вечном и о мироздании, но образ этого... Любкиного пояса... мешал мне. А я выдавливал из себя мысли, сильно выдавливал.

В конце концов я отчаялся. Я понял, что ничего у меня сейчас не получится.

Я встал, вышел в другую комнату, включил телевизор и разжег камин. Огонь костра (я так часто называю свой камин) быстро настроил меня на романтический лад. Что-то возвышенное появилось в душе. Любкин пояс как-то незаметно ушел на второй план. По телевизору шел какой-то фильм. Американский, конечно же. Какой же еще?! Кажется, это была «Мумия». А мне это было интересно.

Я сел в кресло, выпил рюмку водки, закусил ее куском колбасы с огурцом и хлебом и углубился в фильм. Минут десять-пятнадцать я смотрел внимательно, а потом незаметно уснул и минут через двадцать проснулся от того, что у меня затекла шея.

— Ух — сказал я, просыпаясь.

А фильм все продолжался. Смелые американские ребята, среди которых была, конечно же, и одна вполне приличная женщина, которая лучше всех стреляла из пистолета, громили одну гробницу задругой в поисках злой мумии, преследовавшей искателей сокровищ фараонов. В

конце концов эти brave ребята взорвали все подземелье с несметными сокровищами и, конечно же, от взрыва долго и красиво летели, планируя в горизонтальном положении, но остались целы и невредимы. А потом, когда режиссер смачно показывал корчащуюся в огне мумию (защитника древних сокровищ!) и погибающие в огне сокровища, один из американских ребят сказал: «Ну что ж! Золота нам не досталось... Зато мы уничтожили все!». Благородство было нарисовано на роботоподобных лицах этих ребят и этой вполне приличной на вид женщины.

А у меня возникло внутреннее негодование. Мне даже стало противно оттого, что, пусть даже в фильме, но эти «ребята» посягнули на древность, тупо и разрушительно посягнули, посягнули в угоду своему желанию достать золото... и у меня возникло стойкое отвращение к этому голливудскому фильму, этому тупому режиссеру и вместе с ним, к той стране, где сделали этот фильм, и где нет той «духовной цензуры», которая, извините, нужна... иногда.

Реклама. Телевизор я смотрю редко, но **Феномен обратной реакции** со вкусом. Моя память устроена так, что я все и вся запоминаю, даже всякую дрянь и чепуху. Рекламу я никогда не смотрю (я ее тут же переключаю), поскольку омерзительные жующие физиономии, сразу вызывают отвращение к любому рекламируемому продукту. Но самое противное в том, что потом самому невольно хочется жевать, чувствуя себя полным идиотом, получающим примитивную плебейскую радость от пережевывания того, что так долго мелькало на телеэкране. А иногда даже хочется, извините... примерить новейшие прокладки.

Реклама, за которую, говорят, платят бешеные деньги (а может, врут, что платят!), на мой взгляд, уже вызвала обратную реакцию у людей. Люди знают, что фирма-производитель в полете не останется и цену рекламы добавит к цене продукта, да еще и рекламой (обязательно тупой, а как же еще!) будет наводить атмосферу примитивного чревоугодничества весь вечер, когда хочется, может, о духовном подумать.

И лишь некоторые люди понимают, что через безумно дорогую рекламу отмываются деньги фирмы-производителя, когда производитель говорит представителю рекламной фирмы примерно такое: — Слышь, Вась, я тебе за твою плебейскую рекламу такую сумму перевел, что ты уж, будь добр, половину верни мне... наличкой. Понял?!

Однако, дорогой читатель, ничто не может устоять перед массовым мнением людей. Времена изменились, господа! Наступило новое тысячелетие — тысячелетие духовного развития! И в этом процессе духовного развития, определенном, наверное, Богом, чревоугоднические призывы к тому, что самым главным в жизни являются плебейское жевание какого-нибудь «Орбита белоснежного» или демонстративное поедание чипсов, выглядят так нелепо, так чуждо! Голодных в нашей стране уже нет, а каша (пусть даже каша!), которую, кстати, не рекламируют, является очень сытным продуктом!

Ничто в этом мире не может устоять перед Богом; как Бог определил, так и будет. И как бы ни старались рекламодатели повернуть человечество в сторону радости... от жратвы, ничего у них не получится. Какой-то грандиозный молох перемальвает в муку «радость от жратвы» и вызывает эффект отторжения назойливого чревоугодничества, когда... духовное уже стучится в двери. Жизнь — она полосатая, господа! Еще вчера мы радовались «жратве», а сегодня уже хотим чего-то другого. Устарела рекламная продукция! Как старуха смотрится! Что-то другое просится. А просится хотя бы то, что мы, по природе своей вынужденные принимать пищу, хотим видеть рекламу продуктов питания и прочих атрибутов банальной материальной жизни в виде ненавязчивых информационных сообщений, а не в виде омерзительных кривляющихся рож. А после этого, обязательно, для баланса, хотелось бы увидеть на экране что-нибудь о Красоте, Счастье, Любви — о чем-нибудь высоко духовном, что, кстати, будоражит людей значительно больше, чем прокладки, перхоть, кариес, хрустящий картофель или сверхбелоснежная

жевательная резинка. Ведь Любовь создала нас — Любовь Бога или мощнейшая энергия Бога, называемая Любовью, которая впиталась в нас вместе с Созиданием и от которой, извините, нам деваться некуда. А Любовь, господа, надо бы, вообще-то, пропагандировать, даже насаждать Любовь, потому что она находится в центре Созидания. И тогда мы, господа, поймем, что любить хрустящий картофель или прокладки и, тем более, белоснежный «Орбит», вряд ли возможно, — их можно только использовать, чтобы они помогли нам, людям, быть более свободными и всю свою человеческую потенцию направлять в сторону Любви к людям, а не в сторону ублажения пищеварительных наклонностей самого себя — любимого. Пропагандой чревоугодной или... менструальной похоти можно назвать рекламу.

И поэтому нам, Людям, у которых возникает (или уже возник) феномен обратной реакции от бездуховной рекламы под сенью «Ты, Вася, отвали мне половину кровных, заплаченных за твою поганую рекламу!», остается только желать, чтобы и в рекламном бизнесе наконец-то появились бы духовные люди, которые смогут... смогут хоть иногда произнести слово Любовь... не в отношении сока или прокладок, а в отношении Человека. Ведь это кощунственно «любить» прокладки или чипсы, когда... люди забывают о любви Друг к другу. И поверьте мне, дорогой читатель, что Ваши мысли не уйдут в никуда, — они сделают свое дело. Они будут точить, точить, и доточат до того, что мы когда-нибудь с душевным удовлетворением будем смотреть телевизор, в том числе и... рекламу... духовную.

Американские боевики. Феномен обратной реакции

Примерно такая же ситуация прослеживается и с надоевшими американскими фильмами. Весьма странно, что мы, на нашем телевидении, почти не видим немецких, испанских, японских, голландских, швейцарских, австралийских, тайландских, украинских, казахских, узбекских и многих других фильмов. Изредка мы все же видим французские фильмы (обязательно с участием Луи де Фюнеса), еще реже — итальянские (обязательно с участием Софи Лорен или Челентано) и еще реже индийские (с участием то ли Раджа Капура, то ли Джавахарла-ла Неру). Мы почти не видим английских фильмов, которые я с удовольствием смотрю, бывая в Индии или в Англии. Зато американские фильмы мы видим на каждом канале по многу раз ежедневно.

Я сомневаюсь, чтобы крупные страны выпускали менее 50-100 фильмов в год, среди которых можно было бы, вообще-то, выбрать наиболее интересные для показа на нашем телевидении. И это было бы, наверное, интересно, поскольку мы следим не только за сюжетом фильма, но и наблюдаем за образом жизни чужой для нас страны. Наверное, даже было бы интересно понаблюдать за образом жизни африканцев, если бы в нашем прокате когда-нибудь появились фильмы производства, например, Зимбабве. Но нам предлагается ежедневно вкушать образ жизни только одной страны — Соединенных Штатов Америки. Почему?

Люди уже всю говорят о том, что Голливуд купил все каналы телевидения в России за взятки, чтобы показывали именно их фильмы. Даже судачат о том, что в США существует специальный фонд для подкупа телеканалов, чтобы навязывать всему остальному миру американский образ жизни с целью еще большего возвеличивания и без того Великой Америки.

Патриотизм американцев на фоне полосатого флага, ежеминутно мелькающего на российском экране, конечно же, достоин уважения, но... уважение в столь массивной дозе, к сожалению, вызывает обратный эффект... тем более, что для нас это все же чужой патриотизм, да и мы... еще не звездно-полосатые. К тому же можно добавить, что и наш флаг, вообще-то, тоже красивый, а слова Россия, Великобритания, Германия, Франция, Япония тоже звучат гордо... вообще-то.

Можно еще отметить, что большинство людей в мире — покладисты и восприимчивы; они

с радостью готовы воспринять «чужое-хорошее». И это «чужое-хорошее» может стать даже стимулом к развитию. Но американцы, к сожалению, пропагандируют (прежде всего в своих фильмах) давно устаревшее и поросшее плесенью мировоззрение, когда главной ценностью бытия становятся деньги и «святая» месть (атрибуты Чужого Бога, кстати!), ^ни, американцы, доходят даже до того, что показывают свою «пинающуюся кинозвезду» Ван Дамма распятым на кресте. Им, американцам, невдомек, что времена уже изменились и человечество, как огромное колесо, уже покатило в сторону духовности и что им, американцам, не удастся остановить это колесо; оно уже набрало скорость и будет катиться вперед, давя всяких там стреляющих, пинающих и прочих кинозвезд на своем пути, оставляя после них след, пахнущий плесенью. И это катящееся колесо будет все больше и больше набирать скорость и приближать людей к духовному, к тому духовному, которое когда-нибудь изменит все принципы нашей жизни. А после этого люди почувствуют, что пространное понятие Любовь, оказывается, является действенной силой, способной не только крушить горы, но и приводить людей в такое состояние, когда они смогут жить в согласии с самим Создателем... по его принципам... с Чистой Душой.

Когда я каждый день на экране телевизора вижу «заплесневелые» американские фильмы, я всегда вспоминаю американца Билла Гейтса, который смог отдать свои заработанные (именно заработанные!) 46 миллиардов долларов в благотворительность, а не в бизнес, оставив своим детям (для раскрута!) всего лишь 10 миллионов долларов. Этим, на мой взгляд, он сделал вызов Америке, ее принципам жизни, а самое главное — он сделал вызов Чужому Богу в лице зеленого доллара, выразив пренебрежение к нему, полнейшее пренебрежение во имя чего-то, чего он сам, возможно, не совсем понимает, но чувствует, что так надо сделать... просто сделать, да и все! Во имя... во имя Истинного Бога, что, вообще-то, так трудно сделать... именно в Америке.

А американские боевики продолжают тупо насаждать культ плебейской любви к деньгам, культ плебейской «священной мести», культ плебейски-примитивной жизни, культ плебейского патриотизма под эгидой любви к самому себе и многое другое плебейское, что остается только удивляться тому, что именитые режиссеры не понимают этого. Хотя... хотя вполне возможно, что они понимают это, но сделать ничего не могут, потому что в душевном порыве, выкурив десять сигарет подряд (за углом!), они подходят со сверкающими глазами к знаменитым актерам и тут же... видят в их стеклянных глазах круглую сумму, которую они должны получить за этот фильм. Холод в глазах, в сочетании с профессионализмом, приводит к созданию штампованных примитивов. Да даже знаменитые актеры не виноваты, — Чужой Бог поселился в Голливуде! Ведь только Настоящий Бог дает человеку те тонкие эмоции, которыми мы любуемся на экране.

Гостеприимство

В Соединенных Штатах Америки тоже есть любовь, но она другая, не наша. В нашей, российской любви, все же, во многом присутствует любовь к людям вообще. Проявлением этого является хотя бы то, что перед чужими людьми мы стараемся выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле. Ну... красим общественный подъезд перед приглашением к себе домой иностранного гостя, готовим сверхвкусную еду в сверхбольшом количестве и делаем вид, что так у нас бывает каждый день. А это, извините, проявление уважения и любви к чужому иностранному ¹человеку.

Американцы так не «выеживаются». Для них — все как есть, так и есть. Да и жратва у них в гостях такая, что голодным останешься и... черного хлеба с толстым куском колбасы и горчицей захочется. В такие моменты «скромного гостеприимства» начинаешь слегка грустить и чувствовать себя маленьким-маленьким, которому, слава тебе господи, уделили хоть какое-то скромное внимание. А ведь, наверное, существует параллель — чем больше еды на столе, тем

шире душа хозяина. Я понимаю, что у хлебосольного хозяина все_ слопать невозможно, но поклевать каждое блюдо, причмокивая и приговаривая «Какой вкус! Как вам удалось его добиться?», можно, при этом слегка сожалея, что у коровы, а не у нас, к желудку примыкает еще одна пищеварительная камера, называемая то ли книжкой, то ли альбомом, то ли еще чем-то в этом роде... Но в моменты хлебосольного гостеприимства мы ощущаем радость не от количества еды (которую, кстати, надо еще и переварить без этой, как ее... книжки), а от того, что от этого изобилия веет уважением и любовью к тебе — может быть малознакомому человеку, у которого, может, вряд ли что-то и попросят — гордость не позволит разменять уважение и любовь к человеку на материальную выгоду. Ведь уважение и любовь к человеку значительно выше пищевой ценности приготовленной еды, а еда всего лишь олицетворяет эту любовь...

а как же еще выразить ее? Хлебосольным гостеприимством, конечно! Не диплом же дарить с тисненными словами любви! Понятие «узбек-оленеvod» звучит, конечно же, глупо, но понятие «узбек-жмот» не звучит вообще. У узбеков столы всегда ломаются, и по этим столам видна широта их души и уважение к людям, хотя Узбекистан... значительно беднее Америки. Я понимаю, что гости все не съедят, а хозяева, наверное, постепенно все доедят, разогрев и приговаривая «Эх! А свежее-то было вкуснее!», но останется радость от того, что он — скромный узбек — выразил свою любовь к гостю, пусть даже незнакомому, от чего почувствовал себя значимее и лучше, потому что... выплеснул таящуюся у него в душе Любовь к людям вообще — главную форму Любви.

В этом смысле ничем от узбеков не отличаются грузины, армяне, японцы, итальянцы и многие-многие другие нации. У грузин даже есть поговорка: «Настоящий грузин родился за столом». Японцы склонны брать в дорожном ресторане такую порцию «суши» — символа японской кухни — что будто бы человек должен наесться этого «суши» (рыбы с рисом) сразу на всю жизнь, чтобы навсегда запомнить гостеприимство японцев и их любовь к людям... через «суши».

Через пасту (макароны) выражают свою любовь к людям итальянцы. А армяне, конечно же, подают шашлык с лавашем, по-доброму приговаривая «Вай-вай-вай». И даже во время спитакского землетрясения, когда мы с Ами-ром Юсуповичем Салиховым прилетели оказывать хирургическую помощь в зоне бедствия с полной сумкой хлеба и колбасы, выжившие после землетрясения армяне закармлили нас шашлыком и лавашем... по-другому они просто не могли.

Американцы, конечно же, любят сэндвичи и «хот-доги» и, возможно, когда они покупают их тебе (чтобы съесть в автомобиле) — это надо воспринимать как акт гостеприимства и хлебосольности, но как-то не по-узбекски, не по-грузински, не по-японски, не по-итальянски, не по-армянски и не по-русски это получается. Что-то давит на тебя. Слопать быстрее сэндвич хочется, чтобы он перевариваться начал... Почему же так?!!

Все дело в том, что в Соединенных Штатах Америки другая любовь — любовь к самому себе, перемешанная с болезненной любовью к своей стране, которая через свое величие возвеличивает и тебя самого. Поэтому в их фильмах так часто звучит «I am American» (я американец). Эгоистичной любовью пропитана эта страна. А эгоистичная любовь исходит не от Настоящего Бога, она исходит от Чужого Бога, который постоянно нашептывает человеку (а порой и людям целой страны), что он, человек, велик, и только он, человек, вместе со своей страной призван управлять всем миром... как Бог. Хотя, на самом деле, миром управляет Настоящий Бог. И ничто не может помешать Настоящему Богу окунуть людей в материальную яму, чтобы заставить их «вкусить сладость» коммунизма или эгоистического американизма. А делает он это для того, чтобы «вкусившие это» начали подниматься вверх по духовной линии, чтобы они, люди, навсегда запомнили «материальную яму» с красными или звездно-

полосатыми флагами.

Богом торговать нельзя!

К тому же надо добавить, что ученые со всего мира (будь то русские, японцы, китайцы или другие), эмигрировавшие в Соединенные Штаты Америки ради расширения возможностей научного поиска, приехав в эту страну, вдруг понимают, что они начинают чахнуть как ученые, несмотря на то, что условия для науки и в самом деле прекрасны. Они, эти ученые-эмигранты, вдруг осознают, что живут по инерции, на старом багаже, рожденном в родной стране» а здесь новые мысли все не приходят и не приходят... Порой ученые-эмигранты даже начинают изрядно выпивать, желая хотя бы в пьяном угаре почувствовать уже начинающую забываться сладость научного озарения, когда они (в родной стране!) могли воскликнуть — «Вот-вот-вот! Так-так-дак-так! Вот, оказывается, в чем дело!». А это «Вот, вот... так, так...» все не приходит и не приходит... А в душе зарождается тревожный звук научной неудовлетворенности, который вскоре начинает выть как сирена, полностью выводя из себя и приводя в состояние такого буйства, что хочется не просто хлопнуть дверью, но и вышибить все двери подряд в этой чужой стране.

Ему, этому гениальному дураку, который «сиганул» в чужую страну с целью реализации своего таланта, невдомек, что его научные мысли, вообще-то, заслуга не его, а Бога. А Бог знает, кому

И в какой стране дарить мысли у него свои замыслы. А мы удостоенные божьего внимания и получившие этот бесценный подарок, просто не имеем права его разменивать! И пусть наука на твоей Родине рождалась, как говорится, в подвалах, пусть... Но Бог так решил, что надо преодолевать, преодолевать и преодолевать препятствия, чтобы именно здесь, на твоей Родине, именно ты, Иванов, Петров или Сидоров, смог создать что-нибудь гениальное в науке, чтобы прославить свою Родину, что, может быть, очень важно для живого существа — планеты Земля, которая, возможно,

тоже мыслит (на более глобальном уровне!) и также следует божественному замыслу.

А те, что эмигрировали и потухли там, на чужбине, может быть хоть на Том Свете поймут, что гении не они, а Бог, и что не стоило приезжать «раскрывать свой талант» в страну эгоистов, где правит Чужой Бог, который лукаво манит, все время что-то обещая, обещая и обещая... чтобы в человеке напрочь угасло все истинно божественное. И не надо ждать, что эгоистам от науки Настоящий Бог даст новые мысли; он, Настоящий Бог, оставит в их распоряжении лишь старый багаж, припудренный глухим ропотом негодования, да и слово «предательство» будет выскакивать иногда из подсознания, больно рая, бывшую когда-то чистой, научную душу.

Я уже говорил, что меня тоже пытались «купить для Америки», да еще и за предикую цену. Но ком внутреннего негодования остановил меня. У меня тогда, к счастью, хватило смелости послушать свои внутренний голос.

Но только сейчас я осознал, что меня пытались заставить торговать Богом, давшем мне научные мысли. А этого делать ни в коем случае нельзя! Еще раз повторяю — Богом торговать нельзя, пусть даже этот торг объясняется трудными условиями жизни, сварливой женой, подающей на ужин кашу с маргарином, сопливым ребенком, просящим все, что показывают по телевизору, изводящим тебя жалобами завистником, отсутствием достойной аппаратуры и многим другим, что и приводит многих к «правильному» решению отдать себя... Чужому Богу.

И поверьте мне, господа, что все это — мелочь и чепуха, поскольку Вы, рожденные Богом и наполненные Его мыслями, будете испытывать невероятные страдания от того, что у Вас не появляются новые Мысли, что у Вас исчезло вдохновение и... что Вы просто клюнули на приманку Чужого Бога.

Пройдет время, и Вы все равно возвратитесь к себе на Родину, но уже опустошенным, я бы

даже сказал... пустым. Вам сразу покажется вкусной каша с маргарином, детские сопли станут симпатичными, завистник станет естественно-необходимым... Но Бог еще подумает, давать ли Вам мысли... Ведь, Богом Вы уже один раз «торганули».-Я, честно говоря, очень горд тем, что, послушав свой внутренний голос, никуда, даже в Москву, не уехал. Я каждый день вхожу в наш Всероссийский Центр глазной и пластической хирургии, который нам удалось создать и построить шикарным, как президент-отель, и вижу самых разных (в том числе и... синих) людей, приехавших к нам, в периферийный российский город Уфу, из разных стран мира на лечение и, вообще-то, горжусь этим.

А прежде всего, я горжусь тем, что не «торганул» когда-то Богом. Радость от этого меня охватывает, большая радость. Радость, ведь, хороша, когда она не сиюминутна!

Надоело!

Однако следует отметить, что в мире уже возникло реальное противодействие эгоистическому американизму, как в свое время возникло противодействие надоевшему своими очередями за колбасой коммунизму. А как коммунисты Доказывали, что лучше советского человека никто на свете не живет! Даже за границу не пускали! Но эффект обратной реакции сработал, тот эффект, который выражается словами — «Надоело, блин!». И ничто не смогло устоять перед этими не очень-то одухотворенными словами.

То же самое с эгоистическим американизмом (олицетворяемым голливудскими фильмами), по поводу которого тоже уже хочется сказать — «Надоело, блин!». Закон обратной реакции начал срабатывать и вскоре так сработает, что ничто перед ним не устоит, потому что этот закон создал в душах людей сам Бог. А действовать закон обратной реакции начинает тогда, когда люди уклоняются от божьих законов. Они, американцы-то, жили бы лучше со своим эгоизмом в обнимку и не трубили на весь мир о своей любви... к себе. Ведь тихий, ненавязчивый эгоизм еще более или менее переносим, но громкий, с вопящими нотками, эгоизм очень быстро встает поперек горла и... в душах людей возникает тот самый хорошо знакомый ком, с которым какое-то время можно жить, но который обязательно прорвется наружу словами — «Надоело, блин!». Мы, люди, способны внутренним чутьем отличать ложь от правды, поскольку Создатель заложил в наши души Критерий Искренности, который тут же срабатывает, когда ложь пытаются выдать за истину, а эгоизм называют патриотизмом.

Патриотизм

Патриотизм — это искренняя (еще раз повторяю — искренняя!) любовь к своей стране, а патриотический эгоизм — это любовь к величию страны ради того, чтобы через величие страны возвеличить самого себя. Патриотический эгоист — это не голубоглазый паренек из деревни, который с простодушной романтичностью возьмет винтовку и искренне пойдет в бой с криком «За Родину!». А патриотический эгоист будет красиво говорить о Родине за чашкой кофе, повесит у себя в кабинете флаг страны, но простодушно в бой не пойдет, найдя сотню поводов, чтобы отсидеться в тылу... под флагом своей Родины. Настоящий патриот, может быть, и не может облачить в словесную форму тот душевный порыв, который ведет его на смерть под флагом Родины, но он чувствует, напевая: «Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи...», что он идет защищать людей, прежде всего, от Чужого Бога, который смог вселиться в людей целой страны и заставить их напасть на другую страну, чтобы, в конце концов, подчинить себе весь земной шар и показать Настоящему Богу свои остро заточенные зубы. А эти зубы устрашают, — неуютно жить под их оскалом! Да и вспоминается иногда, что тебя — Человека — создал все же Настоящий Бог, создал за счет своей невероятной по мощи Энергии Любви.

Я совершенно не осуждаю американский народ за то, что он стал носителем эгоистического американизма; так уж получилось в истории, когда именно он, американский народ, был

вынужден взять на себя основное бремя борьбы с дьявольским коммунизмом и... победил. Но победители, как известно, всегда проигрывают... Начинают быстро падать вниз... только из-за того, что в души победителей вместе с радостью победы вселяется еще и эгоизм — Любовь к себе... Великому. Чужой Бог не упускает момента, когда от радости победы открываются души людей и тут же вселяется туда, нашептывая: «Ты Бог! Ты Бог! Ты Бог!». А это, извините, самый страшный грех, и впасть в него очень легко... с победой.

— О, как страшно побеждать! О, как это опасно! — хочется порой воскликнуть, вспоминая историю человечества.

Я не буду говорить о том, почему великие империи, как правило, разваливались, я просто напомним Вам, дорогой читатель, что именно две страны, побежденные во Второй мировой войне — Германия и Япония — стали лидирующими державами мира. Поверженное чувство собственного достоинства, когда понятие «эгоистическая любовь к себе» было растоптано, сотворило германское и японское экономическое чудо. О, как многого стоит желание доказать, что и ты, побежденный, чего-то стоишь в этой жизни! Как важно не впустить в душу эгоизм победителя, обрекая себя и вместе с собой всю свою страну на жалкие попытки возвеличить себя до уровня Бога, чтобы потом ощутить нервный и противный период спада, с болью осознавая, что ты все же не Бог и не имеешь права учить мир, как жить! -

Бог сильнее любого человека, любой страны (даже самой великой), да и всего на Свете, потому что он — Создатель. К тому же он, Настоящий Бог, противостоит еще и Чужому Богу, мощному и коварному.

Я абсолютно убежден, что у американского народа хорошее будущее. Для этого им надо урезонить, прежде всего, раздутый под флагом Чужого Бога Голливуд. И когда-нибудь американский Джон или Джек накроет заокеанскому гостю такой стол, такой стол... которому позавидуют даже узбеки и грузины. Техасскую выпечку, к примеру, подаст американец к столу и все его зарубежные гости вдруг почувствуют тепло американских сердец...

Надо сказать, что эгоистический американизм все же сделал одно весьма положительное, хоть и неожиданное дело. Он стал стимулятором создания Европейского Сообщества.

Только вдумайтесь, господа, что вечно враждовавшие Германия, Франция и другие европейские страны взяли и объединились в одно сообщество. Невероятно, но это так! Эти страны как-то вдруг забыли старые обиды, вечные войны между собой... Почему? Да потому что у них у всех вместе возникла общая обида — обида на эгоистический американизм, который стал их учить жить по-американски. Все европейские страны вначале, видимо, слегка тушевались, хотя и понимали, что объективных противоречий между ними и Америкой вроде бы и нет (и у них демократия и рынок, и у американцев — то же самое). Но что-то точило и точило европейцев изнутри, как бы подсказывая, что не им, американцам — бывшим выходцам из Европы — учить их, натуральных европейцев, от которых исторически изошла не только вся мировая культура, но и вся современная цивилизация. Дитя, ведь, не учит отца! Да и «корова-мальчики» (ковбои) никак не укладывались в голове, как главные герои современности. Исторически вложенный в души европейцев культурный компонент противодействовал «корова-мальчикам».

Этот исторический компонент, связанный с традиционной для Европы многонациональной культурой, неожиданно оказался очень сильным. Европейцы понимали (и понимают), что различия между итальянской, французской, германской и другими культурами были, есть и будут. Но эти различия носили (и носят) взаимоуважительный и взаимообогащающий характер, и ни в какое сравнение не идут с новой американской культурой, не имеющей исторической

подпорки.

Жить по-новому, забыв старое, не удавалось, — что-то в душе противилось этому... исторические корни, может быть? Да и память, наверное, подсказывала, что именно Европа через периоды войн и еретических погромов упрямо шла по пути прогресса, не только изобретая технические аппараты, но и возводя прекрасные дворцы, создавая особый стиль одежды, проводя шикарные балы и увлекаясь поэзией и литературой.

И чем больше «корова-мальчики» мелькали на экранах, тем чаще глухой ропот возникал в душах европейцев.

Первые решительные шаги предприняла Франция, запретив (или почти запретив) показ на своих экранах голливудских фильмов. Немцы, итальянцы, испанцы, греки и все остальные нации радостно кивали, поддерживая французов и ощущая в душе приятное чувство европейского единства. Появилось своеобразное единство душ европейских наций. А оно, как говорится, многого стоит... это единство, душ-то! Это уже громадная сила!

Но самое любопытное, на мой взгляд, состояло в том, что в процессе единения Европы основную роль, наверное, сыграло все же противодействие Чужому Богу, питающемуся вселить и в них, европейцев, эгоизм. Но Европу спасли ее культурно-исторические корни! Ведь через тернии пробивались ростки европейской культуры! Именно культура смогла показать людям духовные ценности в противовес материальным. Гёте и Бальзак сделали свое благородное дело, ведь они, наверное, были истинно Людьми от Бога. Да и вся культура изошла, наверное, от Бога, потому что она, прежде всего, взывает людей к любви к людям... вообще-то. Культура спасла Европу от вторжения Чужого Бога. Слава культуре!

Валюта Дружбы

А вслед за культурой люди подумали и об экономике, создав, в конце концов, в многонациональной Европе единое экономическое пространство, в пределах которого люди могут свободно перемещаться. С языками только проблема... зато можно свободно расплачиваться с помощью «евро».

«Евро» можно назвать "валютой Дружбы". И удивительно то, как источающие гордость марки, франки или лиры вдруг неожиданно поступились своей горделивостью и самоликвидировались, уступив место единой европейской валюте, которая носит имя этого самого развитого континента мира. И почему-то даже самая богатая из европейских стран, Германия, поступилась в угоду европейскому единству самой твердой валютой в мире — маркой! Почему?

Отвечая на этот вопрос, можно много говорить об экономическом противодействии Соединенным Штатам Америки силами «культурной старушки» Европы, но главное все-таки, наверное, не в этом. Слишком удивительно то, что ранее противоборствующие страны вдруг стали друзьями... даже в экономике. Слишком это невероятно!

Но кто знает, кто знает... Возможно, сам Бог повелел людям в новом тысячелетии объединяться. Объединяться, не поработав друг друга, а на равноправной основе, пусть даже кто-то и слабее, подтянется, в конце концов! Чужой Бог, вселяющий в людей эгоизм, видимо, уже «достал» до такой степени, что сам Настоящий Бог временно отступил от своего главного принципа, что человек есть самопрогрессирующее начало, и еще раз поделился с людьми Европы своей божественной энергией — энергией Любви, чтобы они, эти европейцы, любили друг друга, в конце-то концов...

И я совершенно не могу исключить того, что примеру Европы последуют и другие страны мира. Скорее всего, вслед за Европой объединятся страны бывшего СССР (кроме исторически чуждых нам прибалтийских и некоторых других стран). И на этом громадном пространстве заработает опять таки единая валюта (скорее всего, это будет рубль — привычно все же).

Вслед за странами бывшего СССР, наверное, объединятся арабские страны, преобразовав малоэффективную Лигу Арабских Стран. Желание объединиться, возможно, появится и у африканских стран и, возможно, у стран юго-восточной Азии. Мир может разделиться на крупные многонациональные сообщества. А после этого, вполне вероятно, возникнет желание создать единую мировую валюту и превратить мир в единое мировое сообщество. И, рано или поздно, историки, вспомнив нынешние годы, скажут, наверное, спасибо Соединенным Штатам Америки, которые простимулировали объединительный мировой процесс... за счет феномена обратной реакции, о существовании которого американцы, вообще-то, вряд ли и догадывались, даже не представляя силы простого слова — «Надоело!».

С определенной долей вероятности можно допустить, что когда-нибудь, в будущем, Соединенные Штаты Америки станут теплой и уютной страной, где люди также, по традиции, будут носить шляпы, но... уже с более узкими полями. А их историки, возможно, во время занятий со студентами будут с благодарностью поминать Господа, за Его невероятно мудрое решение использовать внутреннее противодействие людей Чужому Богу во имя Всемирного Объединительного Процесса. И они, эти историки будущего, будут говорить, что многонациональный и многокультурный мир значительно интереснее мира штампованного (тем более олицетворяемого пресловутыми «корова-мальчиками»), потому что в таком мире (многонациональном и многокультурном) жить, как писал Тургенев, — весело.

Из всего многообразия американских фильмов я, пожалуй, люблю только «страшилки». Почему? Да потому, наверное, что они олицетворяют борьбу со всякими, пусть даже надуманными, проявлениями Чужого Бога. Когда смотришь эти фильмы — страшно, но одновременно в душе рождается гордое осознание того, что мы созданы Настоящим Богом еще и для... борьбы с Чужим Богом.

Роль журналиста в жизни человека

Феномен обратной реакции, выражаемый словом «Надоело!», применим не только к странам, но и к отдельным людям, прежде всего, к тем, кто имел «счастье» стать известной личностью.

Как трудно быть известным человеком! Журналисты допекают — просто жуть! А они, журналисты-то, тоже ведь, люди! Они в глаза тебе смотрят «по-человечески», а потом публикуют... такую штампованную дрянь... аж жуть! Правда не все...

Николай Иванович Зятьков слушает интервьюируемого, слушает и не запоминает тех слов, которые ты, как интервьюируемый, запрещаешь ему писать... напроць запрещаешь... ведь ты все же интервьюируемый! Более того, он, Николай Иванович, иногда говорит: «Ну-у-у» и... ничего больше не говорит. А ты ждешь дискуссий по... углублению смысла твоей речи. А он опять говорит: «Ну-у-у». Ужасно-то как! Но потом он выдает такую статью, такую статью... что ты так и наполняешься гордостью оттого, что ты... такой умный. Он — журналист Николай Иванович Зятьков — делает тебя умнее, чем ты на самом деле есть.

Я, конечно же, не могу сказать, что я во время интервью несу только чушь. Я несу ее (чушь!)

лишь периодически, особенно когда... в простодушные глаза Николая Ивановича смотрю, но... с душой несую, чувствую эту. А ему, Николаю Ивановичу, только эта чувствую и нужна. Он, Николай Иванович, эту чувствую так перерабатывает, так перерабатывает, что она, чувствую эта, не просто умной, но и душевной покажется. А читатель ведь душевно-умного требует, а именно, хочет видеть на страницах газеты умное в сочетании с душевным. Вот и появляются гегемоны мысли... журналистами «обумненные» и «одушевленные». В этом, наверное, талант журналиста и состоит — гегемонов современности делать, скромно подписавшись внизу — «интервью брал наш корр. Николай Зятков».

Поэтому, дорогой читатель, когда Вы читаете какую-либо газету, то не думайте, пожалуйста, что у нас так много в стране умных людей, журналисты умные есть, которые, если захотят, любого умным сделают... или дураком. Среднего у них, журналистов, не бывает, — блекло, говорят, получается, конечно же, неинтересно читателю. Что о блеклых писать-то?! Из любого блеклого умного можно сделать! Но люди редко догадываются, что умным, на самом деле, является... журналист.

Однако журналисты порой делают из человека (интервьюируемого) такого умного, Однако, когда этот человек... с мясистым носом... появляется на экране постоянно, то... этот нос начинает приедаться и...вызывать низкопробное желание то ли высморкаться, то ли съесть что-нибудь мясное... И, в конце концов, люди начинают выключать телевизор тогда, когда видят на экране этот... мясистый нос. О других носах они, может быть, начинают мечтать, чтобы их лицезреть на экране. Срабатывает феномен обратной реакции, сила которого, как мы знаем, очень велика. Доза показа своего лица должна присутствовать!

Слова «Надоело!» надо бояться! Да и... о мясистом носе надо думать, который уж особенно быстро надоедает, почему-то... тем более, что телекамеру надвигают на... него... иногда для хохмы, чтобы казалось, что ты из одного него состоишь. Это особенно хорошо понятно мне, потому что у меня... такой же нос. Но главное состоит, видимо, в другом. Мы, телезрители или читатели, задолго до того, когда в голове созреет слово «Надоело!» по поводу этого пресловутого... мясистого носа, начинаем чувствовать, что что-то здесь не то... что-то не то... А это «что-то не то» состоит в том, что мы начинаем чувствовать эгоизм, исходящий от... обладателя мясистого носа. Говоря иными словами, мы начинаем чувствовать, что обладатель мясистого носа начал зажираться, низкопробненько так зажираться, что даже начал считать свой мясистый нос эталоном красоты.

Я думаю, что природа урезонирует таких обладателей «прекрасных мясистых носов» тем, что на этом носу ни с того ни с сего появляется противный прыщ, который, как назло, не проходит недели две-три и мешает продемонстрировать его (нос) еще и еще раз. Но природа, которую создал Бог, действует не только через прыщ, она, природа, действует еще и через душу, которая начинает вначале роптать, а потом аж выть... даже при одном упоминании о «мясистом носе». Она, душа, чувствует, что в этого вечно интервьюируемого человека («мясистого носа») начал вселяться Чужой Бог. И ему, простому телезрителю или читателю, это противно, поскольку главным грехом уже начинает пахнуть.

Чаще всего такие «мясистые носы» встречаются в шоу-бизнесе, хотя не у всех представителей шоу-бизнеса (особенно у их «сексуального большинства» — голубых) нос бывает мясистым. Зато... ресницы у них длинные.

Главной особенностью шоу-бизнеса является высокая чувствительность шоуменов к ощущению собственного надоедания зрителю. Тогда шоумен (или шоуменша) идет на какой-нибудь скандал (разводится с женой или публично бьет кому-нибудь морду), а если и это не помогает, то показывает трусы или всенародно врет, что он каждый полет на самолете «спит» со стюардессой в самолетном туалете... стоя. Но феномен обратной реакции работает, работает и

работает, а залы пустеют, пустеют и пустеют, и жизнь грустнее, грустнее и грустнее.

А нередко шоумены организуют шоу-мафию по принципу «не пущать молодые таланты», чтобы уже насильно показывать народу свои «мясистые носы» или — что чаще — «длинные ресницы».

И им, шоуменам (или шоуменшам) невдомек, что вместе с рукоплесканиями зрителей в них... черт побери... уже вселился Чужой Бог, проклятый Чужой Бог, которого чувствуют и отторгают зрители. Не по душе получается, когда Чужим Богом пахнет!

А ведь рецепт успеха в шоу-бизнесе прост — любить надо зрителя не на словах, а душой, да так сильно любить, чтобы от души твоей прямо-таки веяло любовью к людям вообще... искренней, к тому же. И всегда-всегда бояться эгоизма, который тут же почувствуют зрители. Игорь Николаев, по-моему, понимает это.

Вау!

Я опять откинулся на стуле и опять посмотрел на свою желтую неказистую авторучку. Неожиданно в голове зазвучала старая русская песня:

*Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить...*

Эта песня начала грациозно и печально звучать в душе, но тут же... прервалась неприятным воспоминанием о том, что многие русские люди вместо чисто русских восклицаний «О!», «О-о-о!», «Ох ты!» или «Ух ты!», вдруг начали говорить по-американски- «Вау!». Это самое «Вау!» нервным комком подступило к горлу.

Я прекрасно понимал, что «Вау!» является обычным восклицанием на американский манер и ничего особенного в нем нет. «Вау!» так «Вау!»... Но оно, почему-то, нервировало меня... хотя я понимаю и люблю английский язык, где даже пресловутое «Вау!» звучит приятно.

А вот от русского исполнения «Вау!» меня трясет и противность какая-то возникает.

Я стал думать на эту тему и... чуть сам не сказал «Вау!». И тут до меня дошло, что все это не просто так.

Бог почему-то создал в мире много языков, а не один, что, вообще-то, нелогично, — трудно ведь общаться-то! Но может быть, Бог сделал это для того, чтобы весь мир одновременно не пропитался эгоизмом и через него не принял Чужого Бога? Если это произойдет с одной страной — это еще полбеды, — другие страны подкорректируют (хотя бы через исламский фундаментализм). Но если, например, весь мир вдруг хором скажет... «Вау!», то... Чужому Богу откроется прямая дорога в души всего Человечества! И на это... немедленно отреагирует Тот Свет. А это уже... Апокалипсис — планета Земля не допустит в души всех людей Чужого Бога и... уничтожит (в очередной раз!) все заблудшее Человечество. И... в загадочной Чистой (!) Шамбале вновь будет создан... Новый Человек. Хотя... похоже, что он уже создан, и, возможно, уже конкурирует с нами. Поэтому хорошо, что люди говорят на разных языках. Штампа нет! А самый страшный штамп — это штамп Чужого Бога. И поэтому, наверное, иногда так хочется уютно и тепло сказать чисто по-русски: «О-о-о!», а, не копируя кого-то, произнести «Вау!». Ведь забывая исконно Свое, мы приближаемся к Чужому Богу.

Об этом мы, дорогой читатель, поговорим дальше в этой книге.

Я уже тепло взглянул на свою неказистую желтую авторучку, и в голове снова зазвучала старая русская песня:

*Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить...*

Я снова откинулся на стуле и снова, конечно же, закурил. И пусть эта сигарета была американской, мне было приятно, что я думаю по-русски. А слово «ямщик» мне показалось таким родным и хорошим, таким ласкающим слух, таким русским, таким... что я не удержался, и тихонько запел:

*Ямщик не гони лошадей
Мне некуда больше спешить
Мне некого больше любить...*

Я понял, что меня больше всего берут за душу слова «Мне некого больше любить», потому что я чувствовал, что без Любви нет жизни.

— Почему? — нелепо задал я себе вопрос вслух. — Почему так? Почему так важна Любовь?

— Да потому, — ответил я сам себе шепотом, — что без Любви наступает пустота, смердящая пустота оторванности от Настоящего Бога, который создал весь Мир и... тебя тоже вместе с ним... за счет энергии Любви.

Любовь — это Созидание, — вдруг проговорил я. — А это щемящее чувство Любви в душе есть не просто отголосок, а есть натуральная энергия Любви создавшая весь этот мир и... тебя тоже.

— А кого любить-то в этом мире? — возник вдруг тревожный вопрос. — Ведь страшно звучит — «Мне некого больше любить...!».

Я поднял глаза кверху и вдруг как-то легко понял, что тогда, когда некого любить, надо любить... людей вообще.

От этой мысли мне стало легко-легко. Хорошо на душе стало. Я встал и, почти во весь голос, запел:

*Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить...*

Извините... сантехнический этюд № 7

— Поешь, шеф?! — неожиданно раздался голос завхоза. — А нам не до песен... Мы все в

жизни возимся!

— Ну и как там, в подвале-то? — смутившись, спросил я и сел на стул.

— Понимаешь, шеф, пока я к тебе ходил, Олежка, сволочь, опять в другой конец подвала покурить поперся... — туда, где жижя помельче.

— Он там хоть в сапогах бродит, Олег-то?

— В сапогах, шеф, в сапогах. В болотных...

— А зачем ему тогда мель среди жижи искать? Какая разница? В сапогах же...

— Да этот гурман подвальный, не любит, видите ли, в жиже по колено курить! Стоял бы, курил, да и... пояс Любкин за пряжку держал бы. Так нет, ведь... Так что? Пояс Любкин утонул, что-ли?

— Пряжка уж очень тяжелой оказалась, шеф! Ну не оказалось под ней твердого куска...

— Так нашли вы эту пряжку среди?..

— Нашли, шеф, нашли. На самом дне была! Олег-сантехник нащупал... Молодец, какой, а?! Правда, она без пояса была. — Что? Пряжка?!

— Отцепилась она, шеф, от Любкиного пояса-то... Но Олег — какой молодец, а? Нащупал ее все же... в жиже-то! Противно, сам понимаешь, в... этом шарить. А подвал-то не маленький... и весь в жиже этой... Тьфу! Олег даже на колени вставал... чуть не черпанул... в сапоги свои... болотные...

— А зачем пряжку-то искать было?! Ведь вы же дыру в трубе поясом отметили?!:

— Но кто знал, шеф, кто знал... что пряжка от Любкиного пояса отцепится?! Потеряли, короче, мы Любкин пояс, а вместе с ним и дыру.

— Ну нашли его, Любкин пояс-то? С дырой...

— Шеф! Олег проявил героизм! С пряжкой в руке искал в жиже Любкин пояс. Весь в... сейчас.

— Ну и как, нашел?!

— Нашел, шеф, нашел. Сейчас стоит и руками держит... обеими...

— А обеими-то зачем?

— Да в одной руке пояс Любкин держит, к дыре привязанный, а в другой — пряжку. Я так распорядился...

— А пряжку-то зачем держит? — удивился я.

— Брезгует, он, шеф, брезгует ее в карман положить! — ответил завхоз. — Сам понимаешь, вся в... она, пряжка эта. Ведь сколько он ее искал, в жиже-то! Обидно обратно бросать-то... Утонет ведь. Да и Любка-раздатчица, вдруг пояс обратно затребует... вместе с пряжкой. Она, Любка-то, наверное уже поняла, что пояс вместе с пряжкой потеряла, когда в слизи около лужайки расписалась. Но тут еще проблема одна появилась, шеф.

— Какая?

— Олег говорит, что курить очень хочет, а... третьей руки-то у него и нет! В одной руке — пояс Любкин, в другой — пряжка! Ее же...

— А что он, Олег-то, с пряжкой в руке курить не может?

— Воняет, говорит, сильно, когда руку с пряжкой к носу подносишь. Брезгливым он что-то больно стал!

— Так что, так и стоит до сих пор Олег?

— Так и стоит, шеф. Курить очень хочет. Я запретил ему двигаться. Он, обычно, «Приму» курит, шеф, от которой запах хуже, чем от жижи этой... где даже твердого... не встречается. И понятно почему!

— Почему? — заинтересованно спросил я.

— Олег-сантехник говорит, что «синенький» во всем виноват.

— Негр что ли... фиолетовый?

— Ну да, тот самый... который из Негритянии приехал и у нас в подвале... побывал.

— И что? — не понял я.

— Да то, что это после «синенького»-то у нас, в подвале, все... и расплавилось... И чо они в этой Негритянии жрут?

— Ты хочешь сказать, что он... химикалиями... что ли?

— Олег так думает, шеф! Поэтому и брезгует пряжку Любкину в карман положить. Расплавится, говорит, как...

— Что расплавится?

— Карман, шеф! Пряжка-то не расплавилась в жиже, хотя синенький туда... Она же железная... Не верю я, шеф, что «синенький» химическим реактивом...

— А чем?

— Обычным... шеф! Оно и сейчас там плавает и синеву придает.

— Неужели один негр смог?..

— Смог, шеф, смог! Олег так говорит.

— Короче, найдите длинную веревку, привяжите ее к дыре, то есть к трубе рядом с дырой, а второй конец привяжите, в конце концов, к ноге Олега, чтобы он, когда курить пойдет, туда... где жижа помельче, дыру не потерял, а освободившейся рукой курить мог! По веревке он всегда дыру найдет, — начал уже откровенно издеваться я.

— Правильно, шеф! А то жалко парня-то... Стоит в жиже, как вкопанный... в одной руке пояс Любкин держит, в другой — пряжку от пояса. А так свободным будет Олег, хоть и к дыре привязанный

— Пусть курит свою «Приму» на здоровье. Там, где захочет, — заботливо сказал завхоз.

— Давайте, так и делайте.

— Кстати, шеф. Мы ведь только половину труб... в жиже обследовали, пока дыру не нашли.

— Ну и что?

— А вдруг в другой половине еще одна дыра есть?!

— Ну... так и там ищите! — раздраженно сказал я.

— Шеф! Пожалей! Противно ведь, искать-то!

— А куда деваться?! Если и там дыра есть, то, сам понимаешь, бесполезно все остальное.

— Да уж... — грустно вздохнул завхоз. — Но это только Олег сможет сделать. А ведь он, шеф, к дыре будет привязан! Как же?..

— Сам подвжись к дыре. А Олег пусть ищет.

— А как же я тогда, шеф, к тебе буду бегать?

— М-да... Тогда... Олега на более длинную веревку привяжите, чтобы по всему подвалу мог курсировать.

— Хорошая идея, шеф! Снабженница Дамира Касимовна, которая сейчас у себя в кабинете за потоп переживает, уже и веревку нашла. Хорошую — бельевую. Ею-то я Олега и привяжу!

— А выдержит она, веревка-то?

— Должна, шеф. Дамира плохих веревок не держит.

— М-да...

— Кстати, скажу тебе, шеф, что Дамира Касимовна к Олегу с большим уважением относится. Спасателем нашего Центра его считает. На свою зарплату ему иногда «Приму» покупает. Говорит, человек в подвале работать без курева не может. Вообще-то говоря, шеф, можно было бы ему, Олегу, на целый год «Примы» купить. Перечислением. Парень этого достоин, шеф!

— Казначейство не пропустит счет на «Приму». Точно тебе говорю.

— Ну... у них, в Казначействе, тоже, наверное, подвал есть! Понять должны...

— Они не поймут. У них одни инструкции.... Их очень много, очень и очень много! — печально проговорил я. А где они их, шеф, хранят? В подвале, ведь, скорее всего?

— Скорее всего...

— Тем более, понять должны!

— Вряд ли... Если только они, инструкции эти, потонут в... ну, в чем вы сейчас возитесь.

— А что это такое — Казначейство, шеф? Красиво так звучит, из старого русского слова происходит, чувствуется.

— Да банк это. Обычный банк, который с деньгами возится и все повод ищет, чтобы организация ничего купить не могла.

— А-а-а... Но... неужели даже «Приму» купить нельзя?! Что это за банк такой, Казначейство это, что даже «Примы»... для подвала купить нельзя?!

— «Приму» точно через Казначейство не купишь.

— Жалко... А то Олегу-сантехнику такой подарок можно было бы сделать! Он щедрый, шеф, Олег-то наш, — он бы другим сантехникам половину всей «Примы» отвалил, а квартальному сантехнику больше всех бы дал. Ведь он, квартальный-то, в... подвальных кругах интеллигентом считается. Все, что угодно перекроет. Знаниями обладает.

— А сейчас-то у Олега сигареты есть?

— Еще пачка, говорит, есть, но на нее, говорит, капля жижи попала. Противно говорит, курить-то.

— Ладно. Сейчас водителя пошлю, чтобы пару блоков «Примы» для Олега купил. Понятно, стресс у него, а во время стресса всегда курить хочется.

— Спасибо, шеф! Сам понимаешь, что с каплей... на пачке курить противно. А пачка-то у «Примы» мягкая, из рыхлой бумаги сделана, и все... моментально в сигареты впитается. Спасибо, шеф, что понял! А то, ведь, когда среди... работаешь, хочется глоток свежего дыма сделать, без примеси...

— Понимаю.

— Ладно, шеф, пошел я. Работать надо. Олег, наверное, совсем охренел в одной руке Любкин пояс держать, в другой — пряжку от пояса. Пойду, возьму у Дамиры моток бельевой веревки и привяжу его к ноге Олега, чтобы он, свободно курсируя, мог новую дыру в другой половине труб поиска.

— Не забудь вторую сторону веревки к найденной дыре привязать, — ехидно кинул я вслед. — А то Олег будет веревку на своей ноге просто так таскать...

Я позвонил по местному телефону водителю, дождался его и дал ему денег, чтобы он купил «Примы» Олегу-сантехнику.

Олег Константиновицц

Я снова сел думать, чтобы, наконец-то, начать писать книгу под названием «Матрица жизни на Земле» по результатам прошедшей тибетской экспедиции. Однако этот чертов подвал не выходил из головы. Мысли не шли. Вдруг мои мысли перебил телефонный звонок.

— Олег Константиновицц?! — послышался голос с явным татарским акцентом.

У меня возникло желание пошутить.

— Да, Олег Константинович слушает, — ответил я, чеканя слова и понимая, что «не туда попали».

Я даже вспомнил, что нередко, когда попадают «не туда», я выдаю себя за того, кого

спрашивают. Например, когда спрашивают Машу или Валю, я важно говорю, что она ушла в кино с Колей или Васей. Стыдно, конечно, зато весело. Утрясется как-нибудь, наверное. Мелочь все же. Люди же умные. Поймут. Но позже им будет весело, когда поймут, нервы пощекотав. Хохотать тоже будут, когда выяснят, что Маша или Валя вообще не знают загадочных Колю или Васю. Щекотка, ведь, приятная штука, — хохочешь все же, пусть даже не совсем искренне, но хохочешь. Зато «штампованная жизнь» меняется, Америкой не пахнет.

— Это вы, Олег Константиновицц?! — переспросил голос с татарским акцентом.

— Да, конечно, — важно ответил я.

— Это... узнали меня?!

— Конечно, узнал.

— Можно завтра вечером я к вам, Олег Константиновицц, заеду бумаги забрать?

— Можно-то можно, — важно проговорил я, — но там в этих бумагах, такая чушь, извините, полная херня, написана!

— Неужели? — грустно послышалось на том конце провода.

— А кто это печатал?! — важно продолжал я. — Безграмотность такая!!! Кто, спрашиваю, печатал?!

— Катя печатала, но она не... секретарша.

— Грамотнее печатать надо!

— Извините, Олег Константиновицц!

— Да ладно уж! — проговорил я, понимая, что меня точно приняли за Олега Константиновича.

— А... все же... завтра вечером к вам заехать можно? Можно, Олег Константиновицц?

— Так и быть — можно. Но... но без трех бутылок дорогого виски вам не обойтись!

— Спасибо, Олег Константиновицц! Спасибо! Три, значит, три...

— До свидания, — сказал я и грустно улыбнулся.

Мне, конечно же, было немного не по себе оттого, что я, видимо, поставил в неудобное положение этого Олега Константиновича, которому, наверное, завтра принесут три бутылки дорогого виски, да и еще и скажут — «Как вы велели!». Олег Константинович, скорее всего, откроет одну из этих бутылок, посадит этого человека (по акценту — татарина) за стол и будет говорить о том, что... более грамотных и более умных бумаг он никогда в жизни не видел и что за это надо выпить. Человек, принесший три бутылки виски, будет, конечно же, недоумевать, но выпить не откажется. А Олег Константинович, наверное, будет говорить, обратив внимание на необычное смущение человека, принесшего виски, примерно такое — «Чо ты, Ринат, сидишь, как кол проглотил?! Все нормалек! Бабу тебе, Ринат, надо, хорошую бабу! Как там эта, как ее... Катька-то, которая к тебе в канцелярию устроилась?». А когда-нибудь они, возможно, выяснят, что произошло какое-то недоразумение. Зато им будет весело. А это «весело» — многого стоит! Оно — это «весело» дает противовес смердящей тоске, от которой смертью пахнет.

И тут я вспомнил одну историю, которая произошла с одним моим очень хорошим знакомым, которую тоже можно было охарактеризовать словом «Весело».

История о женской страсти

Жил-был на свете мой хороший знакомый. Он, конечно же, был разведенным. Но, будучи крупным и солидным представителем мужского пола, он, конечно же, нравился женщинам, особенно молодым. Эти молодые женщины прямо-таки сохли по нему и, несмотря на солидную

разницу в возрасте, хотели его, естественно, оженить, представляя, видимо, что по квартире будет ходить такое... крупное мужское тело. Но он — мой хороший знакомый — предпочитал женщин постарше и даже неоднократно говорил мне, что его привлекают... морщинки, особенно... бисер такой под глазами, который косметические хирурги называют смачными словами «гусиная лапка». Что-то сексуальное виделось ему, моему хорошему знакомому, в этой... «гусиной лапке». Смаком он ее называл, эту... «лапку» и без нее, вроде как, почти скучал. А молодые, с розовыми личиками, особенно те, у которых «лапки» нет, ему неинтересными казались... штампованными.

И вскоре он (мой хороший знакомый) завел себе женщину солидного возраста, естественно, и с «сексуальной лапкой», конечно-же, и стал к ней периодически навещать. Водку приносил, понятно, с собой и колбасу. А она готовила так, что колбаса перед ее блюдами отравой казалась. Но колбасу он все равно приносил... или сыр. Ворковали они по вечерам, конечно, закусывали, причмокивая после рюмки, а потом ложились спать, чтобы утром встать и принять душ, после чего она красила губы и указательным пальцем ставила пятна дорогих духов («Пуазон», например) за ухом; а он брился, достав бритву из портфеля, и, напоследок (тоже достав из портфеля), ополаскивал лицо лосьоном после бритья, чтобы пол-дня удивлять людей силой «мужского запаха».

И вот однажды у него, моего хорошего знакомого, приключился день рождения, за который, как положено, выпить надо хорошенько... чтоб запомнился навсегда. Пить он начал, конечно же, с утра... как душа велела. Периодически трезвел, но потом опять добавлял... водки, конечно, чтобы не выходить из состояния радости... постарел, ведь, на год.

Так вот, в день своего рождения он, мой хороший знакомый, сидел у себя на кухне и пил водку «Кузьмич», закусывая колбасой. А чем же еще? И тут в дверь позвонили. Он, обуреваемый желанием пообщаться... после третьей, тут же, конечно, открыл дверь и увидел на пороге другую женщину еще более солидного возраста и... с еще более «сексуальной лапкой», которая, кстати, тоже имела на него, моего хорошего знакомого, виды, и улыбалась ему на полную катушку, чтобы продемонстрировать свою сексуальность, зная, видимо, про его приверженность к «лапкам».

Он, мой хороший знакомый, конечно же, даже подпрыгнул от радости и, понятно, пригласил ее на кухню пить водку... с колбасой. Что же еще?! Она, эта женщина со «сверхсексуальной лапкой», водку пила с удовольствием и всегда улыбалась, когда он, пьяный, говорил ей всякие там сладкие слова и шутил по поводу того, что мужики, вообще-то, дураки. Но она, эта женщина со «сверхсексуальной лапкой», предупредила его, что вскоре сюда, к нему, может придти ее сын, который, вообще-то, уже женат, и не исключено, что он притащит с собой свою молодую жену, хуже которой, вообще-то, на свете не бывает.

И тут раздался звонок в дверь. Он, мой хороший знакомый, дверь, конечно же, открыл, недовольно ожидая увидеть сына «сверхсексуальной лапки» с женой, хуже которой не бывает на свете. Но на пороге стояла другая «лапка», более молодая и, стало быть, менее сексуальная — та, к которой он похаживал последние годы с колбасой и водкой. А в это время из кухни вдруг раздался женский голос — «Кто там?».

Понятно, что «молодая лапка» не выдержала этого и в порыве вспыхнувшей ревности прямо в шубе ворвалась на кухню.

— А это еще что за «пенсия» сидит? — с вызовом спросила «молодая лапка» у моего хорошего знакомого.

— Чего, чего? — не понял мой хороший знакомый.

— Что это еще за «пенсия» у тебя сидит? Да еще и водку пьет! — переспросила «молодая лапка».

— На себя бы посмотрела! — раздался голос «старой лапки», — сама ты — «пенсия», на тот свет уже пора!

Мой хороший знакомый сообразил, что дело идет к конфликту, и громко закричал:

— Остановитесь, «пенсии»!

«Молодая лапка» окинула всех презрительным взглядом и демонстративно направилась к дверям.

А «старая лапка» горделиво, строя из себя хозяйку дома, пошла провожать «молодую лапку» вместе с ним — моим хорошим знакомым.

«Молодая лапка» вроде как уже вышла из дверей, показывая свое презрение ко всему происходящему, но вдруг обернулась и резко ударила «старую лапку» по лицу рукой в кожаной перчатке.

«Старая лапка», конечно же, опешила от такого свинства, но ком гнева подступил к ее горлу и она тоже ударила «молодую лапку» рукой (без кожаной перчатки) в лицо. «Молодой лапке» это показалось уж совсем обидным и она с боевым кличем «Уа-а!» кинулась с ногтями на «старую лапку». Но «старая лапка» не допустила ногтей «молодой лапки» до своего лица и ударом руки отбросила «молодую лапку» назад, что даже косяк двери колыхнулся.

Потом они выскочили в подъезд и со словами «А ты кто такая?! Что тебе здесь надо, сука?!» продолжали биться в равном бою, в промежутках деморализуя друг друга взглядами.

А он, мой хороший знакомый, от этой сцены как-то сразу закис, вошел в комнату, лег на деревянный пол (без ковра), подловив ладони под голову и стал смотреть в потолок. Они, «лапки», заметив это через оставшуюся открытой дверь тоже как-то сразу закисли и обе подошли к нему — моему хорошему знакомому, лежащему на полу и смотрящему в потолок.

— Что-нибудь случилось? — спросили они его почти хором.

В этот момент в проеме двери появился сын «старой лапки»... без жены (хуже которой на свете не бывает).

— Это твой муж?!!! — закричала «молодая лапка», уничтожая взглядом «старую лапку», и снова ринулась в бой. — Посмотрите, посмотрите, какая ваша жена б...! Она не просто б..., она — ...!!!

Предполагаемый «муж» (сын!) совсем охренел. А мой хороший знакомый продолжал лежать на полу, грустно уставившись в потолок, в то время, как «лапки» бились за него насмерть.

Сын, не понимая того, что его (возможно старо выглядящего) «молодая лапка» приняла за мужа его собственной матери, вдруг закричал:

— Мама! Что здесь происходит?!

От слова «мама» «молодая лапка» слегка обалдела, ничего не понимая, и даже приостановила боевые движения руками, в связи с чем упустила момент и получила удар кулаком в зубы от «старой лапки». «Молодая лапка» очнулась и в бешенстве ринулась вперед.

— Мама! — отчаянно закричал сын (предполагаемый муж). — Держись!!!

Сын, будучи, конечно же, здоровым бугаем, понимал, что завалит «молодую лапку», очень рьяно нападавшую на его мать (из-за обиды за полученный удар в зубы) не просто кулаком, а одним мизинцем. Но делать он этого не стал, будучи в душе интеллигентом. Он просто очень громко крикнул, думая, что именно его мать затеяла драку:

— Мама, прекрати!

Из-за этого окрика у «старой лапки» (матери!) возникла обида от несправедливости, из-за чего она слегка охренела и тут-же получила смачный удар «молодой лапки» ладонью прямо в ухо. «Старая лапка», совсем озверев, кинулась, отталкивая сына, на «молодую лапку». Но сын (муж?!) схватил ее за руки и стал удерживать, не обращая внимания на «молодую лапку». А

«молодая лапка», выбрав удобную позицию, изловчилась и плюнула «старой лапке» в лицо. А-а-а! — закричала «старая лапка» и тоже плюнула в сторону «молодой лапки», но попала не в нее («молодую лапку»), а в сына.

— Ты что, мать, совсем охренела, что ли?! — послышался голос сына (предполагаемого мужа).

В этот момент раздался негодующий голос «виновника боя», лежащего на полу:

— Идите! Идите! Идите! Идите все на х..., на х..., на х...!!!

Это выражение подействовало. Бой на время прекратился. Никто даже не плевался. А сморкаться не было сил. «Молодая лапка» водила языком по зубам, видимо, с помощью языка пересчитывая их. «Старая лапка» потряхивала головой, возможно, думая о том, что не сдвинулась ли ее «родная» серная пробка в ухе в сторону барабанной перепонки.

И тут «виновник боя», лежащий на полу, опять громко закричал:

— Идите все на х...! Идите все на х...! Идите...!

Только что дравшиеся «лапки» переглянулись между собой и... как-то сразу захотели пойти туда, куда их послали. Они («лапки»), видимо, уважали его — «виновника боя» — и берегли его здоровье, которое могло быть подорвано из-за его излишней нервозности, поскольку он, ласковый, дошел даже до того, что стал кричать эти самые плохие слова, лежа на полу.

Но тут «молодая лапка» стала приглядываться к предполагаемому мужу (сыну!) и обидно так сказала:

— Смотри-ка, молодого отхватила, а к старому липнет!

— Кого отхватила? — спросила «старая лапка».

— Мужа... молодого.

— Кого, кого?

— Мужа-сопняка.

— Чего? — грозно спросил сын (предполагаемый муж).

— А ты, сопляк, молчи!

— Не понял! — проговорил предполагаемый муж (сын). — Ты, дура, чо...?! Хочешь?

— Чего хочу? — удивилась «молодая лапка».

— Не то, что ты думаешь! — сын (предполагаемый муж) набылчился. — Да я тебя, козу драную, даже на необитаемом острове не стал бы!

— Стал бы!

— Почему... это?!

— Да потому, что я моложе этой... старой овцы.

— Это кто такая «старая овца»?! — встряла «старая лапка».

— Ты! — кинула «молодая лапка», посмотрев на «старую лапку». — Смотри, шерсть ключьями торчит... на тебе.

— Чего-чего? — пошел в атаку сын (предполагаемый муж). — Это у нее-то шерсть ключьями висит?!

— Это у тебя висит, — бросила «молодая лапка», посмотрев на сына (предполагаемого мужа).

— Чо висит? — переспросил сын (предполагаемый муж), оскорбившись.

— То, куда нас всех посылает он, — «молодая лапка» показала пальцем на моего хорошего знакомого, лежащего на полу и посылающего всех на...

— Это у меня-то...?!! — взъерошился сын (предполагаемый муж).

— На такую взлохмаченную овцу у любого... не..., - стервозно вставила «молодая овца... лапка».

— У меня?.. — встревожился сын (предполагаемый муж), несколько озадачившись.

— На кого, на кого? — тоже озадачилась «старая лапка».

— У него на нее никогда не... — раздался философский голос со стороны пола.

— Никогда, — проговорил опешивший сын, начав кое-что понимать.

— Никогда, — подтвердил голос с пола.

«Старая лапка» опустила голову. А «молодая лапка», все еще ничего не понимая, сказала:

— Поняла, овца... старая?!

«Старую лапку» это, естественно, обидело, и она прямо-таки взвизгнула, кидая взгляды на моего хорошего знакомого, лежащего на полу:

— А на тебя-то у кого... Вон, смотри, коза, что ты с ним сделала! Как ты пришла, так он сразу на пол и лег, не просто... его... положил, а вместе с ним лег... навсегда, может быть. А до тебя, коза, он не просто сидел, даже стоял... вместе... с ним. А я тут при чем?! — вскричал сын (предполагаемый муж?), видимо, все поняв. — Делите его сами... лежащего!

— А притом, что иногда лежащий мужик лучше, чем стоячий, — оскалилась «молодая лапка». — Лежащего, извините, поднять можно но когда от стоячего мужика баба идет к лежащему, то...

— Вы что из меня импотента делаете?! — возмутился сын. — Я уже в половозрелом возрасте нахожусь. Я может, уже сексуальным гигантом формируюсь, что вскоре не буду ровней ему... лежащему

— Это я сейчас лежу, — раздался голос со стороны пола, — зато как встану...!!!

— А я уже стою — гордо произнес сын и осекся. — А что вы тут вертеп развели, а сами на пол легли? Нехорошо лежать-то, как...

— Как что? — спросил мой хороший знакомый.

— Я молчу, — сын миролюбиво отвернул голову.

— Идите, все на х...! Идите все на х...! — закричал лежащий на полу мой хороший знакомый.

Потом он встал и, вращая глазами, указал на дверь, многократно выкрикивая все то же словосочетание.

Все как-то сразу присмирели и даже как-то миролюбиво пошли на... Дверь за ними закрылась. А того, что творилось на улице дальше, никто не знает.

А мой хороший знакомый после ухода всей компании по... адресу, остался один, и ему от одиночества стало грустно. Он пошел на кухню и, посмотрев на омерзительный стол с объедками колбасы и недопитой водкой, совсем погрузился. Ему не по себе стало. Он даже корил себя за то, что так некстати лег на пол. Он думал о том, что мог бы, вообще-то, посидеть... хотя бы.

Окончательно загрустив, мой хороший знакомый взял телефон, набрал мой номер, и по большому секрету поведал мне эту грустную историю... И я, конечно-же, сохранил ее «в тайне»...

Ему, моему хорошему знакомому, было в тот момент невдомек, что он, вообще-то, живет в России, а Россия — страна особенная, — страсти в этой стране кипят. Да еще как кипят, вовлекая в круговорот страстей не только страстно ругающееся и ворующее правительство, но и Госдуму, региональные власти, заводы, фирмы, торгашей, учителей, врачей, поваров, сантехников и даже... семейную (или несемейную!) жизнь российских людей, такую, например, которую мы сейчас описали.

И пусть эти «лапки» (старые или молодые), лежащее мужское тело, сын, похожий на мужа и... посылание всех на... три буквы, кажутся со стороны идиотизмом, но в этом идиотизме есть своя глубокая мудрость, выражающаяся непонятным словом «страсть».

Без страсти даже ребенка не зародить. Ребенок есть результат страсти, в порыве которой ты, мужчина, влекомый «тайнством» того, что анатомически достаточно примитивно и неказисто, и порой, с чувством приговаривая — «О сколько... их, наверное, здесь побывало!», с таким вожделением делаешь свое... определенное Богом дело, что тебе кажется, что ничего слаще на свете нет, и что... это должно продолжаться вечно. Но момент этот проходит (у кого раньше, у кого позже, у кого... регулируемо... по заказу женщины). О, как жаль, что этот момент проходит!!! А так ведь хочется, так хочется, чтобы он длился... целый год. Я откинул голову, еще раз посмотрел на свою желтую авторучку (ребристую!) и тихонько про себя спел:

*Если вы обидели кого-то зря,
Календарь закроет этот лист.
Жить без приключений нам никак нельзя,
Эй, прибавь-ка ходу, машинист!
Голубой вагон бежит, качается,
Скорый поезд набирает ход.
Ах, зачем же этот день кончается?
Лучше б он тянулся целый год.*

Словосочетание «голубой вагон» несколько смутило меня, но я откинул его. Не всем же...

Но осознание понятия «страсть» захватило меня. Я понял, что в этом слове заложено что-то глубинное. Что?

Я повертел в руке свою желтую дурацкую авторучку, повертел еще, повертел еще, а потом до меня дошло, что самое страшное — это жить без страсти. Это как в могиле лежать... духовной могиле.

На свете, мне кажется, много людей, к сожалению, живут без страсти. Живут, да и все, — тлеют потихоньку, не горят. Но это, мне думается, нужные люди, нужные для общества. Они являются эталоном того, как... не надо жить: все спокойно, все размеренно, все по порядку, но... скучно. Такие «эталон» очень нужны, чтобы мы, более страстные люди, стиснув зубы от очередного нравоучения «правильного» человека, брезгливо посмотрели на него сами не понимая того, почему же этот человек нам неприятен. А эта брезгливость объясняется только тем, что этот человек, живущий «по-правилам», не имеет страсти. О, как важна страсть, чтобы к тебе не относились брезгливо! Брезгливое чувство вызывают «правильные» люди!

А эти «эталон», старающиеся утвердить принципы «правильной жизни», все ходят и ходят вокруг, к тому же их так много, так много, ну просто... нашествие бесстрастных людей, которые своими бесстрастными руками хотят задушить настоящую страсть. И так противно равняться на них, так омерзительно, когда... внутри кипит страсть, которую дал тебе Бог... для чего-то. Почему же их так много — этих бесстрастных людей?

Я, как простой человек с лысой головой, конечно же, не могу этого знать, но мне кажется, "что отсутствие страсти — это божье наказание... за прегрешения в той, предыдущей жизни, когда ты, с дурасти, жил блекло-блекло в каком-нибудь средневековом государстве и всего-всего боялся, чтобы, не дай бог, чего-нибудь не нарушить. Вот и получил в этой жизни наказание — не иметь страсти и брызгать... Да и в последующей жизни этот человек получит такое же наказание... наверное.

Вот и будет тянуться блеклая («правильная») череда жизней, которую можно назвать

наказанием блеклостью за блеклость. А при твоей смерти родственники всего лишь скажут: «Ну... пожил он...». Да и забудут тебя вскоре. И... могилка твоя зарастет травой.

Самым безобидным наказанием можно назвать наказание блеклостью (или отсутствием страсти). Бывают более тяжелые наказания — завистливость (быть стимулятором кого-либо — способного), например. Это хуже... больнее.

Сколько людей позволяли и позволяют себе быть блеклыми, что имели и имеют наказание оставаться такими же в последующих жизнях! А Бог почему-то не говорил и не говорит им — блеклым — что надо преодолеть свою блеклость страстью, пусть непутевой, пусть Дурной, но страстью. А они, дураки, не преодолевали и не преодолевают свою блеклость. Живут себе блекло, да и все. Не понимают, что это опасно, очень опасно! Почему опасно?

Да потому, что Бог сам страстен, невероятно страстен, невообразимо страстен! И Он, с помощью своей невообразимо страстной Любви, смог свершить такое деяние, которому по мощи нет равных — создать Человека и все Живое на Земле, да еще и в многочисленных параллельных мирах, да еще и на многих планетах, да еще и... Без страсти это невозможно было бы сделать. Страсть — это желание, сильное желание, мощное желание! Желать и стремиться надо, и с фанатичным упорством преодолевать препятствия во имя того, чего страстно желаешь.

Бог не может отступить от главного принципа Созидания, гласящего, что Человек есть само прогрессирующее начало. Бог не управляет человеком в каждом деянии, каждом моменте, — в противном случае человек перестал бы мыслить и стал бы машиной, пусть даже божественной, но... машиной.

А Бог создавал человека не как машину, а как частичку самого себя — Бога, чтобы эта Частичка страстно шла вперед, все более и более поднимаясь к своему Создателю — Богу.

Но все-таки, почему же так много блеклых людей на свете? Да потому, что большинство людей, все-таки, не осознают, что они являются частичкой Бога в виде самопрогрессирующего начала, и позволяют себе слабость погрузиться в пучину серого бездеятельного существования, которое называется блеклостью. А жить в состоянии блеклости легко... тлеешь потихоньку, да и все. Не бывает особо одаренных людей или гениальных личностей, а бывают люди, наделенные страстью (или вернее, желающие иметь!!!), которая через тернии ведет по пути самопрогрессирования и самосовершенствования.

Не надо упускать время, а надо все время ловить и ловить страсть — ту самую энергию, которая будет вести Вас по определенному Богом пути! Уклонение от страсти есть не просто погружение в блеклость или серость, а есть путь к значительно более страшному...

Чему страшному? А это страшное состоит, на мой взгляд, в том, что Бог, раз за разом (жизнь за жизнью) испытывая человека на блеклость, может и уничтожить его и прервать его (данную Им!) вечную жизнь, — а что толку, если человек не может от жизни к жизни поймать страсть саморазвития и самосовершенствования! Что толку, если человек от жизни к жизни не может осознать главный божественный принцип, заложенный в нем самом — самопрогрессировать, а течет по жизни... как сволочь последняя. Вот и дотечет до того момента, когда Бог уничтожит его Дух — Вечный Дух — как блеклый и бесперспективный, не умеющий слушать божественный голос и не понимающий того, что прогрессировать, блин, надо. Жизнь не вечна, господа! Не гарантирована она вам навечно! Прогрессировать надо! Так Бог велел! Да еще и чисто прогрессировать, без грязи в душе! Грязный прогресс — это путь в никуда! Как и... блеклость.

К тому же не надо забывать, что под словом «прогресс» понимается, прежде всего, душевный прогресс по пути к главному божественному принципу — Чистая Душа. Поэтому, если Вы будете добрыми, милыми и ласковыми в окружающем Вас конгломерате жадности, зависти, блеклости и тому подобного, то это будет означать, что Вы идете по пути душевного

прогресса. А душевная жизнь многого стоит, господа! Вскоре сила Души будет править миром!

А когда Вы завидуете, жадничаете, стервозничаете или погружаете себя в блеклость, задумайтесь, господа, над тем, что Ваша Вечная Жизнь когда-нибудь прервется и наступит пустота — вечная пустота. Вы, ведь, не знаете, на сколько Вы на-завидовались, нажадничались, настервозничались или... были блеклыми в предыдущих жизнях, — а вдруг Ваша зависть, жадность, стервозность или блеклость в этой жизни окажутся финальными и Вы, умерев, не воскреснете в родном Том Свете, чтобы опять стать новым человеком (с тем же Духом), а погрузитесь в смердящую пустоту. Люди Того Света тоже размножаются, господа! И они приходят на смену тем «вечным» людям (духам), которые так и не смогли понять, что Человек есть самопрогрессирующее начало.

О, как сложна эта жизнь! Да так и должно быть, наверное, потому что мы, люди, есть частички Бога. Нельзя, оказывается, даже просто так спокойно жить... как все... а надо все время переть, переть и переть вперед. Такова доля частичек Бога, господа!

А чтобы идти вперед, нужна страсть. Так что же такое страсть?!

Страсть, на мой взгляд, есть мощнейший катализатор всех человеческих энергий. Этот катализатор возводит главную созидательную энергию Мира — Любовь — на такой уровень, что Она начинает созидать, созидать и созидать.

И пусть иногда бывает так, что страстная Любовь приводит к таким смехотворным казусам, как бой между молодой и старой «лапками» за моего хорошего знакомого, того самого, лежавшего на полу без ковра, пусть! Но страстная Любовь, тем более, страстная Любовь к людям вообще, творит чудеса. Невероятные чудеса, господа! И мы их когда-нибудь увидим... в будущих жизнях.

Не забывайте о божественном катализаторе — Страсти — господа!

Но Ваша страсть может приобрести и другой аспект. Страсть страсти рознь! Страсть от Бога — это, прежде всего, энергия созидания. Но если Вы начнете страстно копить деньги на сто жизней вперед, или страстно уничтожать того человека, которому завидуете, или страстно играть в казино и на игровых автоматах, или почувствуете страсть к наркотикам или алкоголю, то поверьте, угроза вечной пустоты засветится перед Вами. И когда-нибудь, под конец жизни, Вы, поглаживая свое увядающее тело, с ужасом поймете, что всю свою Божественную Страсть Вы отдали Дьяволу, и всю жизнь пребывали во власти Черной Страсти.

Только Любовь должна стимулироваться Страстью! И, наверное, будет очень хорошо, что когда-нибудь в будущем, за чьего-то хорошего знакомого, тоже лежащего на полу... без ковра, будут страстно биться не две «лапки-пенсии», а две старушки с добрыми «лапками на все лицо».

Бойтесь блеклости, господа! Ловите Страсть, Божественную Страсть! Ловите в любом возрасте!

Сантехнический этюд № 8

— Шеф! — послышался голос завхоза. — Как ты велел, я подвязал Олега длинной веревкой к дыре. Сейчас по всему подвалу курсирует и веревку за собой таскает. Вторую дыру в трубах ищет. Но не получается вторую дыру найти-то, жижа в другом конце подвала слишком глубокая. Олег-сантехник уже руку по самый локоть сует, а глубже засунуть брезгует. Что делать-то?

— Брезгует, говоришь? — задумчиво спросил я.

— Брезгует, шеф, точно брезгует, — уверенно ответил завхоз.

— А почему до локтя не брезгует, а дальше брезгует?

— Ну, шеф, хоть у него и доля такая, у Олега-то, сантехника Этого, в дерьме возиться, но не хочет он, Олег-то, быть полностью в Дерьме. Хоть немного чистым остаться хочет. Каждый человек, Шеф, с дерьмом по жизни сталкивается и вынужден его... осознать. А Олег всю жизнь в

дерьме. Жалко его, Олега-то! М-да.

— Шеф! А он весело в дерьме возится. Даже с кайфом. Ощущает, что никто, кроме него, туда сунуться не может... брезгают А он с улыбкой туда лезет.

— М-да.

— Дерьмо, шеф, любого человека по жизни преследует, — продолжал завхоз. — Но моральное дерьмо хуже физического. Важно, шеф, к дерьму весело относиться, как неизбежное его принять. Олег так и поступает. Он от морального дерьма бежит к физическому. Физическое, говорит, Олег-то, лучше морального.

— Лучше, говоришь? — озадачился я.

— Лучше, шеф, лучше, — утвердительно кивнул завхоз.

— Да, ты, наверное, прав.

— Какая разница, шеф, в каком дерьме копать?! Так уж лучше в физическом.

— А хочется выбраться из физического дерьма-то, чтобы себя... белым человеком почувствовать? — я пристально посмотрел на завхоза.

— Не знаю, шеф. Олег говорит, что не хочется, а то спиться можно. Не каждый ведь человек, шеф, моральное дерьмо переносить может. Таким тяжелым грузом оно на душу давит, что... сразу выпить хочется. А когда среди натурального дерьма возишься, то как-то легче; натуральное дерьмо, шеф, своим запахом моральное дерьмо отшибает. Чистые они люди-то, кто в натуральном... дерьме возятся. Не чета... — расфилософовался завхоз.

— Спасибо.

— Чо, шеф, спасибо-то? Олегу надо сказать спасибо.

— Передай от меня ему спасибо! Большое спасибо! Да и два блока сигарет «Прима» для него возьми.

— Спасибо, шеф, передам твое «спасибо»... Олегу-то. Он, Олег-то, после этого «спасибо», того и гляди, руку в жижу выше локтя засунет, да и... дыру вторую обнаружит. Он точно обнаружит, если ему спасибо сказать. И за сигареты «Прима» тоже спасибо.

— А вдруг второй дыры не окажется? — засомневался я.

Шеф! Нутром чую! Вторая дыра есть. Но в глубине жижи она... дыра-то. Ой, как трудно ее нащупать по плечу в дерьме-то. Но Олег справится, шеф, когда я ему твое «спасибо» передам, да и два блока «Примы» в придачу, — воодушевился завхоз.

.— Спасибо.

.— Мы, вот, шеф, когда в жиже возимся, тебя, честно говоря, часто вспоминаем. Тебе труднее, шеф.

— Почему?

— Ты в моральном дерьме возишься, шеф. До нас, шеф, информация вся доходит, о чем у тебя в кабинете говорят. Информация, как говорится, оседает.

— Как так оседает? — удивился я.

— Сверху вниз, короче говоря, сливается. Олег-сантехник, который большую часть времени в подвале проводит, обо всем, что у тебя, шеф, в кабинете творится, знает. Позже, правда, узнает, но узнает. Судачит он об этом с теми, кто в подвал спускается.

— С синеньким-то... этим, который в подвал спускался... Олег тоже судачил об этом?

— Нет, шеф, с ним Олег не судачил. Русского языка этот... синий негр... не знал. Он сделал свое дело и ушел, — пояснил завхоз.

— Наверное, удивился он, Олег-то, когда синенького в подвале увидел?

— Удивился, шеф, сильно удивился. Даже испугался! Олег, по причине своей сантехнической простоты, думал, что в подвалы только русские могут заходить... для... Он, шеф, Олег-то, из-за угла подвального... наблюдал, как синенький там...

— А почему он не пресек это... Олег ваш?

— Смотрел, говорит, с интересом. Никогда не видел, говорит, как синенькие... с рекламным проспектом... так же, как и мы... в подвале... Очень, говорит, интересно было, тем более, что он, Олег, с задней стороны смотрел.

— И что он там рассмотрел, Олег этот ваш?

— Да ничего особенного, говорит. Как у всех остальных... Да и цвета синего не было в том, что он оставил... вместе с лощеной бумагой.

— Неужели Олегу это было интересно?

— В любой работе, шеф, интерес надо свой ловить. Олегу тоже Развлечения нужны. Он потом целый месяц рассказывал об этом. Весело, говорит, было. Он, Олег, думал, что... тоже синего цвета выйдет, но...

— Обычное, что ли, вышло? — спросил я.

— Обычное, шеф, — разочарованно ответил завхоз.

— А что с жижей-то будете делать? — перевел я разговор в деловое русло.

— Тут твой совет нужен, шеф, — потупил глаза завхоз.

— Совет говоришь?

— Да, совет.

— Совет, совет... Да вычерпывать ее надо, к чертовой матери! — сквозь зубы процедил я.

— Я об этом уже догадался, шеф, — гордо ответил завхоз. — Другого выхода нет. Густая она, жижа-то, чтобы трубы все прощупать...тянется за рукой... противно как-то. Верно говоришь, вычерпыватьее надо. Только вот... совковых лопат у нас нет. Казначейство, как яуже говорил, не пропустило их... лопаты эти, хотя бухгалтерия вроде и старалась убедить в необходимости совковых лопат длясолидного учреждения. Поэтому поводу знаешь, что я думаю, шеф?

— Что?

— Чем солиднее учреждение, тем более федеральное, как мы, тем больше совковых лопат должно быть там. Дерьмо, шеф, всех преследует по жизни.

— М-да.

— Ив солидном учреждении дерьмо надо вычерпывать лопатами.

— Ты прав, — проговорил я.

— Неужели казначейство этого не понимает?!

Не понимает, — я удрученно опустил голову. — И что, даже нет статьи по совковым лопатам, чтобы их пропустить к оплате?! — завхоз негодуяще вскинул брови.

— Нет, — выдавил я.

— А ты их подвалы-то видел, шеф? — спросил завхоз.

— Не видел.

— Так они, небось, купаются в дерьме! — завхоз совсем возмутился.

— Они, дураки, считают, что дерьма не должно быть вообще... — я совсем опустил голову.

— А оно, шеф, есть и будет, дерьмо-то... жижа особенно. Лопаты, шеф, как символ должны стоять... против дерьма. Даже у входа в любое учреждение надо повесить лопату совковую... для вычерпывания...

— Ну а сейчас-то, где будете брать совковые лопаты? — поднял голову я.

— У квартального сантехника можно позаимствовать. За бутылку даст, наверное.

Я встал, полез в холодильник, достал бутылку водки и протянул ее завхозу.

— Шеф, а у тебя второй бутылки нет?

— Есть, но она... начата.

— Пойдет.

— А зачем тебе вторая?

— Те рабочие, которые на помпе работают, еще не ушли. Они машину ждут, которая бы помпу увезла. Помпа ведь, шеф, сама ездить не может, она только качать умеет. Если их, ребят этих помповых, немножко подстимулировать, то они, возможно, согласятся и жижу пососать, хотя это по инструкции запрещено... жидкое только можно. Тогда нам лопатами... совковыми... меньше черпать останется.

— Давай! Иди, стимулируй!

— Уже пошел, шеф!

Олегу не забудь сказать спасибо. Не забуду шеф! Как в подвал зайду, сразу скажу. Я опять повертел в руке свою желтую авторучку. Из головы не выходили совковые лопаты. А потом мои мысли перекинулись на систему оплаты счетов в российском казначействе, в частности, совковых лопат.

Казначейство

Слово казначейство, конечно же, происходит от слова казна и оно, казначейство, призвано предупреждать разбазаривание государственных бюджетных денег, чтобы народу жилось хорошо... даже без совковых лопат. Поэтому в казначейских инструкциях (которых очень много!) вся наша финансовая жизнь расписана очень подробно, чтобы никакая сволочь, обладающая финансовой подписью, не смогла купить, например, хрустальную вазу по статье «медикаменты». По статье «медикаменты» можно покупать только медикаменты. Ну не вазу же... или совковую лопату!

Но зато очень легко закупить по статье «медикаменты» какое-либо дорогое лекарство и, списав его в истории болезни (не используя!), отдать какому-нибудь знакомому аптекарю, чтобы он, аптекарь, продал его втихаря в аптеке и «откатил» тебе этак 50–60 % наличкой. И чем дороже лекарство — тем лучше, — и аптекарю работать веселее, и тебе прибыльнее. К тому же сейчас появились такие лекарства, цена которых надута (именно надута!) до стоимости чуть ли не космического корабля. С такими «надутыми» лекарствами очень любят работать аптекари, которые уж точно знают, что в состав этого «космического» лекарства входит в основном аспирин. Но понимают, что... порой цена лечит. И так весело они, аптекари, продают его, не забывая при этом... о значимости «психотерапевтического (за счет цены!) воздействия» лекарства. А некоторые из особо умных аптекарей даже осознают то, что эффект этого «космического» лекарства равноценен пережеванным и проглоченным денежным банкнотам, которые, вообще-то... тоже могут слегка перевариться и, так сказать, выплюнуться наружу. Зато такой лечебный эффект будет, какого никогда не дождешься от того самого аспирина, который сам по себе... почти ничего не стоит!

Казначейству, конечно же, никакого дела до «психотерапевтического эффекта» нет. Ему, казначейству, важно, чтобы аптекари, врачи, нефтяники, газовики, банкиры и прочие служащие казну не разворовывали. Они, казначеи, понимают, что человек, имеющий право поставить на бухгалтерской бумаге свою финансовую подпись, только и хочет надуть их, казначеев, и обогатиться лично, чтобы, когда заболит, смочь купить лекарство... по любой цене. Вот и придумывают казначеи новые и новые инструкции, которые бы смогли пресечь наконец-то воровство.

Причем у них, у казначеев, считается, что чем поганее бумага, на которой напечатана эта новая инструкция, тем она солиднее и важнее. Скоро, наверное, туалетную бумагу освоят для печатания инструкций.

Например, в казначействе существует инструкция, по которой любой счет надо оплатить обязательно в течение двух недель с момента его выписывания. А бюджетные деньги приходят... например, 29 декабря в 6 часов вечера, когда в 10 вечера заканчиваются все

банковские расчеты на этот год. Куда уж тут до обязательной двухнедельной оплаты счетов! Тут бы «живу остаться», чтобы заполнить все платежные поручения и привезти их для оплаты в казначейство... без пятнадцати десять! Да и выслушать слова о том, что казначеи тоже люди и у них тоже семьи и дети есть... Сволочью себя чувствуешь последней! Даже не сволочью, а дерьмом последним! И давишь, и давишь из себя это заискивающее — «ну, пожалуйста!». «Пли-и-и-з» даже хочется сказать... для солидности. Будто бы это «плиз» спасет тебя от того, что ты себя полным дерьмом чувствуешь, которое в жиге человеческой безлико растворяется и превращается в общечеловеческое дерьмо... как будто, так и надо. А ты хочешь выглядеть хотя бы... индивидуальным дерьмом и доказать, что оплата твоего счета очень нужна народу, который ты, наверное, все же любишь*.

— кстати, это написано — 29 декабря — в последний день оплаты счетов в казначействе.

Но проходит время и... является с проверкой КРУ (контрольно-ревизионное управление), которое, конечно же, первым долгом проверяет эту самую «двухнедельную оплату» счетов, понимая, что ты — директор, даже если не ворует, обязательно на этом засыпешься. Приятно, наверное, видеть, как известный профессор оправдывается, подобострастно заглядывая в глаза... будто бы он виноват (ведь все оправдания по поводу поступления денег за два часа до конца финансового года не воспринимаются). Они, «крушники», конечно же, понимают, что ты ни в чем не виноват и что тебе, несмотря на нарушения, хочется оплатить счета на ту аппаратуру, без которой столько людей останутся слепыми. Но они, «крушники», как говорится, кайфуют от твоей униженности перед ними, сладостно воспринимая свою человеческую значимость — значимость по закону, который прописан в виде инструкций на... почти туалетной бумаге. Уж лучше бы им в подвал спуститься и в «жиже общечеловеческой» повозиться! И удивительно, что эта инструкция на «туалетной бумаге» столь сильна, а Любовь к больному человеку — столь слаба! Обидно даже, что эти всемогущие инструкции печатаются не на лощеной бумаге, той самой, которую... берут с собой в подвал люди разных цветов кожи.

Главный бухгалтер нашего центра Лидия Николаевна Галиаскарова — женщина, конечно же, очень красивая и умная. От ее взгляда все наши сотрудники как-то одновременно и тащатся, и робеют. Смешанные чувства испытывают. Но, как показали мои наблюдения, они* побаиваются не ее саму, а ее знаний этих самых инструкций на «туалетной бумаге». Она прямо-таки сыплет этими инструкциями, иногда даже доставая их из стола и гордо показывая людям... на «туалетной

бумаге». Любой тушует при виде этих инструкций казначейства и... даже... как-то... помолиться хочет на них... — как на икону, почти. Магической силой обладает. «туалетная бумага». Но Лидия Николаевна (даже не вспоминая о лощеной бумаге) всем своим видом подоброму показывает, что «сила жизни» заключена именно в этих инструкциях. Она даже как бы слегка извиняется за то, что эта «сила жизни» выглядит так неказисто, чуть-чуть, возможно, досадуя из-за того, что эту «силу» можно было бы оформить и по-достоиннее. Но кто знает... возможно, таинство плохо пропечатанных букв в инструкциях под образным названием «Как надо жить!» и придает силу тем словам, которые, как ни странно, бухгалтера все же понимают?! А возможно, что и понимать-то этого не надо, просто поступать по-человечески, хотя бы в случае с... совковыми лопатами.

В нашем центре работает еще и профессор Сагит Асхатович Мус-лимов. Он, конечно же, не просто умен. Он очень умен. Сагит Асхатович заведует морфологическим блоком, где мы исследуем строение человеческих тканей. А Сагит Асхатович исследует это лучше Других, со страстью. Он все время страстно смотрит в микроскоп, порой вскрикивая — «О!».

Но порой он бывает невезучим, этот Сагит Асхатович Муслинов. Об его невезучих ситуациях (то машина сломалась посреди огромной лужи, то еще что-то в этом роде) в нашем

центре ходят целые легенды, над которыми сам Сагит Ас-хатович от души посмеивается.

И вот однажды Сагиту Асхатовичу Муслимову захотелось купить новый микротом, на котором можно было бы резать ткани так тонко, что каждую клеточку можно было бы разглядеть. Он начал приставать с этим вопросом ко мне и к Лидии Николаевне Галиаскаровой, да так сильно приставать, что мы, не имея денег по статье «Оборудование», решили купить ему этот микротом, оплатив его по статье «Медикаменты», поскольку по последней статье разрешается оплачивать комплектующие к оборудованию, а в качестве «комплектующих» можно представить все, что угодно; например, за оборудование выдать электронный микроскоп, а микротом представить как комплектующее к нему (что мы, кстати, и сделали). Но невезучесть Сагита Асхатовича подействовала. Проверяющая финансовая инспекция (КРУ) обнаружила, что микротом (стоимостью, вообще-то, почти 30 тысяч долларов) больше похож на оборудование, чем на комплектующие к нему.

— Не может быть, чтобы комплектующее изделие к электронному микроскопу было столь большим! — говорили сотрудники КРУ.

Может, — отвечали мы. — Еще больше бывает. Посмотрите, сам электронный микроскоп какой большой, — выше человеческого роста. Понятно?! А какой микротом маленький?! Меньше человека! Все определяется в сравнении! Вот так вот! В инструкциях, кстати, надо прописать, что комплектующее изделие должно определяться... по сравнительным размерам, а не в абсолютных величинах.

— Так-то оно так, — говорили «крушники», — но уж больно это ваше комплектующее, называемое... как его...

— Микротом.

— Да, да. Оно, это комплектующее... как его...

— Микротом!

— Да, да. Оно... микроскоп...

— Не микроскоп, а микротом! По латыни «том», или «томия», переводится как резка или резать. Микротом означает, что это прибор... ой(!)... комплектующее для резки... микрорезки тканей... человека.

— Вот вы и попались! Сами сказали, что это не комплектующее для электронного микроскопа, а прибор для резки человека.

— Не для резки человека! А для резки тканей человека для исследования под электронным микроскопом.

— Все равно это прибор, — авторитетно заявили сотрудники КРУ.

— Какая разница?

— А разница в том, что вы должны выплатить за нарушение финансовых инструкций государству стоимость этого, извините... прибора к электронному микроскопу. А это... это... 850 тысяч рублей или почти 30 тысяч долларов. Причем выплачивать будете из своего кармана! Понятно? — радостно потирая руки, сказали «крушники».

— Понятно. Но мы же ничего не воровали! Какая разница как Назвать — прибор или комплектующее?! — взвился я.

— Существующие инструкции нельзя нарушать! Мы стоим на страже интересов государства. Составляйте протокол! О, как кипело все внутри! О, как мы были унижены! Ведь мы старались ради фундаментальной науки, той самой науки, которая работает на будущее (на детей!), добывая по крупицам то, что когда-нибудь... когда-нибудь будет, может быть, основой нового метода лечения... рака, например. А тут нас еще и штрафуют за... не то слово... написанное на... почти туалетной бумаге, но обладающее дьявольской силой.

Мне тогда подумалось, что лучше бы нас КРУ оштрафовало за совковые лопаты; дешевле,

во-первых, да и не так обидно. Ведь с помощью этих лопат дерьмо выгребают.

В этой связи не могу не вспомнить еще одну казначейскую инструкцию. Короче говоря, копили мы деньги на один прибор, о котором долго мечтали. Анализатором зрительного нерва называется. Мечтали мы об этом приборе, поскольку он позволяет лучше лечить людей. Немцы его выпускают. Стоит он почти 50 тысяч долларов или 1,5 миллиона рублей.

Накопили мы денег на этот прибор, и готовы были его уже оплатить. Да не тут-то было! Оказывается, существует инструкция о том, что государственное учреждение имеет право оплатить прибор стоимостью только до 200 тысяч рублей. Не более! А анализатор зрительного нерва стоит 1,5 миллиона рублей. Что делать?

Мы тут, конечно же, задержались и стали звонить фирме-производителю. Они, производители, посоветовали нам, что, раз уж у вас, дураков, существуют такие инструкции, можно оплатить... 7,5 раз по 200 тысяч рублей за разные части этого прибора: оптическую, механическую, электронную и другие (выдуманные!) части.

— Но ведь тогда каждую часть прибора КРУ посчитает за комплектующее изделие и придется оплачивать по статье... «Медикаменты», — воскликнули мы. — А у нас деньги накоплены по статье «Оборудование». Как быть-то?

— Ничего страшного, — ответили немцы-производители. — Такое у нас бывало. Пишите «Оптический анализатор зрительного нерва», «Механический анализатор зрительного нерва», «Электронный.» У нас, в Германии, тоже дураков хватает. Они это проглатывают.

— А-а, — ответили мы. — А как же быть с тем, что все эти «приборы» внутри одного корпуса (маленького, причем) находятся? Так и ответьте, — сказали немцы, — что, они спрятаны внутри одного корпуса. Что они, разбирать, что ли полезут?

— А-а-а, — опять ответили мы.

В итоге мы купили этот анализатор зрительного нерва в виде... семи приборов по 200 тысяч рублей, да еще и... «полприбора» в придачу. И все эти 7,5 приборов инвентаризировали («поставили на складской учет»), написав на боковой стороне прибора безобразной красной краской (как положено!) семь инвентарных номеров. А вот насчет «полприбора» мы заколебались: кто-то говорил, что полномера надо внести, кто-то — полный, а кто-то — вообще не надо. В конце концов, мы поставили на «полприбора» полный инвентарный номер, подчеркнув его красной краской, чтобы запомнить, что подчеркнутое означает «полприбора», а не целый, хотя все эти «псевдоприборы» располагались внутри одного небольшого корпуса. Зато мы «сдали на склад» 7,5 приборов. А сестра-хозяйка Лариса Матвеевна в инвентаризационном журнале шариковой авторучкой для себя отметила в скобках — «полприбора», да и... многоточие поставила, понимая, что... такого не бывает. Но... директор надавил.

Лариса Матвеевна конечно же, на себя большую ответственность берет, но когда ее штрафуют за... «полприбора», то мы расплачиваемся... общаком. Не подставлять же человека... за «бумажную» дурь.

Хочу похвастаться, что этот прибор в виде... 7,5 приборов... до сих пор у нас числится, а КРУ до него еще не добралось. Семь приборов мы, наверное, объясним, показывая на линзу как на «Оптический анализатор зрительного нерва» или на корпус прибора как на «Механический анализатор зрительного нерва», а вот... полприбора?! На Ларису Матвеевну свалим, что она не так заинвентаризировала... наверное.

Вот и ждем мы сейчас КРУ, когда будем объясняться за... полприбора... для людей.

Но самое ужасное в работе КРУ — это зарплата. Какие-то дураки в Москве на этой низкопробной бумаге прописали, что в бюджетных организациях зарплата санитарки должна быть 600 рублей (20 долларов), но можно подработать еще и на полставки, то есть прибавить к зарплате еще 300 рублей (10 долларов). Вот и крутишься ты, директор, стараясь повысить

зарплату санитарок до уровня хотя бы прожиточного минимума, чтобы покушать на зарплату... хотя бы, не то чтобы (о какой шик!) еще и одеться... особенно на зиму. А человек, ведь, хочет выглядеть достойно, пусть не совсем достойно, но... хоть чуть-чуть... хоть чуть-чуть! Вот и повышаешь ты зарплату им, тем, кто сохраняет чистоту нашей жизни... особенно в туалете (да в жиге подвальной!) до достойного уровня, чтобы тебе, в красивой рубашке с галстуком было не стыдно смотреть им в глаза... в чистом туалете.

Но вскоре наступают времена, когда приходит КРУ, и ты, как сволочь последняя, начинаешь краснеть не просто перед работниками КРУ (которые, кстати, тоже иногда краснеют, штрафую тебя за превышение зарплаты санитарок), но и перед своей человеческой гордостью, которая растоптана инструкцией, прописанной какой-то московской куклой на «туалетной бумаге»... вот так вот... с дурасти, оторванной от жизни. А ведь эта «кукла» тоже ходит в туалет, убирать который, извините, не очень-то приятно.

Вот и платим мы во время каждой проверки КРУ штраф за превышение «Фонда зарплаты» (этак по 300–400 тысяч рублей или по 10 и более тысяч долларов), и платим добросовестно, не возмущаясь, как дань... государству, поскольку знаем силу... «туалетной бумаги», на которой... прописано! В жигу подвальную окунуться хочется... А куда деваться?! Сила... «туалетной бумаги»... велика! Хоть лощеной была бы... что ли?!

А вообще, все наши финансовые законы составлены так, чтобы любого директора всегда можно было бы «взять за задницу», чтобы он, зараза, всегда склонял голову перед инструкцией.

Рассуждая на эту тему, можно сказать, что, вообще-то, финансисты и казначеи не очень-то виноваты в том, что творит... «туалетная бумага». Они, может, лучшего хотят! Они, может, Америке подражают, где вся жизнь расписана по пунктам (на лощеной бумаге!) и где каждый юридический контракт проверяют пять юристов, будто бы именно пятый юрист будет самым честным, проверяя четвертого... менее честного!

Русские тоже пишут такие инструкции о жизни, но пишут на... «Туалетной бумаге», будто бы мода у нас такая — чем важнее документ, тем на более поганой бумаге его надо напечатать. Что-то глубинное проявляется у нас — россиян (в том числе и у «московских кукол»), что побуждает... писать эту дрянь именно на «туалетной бумаге». Глубинное осознание дерьма просачивается. Одухотворенным дерьмом творчеством можно было бы это назвать. Почему? Мы, господа, по-моему, никак не можем жить по инструкциям как американцы. Никак. Другие мы. Другие, да и все. Мы не понимаем того, что наше подсознание подсказывает нам — «Чужое это! Не наше! Не надо вкладывать в это душу!». А так хочется, так хочется написать такую инструкцию, такую... которой бы боялся весь страждущий воровства российский мир. Но поскольку подсознание шепчет что-то другое, приходится мириться со средним вариантом — писать «красивые» строгие инструкции, но... на «туалетной бумаге». Ведь мы, россияне, живем чувствами... в основном... От инструкций, конечно же, чувствами не пахнет. Инструкции они — бесчувственны. Вот и подсказывает нам подсознание — «печатай инструкции на туалетной бумаге, печатай именно на ней, чтобы чувствами от них и не пахло».

А приятно, все-таки, что люди подчиняются подсознанию... Так и печатают во всей России инструкции на «туалетной бумаге», как бы намекая, что... так и должно быть. Любви нет в инструкциях потому что! А любовь требуется везде, даже... в инструкциях. Но если кто-то и напишет инструкцию с любовью, то... все равно кто-нибудь напечатает твоё «одухотворенное» творчество — на поганой туалетной бумаге. Не мы управляем миром, нас кто-то ведет и ведет по жизни, полной таких противоречий, в которых даже гений не сможет разобраться, но такова уж наша жизнь, господа!

Америка смогла внедрить в свой народ «инструктивный бум под эгидой пяти юристов».

Внедрила, да и все. Даже любовь ввела под крыло бумажных инструкций, заставляя людей братья за перо и составлять любовный кон тракт, дающий право ухаживать за смачной толстушкой с крупными зубами, не задумываясь о последствиях... вполне естественных сексуальных притязаний. А ведь это так естественно, так естественно, поскольку сам Бог создал телесные органы для телесного выражения того, что клокочет в душе, — через тело оно смачнее как-то получается... осязатее. Американские дамы... с крупными или мелкими зубами... когда-то давным-давно, с дурусти, посчитали, что надо добиться «прав женщины» и добились их... через любовный контракт. А это привело к извращенному пониманию пресловутых «прав человека», которые так широко распространились по миру, все более и более вовлекая в этот эгоистический процесс людей... с любыми типами зубов. Как говорится, платить приходится за «свободу»... инструкциями. Никогда не бывает в жизни идеального, и не может человек придумать «универсальную инструкцию от всех невзгод жизни», поскольку он всего-навсего человек и не ему, человеку, решать — по каким законам жить. Бог внедрил в нас, кроме правил поведения в обществе, еще и страсть, стремления, похоть, любовь и многое-многое другое, что начинает глухо роптать тогда, когда мы уклоняемся от главного божественного принципа — быть самопрогрессирующим началом, тем началом, которому не нужна никакая инструкция. Поэтому так важно любить, ошибаться, стремиться и пылать страстью, чтобы не Попасть под влияние вездесущих инструкций, от которых... смертью пахнет... духовной смертью! А любовь облекать в инструкции — вообще идиотизм.

Мы, россияне, в глубине души, наверное, понимаем это, поэтому... печатаем инструкции... на «туалетной бумаге». Мы как будто бы чувствуем, что инструкции остаются позади (или... сзади?), поэтому подсознательно придаем им пошловатый... «туалетный» вид. Подсознательно мы понимаем — то что сзади, спереди уже не будет; вот и... намекаем.

Гималайские йоги мне говорили, что из России начнется духовное развитие мира в новом тысячелетии. Кто знает — так это или не так?! Но «туалетная бумага инструкций» подсказывает, что что-то вскоре свершится, и вскоре — я уверен в этом — миром будут править Добро и Любовь.

О, как далеко, наверное, до этого! Но это время придет, обязательно придет! И, когда оно придет, будет так хорошо, так хорошо... потому что мы будем опираться не на какие-то инструкции, а на Честь, Совесть и Любовь. А это так здорово, братцы!

Европа, старушка Европа, уже сделала первый задел. Но мы, россияне, свободнее, чем Европа. Мы еще не накушались благосостояния. И это тоже здорово! Мы стремимся к каким-то высотам, сами не понимая того, что наша вершина не есть подобие культурной и прекрасной Европы. Мы не понимаем того, что мы пойдем совсем по другому пути. И когда этот путь как-то, хоть чуть-чуть очертится, мы будем сладостно и немного загадочно улыбаться, в глубине души понимая, что за этой улыбкой стоит что-то большее. А за этой улыбкой, наверное, будет стоять огромная сила, громадная и мощная Сила Духа, которой предначертано сменить все виды привычных физических энергий, из-за которых сейчас бесится весь мир, пересчитывая дьявольские нефтедоллары.

А Европа, старая добрая Европа, ввела «евро» — валюту дружбы, от которой уже веет Любовью. Смогли же немцы, государство которых составляет стержень Европы, несмотря на национальную ущербность из-за поражения во Второй мировой войне, кивнуть головой, приняв в богатый Евросоюз маленькие и слегка пыжающиеся остальные государства Европы, подарив им европейское величие, но... общее, многонациональное величие. Из-за своего ве-дичия сделали это немцы, которым совсем недавно жизнь показала «почем фунт лиха».

И в этой самой Европе все более и более набирает силу неосознанное еще людьми главенствование Добра, Чести и Совести, перед которыми меркнут даже самые всемогущие

инструкции.

Спрашивается, почему в Европе все подчиняются законам, хотя обойти их, как говорится, раз плюнуть! Ну, например, разве трудно разбавить бензин на бензоколонке, дав тонкую пачечку немецкой или итальянской бензозаправщице, да еще и призывно посмотрев на ее отсиженный на замшелом стуле зад? Ну, разве трудно... разве трудно?..

И вот этого «разве трудно?» можно найти ой-ой как много раз, лишь бы сложнее были инструкции, потому что чем сложнее инструкции, тем легче воровать. Но что-то глубинно-затаенное мешает тебе, когда у тебя открывается возможность «сыграть на поганой инструкции». Что же?

А мешает то, что невозможно прописать инструкциями. И это «то» называется Честью.

Честь

Честь — понятие сложное. Гусары и дворяне знали хорошо, что это такое. И ради этой самой чести шли на дуэль. Честь многого стоит, господа!

Честь, на мой взгляд, есть олицетворение одного из важнейших принципов жизни Того Света, когда душевный порыв ставится выше телесной жизни. Возможно, именно в этот момент ты ощущаешь, что телесная жизнь есть всего лишь «так себе», и что жить с душевной болью в душе хуже, чем просто умереть, опять оказавшись там... откуда ты пришел в этот мир испытаний. Человек с потерянной честью обречен на то, что в его душе все время будет свербить, свербить и свербить...

О как, наверное, тяжело, когда свербит! Не зря ведь люди уходят на войну или на верную смерть, чтобы всего лишь, всего лишь не поступиться своей честью. Это чувство, называемое Честью, очень часто оказывается сильнее, чем твое тело, просящее его покормить и сводить в то место, где обычно сбоку висит туалетная бумага.

GI не зря солдаты с легкостью идут на смерть... не ради Сталина или Гитлера, а ради своей Чести. Честь многого стоит, господа!

Что такое Честь? Честь — это, на первый взгляд, какая-то фатально странная смесь любви к самому себе и любви к людям вообще. Но это только на первый взгляд, господа! Здесь вообще нет даже маленькой толики любви к самому себе, то есть эгоизма. Так я думаю. Честь есть выражение, чистое выражение великой Любви к Людям вообще, присущее... вообще-то... каждому человеку.

Ведь если осознать, что Бог вначале создавал вечно го «энергетического человека» Того Света, то можно представить, что он создавал его из каких-то энергий. Я не думаю, что в этом принимали участие такие энергии, как электрическая или еще какая-нибудь, здесь действовала невероятно «умная» энергия. Какая?

Ответ на этот вопрос можно найти в любой религии, — человек создавался за счет Энергии Любви — Главной Божественной Энергии.

Кто такой Бог, мы, конечно же, не знаем и не будем знать, потому что это нам не дано, хотя и очень хочется. Но в нас есть главное, привитое нам, божьим детям, качество — уметь любить.

Мы, конечно же, порой с дурости любим самих себя или любим деньги, но чувствуем, что от этой «любви» что-то свербит так сильно, аж мочи нет, и хочется... с дурости... еще больше полюбить себя (дурака!) или накопить еще больше денег для... для будущих жизней, чтобы... жратвы всегда было вдоволь (хотя на Том Свете жратвы-то и нет, — без жратвы там люди живут!).

Но Богом-Создателем нам привита и другая любовь, которая называется «Любовь к Людям вообще», когда надо просто любить людей, да и все, вот так вот просто — любить да и все: любить алкоголика с фиолетовым носом, любить старушку с авоськой сиреневого цвета, любить красавчика с фигурной бородкой, любить женщину с вечным страхом своего возраста и многих-

многих других.

А разве можно их всех искренне любить? Да, можно, да еще и как искренне, очень даже искренне можно любить... их. Но любить чуть-чуть другой любовью — Всеобщей Любовью, той Любовью, которая создала человечество вообще и человека как такового в частности.

Видимо, когда-то давным-давно, Бог за счет своей Энергии Любви создал человека Того Света — главного Человека, способного кочевать по мирам, но во время материальной жизни порой забывающего о своем божественном происхождении и упивающегося в этот период... деньгами, жратвой и водкой. Но Бог не забывает периодически возвращать этого человека обратно на Тот свет, чтобы он вновь мог окунуться в прошлые свои жизни и взглянуть на череду своих будущих жизней, да и... горнило наказания пройти за уклонение от духовных принципов.

А главным духовным принципом является все же то, чтобы человек никогда не забывал о том, что его создала энергия Всеобщей Любви Бога — самая созидательная энергия Творца — странная энергия, которая тихо клопочет в душе, в то время, как жизнь течет... вперемежку с пачками денег, жратвой на столе, рюмками водки и сладостными речами друзей.

Напоминанием о нашем божественном происхождении и является Честь, поскольку именно Честь есть проявление главной созидательной энергии — Любви к Людям вообще. Бог вселил в нас эту Энергию одновременно с Созиданием Человека. И, хотим мы того-или не хотим, эта Энергия иногда вспыхивает в нас, ведя нас порой по совершенно необдуманному пути, когда смерть кажется уже и не страшной. Но такова сила этой Энергии — мощнейшая сила, в которой слышны отголоски Созидания Человека.

Стержень энергии Всеобщей Любви проявляется тогда, когда в горящих глазах прорисовывается слово «Честь». И поэтому так важно не запятнать ее; ведь мы все равно окажемся на Том Свете, и там, на Том Свете, главным принципом оценки нас выступят Честь и связанная с ней Совесть. И поэтому, если Вы встретите на улице старушку с сиреневой авоськой, — посмотрите на нее с любовью, пожалуйста; если Вы способны на это, то в Вас не угасла Всеобщая Любовь, которая выражается простым словом — Честь.

Сантехнический этюд № 9

— Шеф! — раздался голос завхоза. — Докладываю, что вторую дыру в трубах нашли. Из тебя бы, шеф, еще раз повторяю, хороший сантехник получился бы. Ты как чуял, что вторая дыра должна быть.

— Молодцы! Веревку-то ко второй дыре привязали, чтобы не потерять?

— Конечно, шеф. Я отмотал еще один длинный кусок веревки от того мотка, который дала снабженница Дамира Касимовна, дал задание Олегу сунуть обе руки в жижу и привязать один конец ко второй дыре, а другой конец собственноручно привязал к левой ноге Олега.

— А почему именно к левой?

— А к правой-то ноге, веревка от первой дыры привязана. Чтобы не перепутать.

— А-а...

— Одно только плохо, шеф, что после того, как веревки привязали к обоим ногам Олега, движения у него ограничились.

— Как так?

— Да дело в том, что одна веревка тянется от одного конца подвала, а вторая — от другого. Олег с двух сторон оказался подвязанным. Пойдет направо — веревка слева тянет, пойдет налево — справа тянет. Противно, говорит, в таком состоянии находиться. Скучно.

— А что, не догадались веревки подлиннее привязать? — слегка возмущился я.

— Правая нога... ой, веревка... длиннее намного, а вот левая... тут мы маху дали, — сконфузился завхоз.

— А почему не добавить кусок веревки-то к левой ноге?

— Олег говорит, что не надо этого делать, — узлы, говорит, могут развязаться. Жижа, говорит, свойствами солидола обладает, скользкость веревке придает. А-а...

— Ты не беспокойся, шеф! Олег приличный люфт для движений имеет, не как вкопанный стоит. Курит в подвязанном состоянии. Даже рюмочку опрокинул... мозолистой... и... не первой свежести... рукой.

— М-да. А жижу-то еще хоть немного удалось откачать помпой?

— Удалось, шеф, удалось. Бутылочка подействовала. Взялись за дело помписты.

— Кто?

— Ну те, кто на помпе работают. Малые обороты включили. Жижа пошла. Правда, тяжело шла, с хлюпаньем. Даже белую мышь выплюнуло, сам видел.

— Сколько жижи в подвале осталось?

— Да сантиметров десять-двадцать, шеф. Но густая. Совковыми лопатами ее надо убирать сейчас.

— А с Любкиным поясом что стало? — поинтересовался я.

— Я, короче говоря, собственноручно отвязал Любкин пояс от первой дыры... Олегу люфт не позволял. А потом забрал у Олега пряжку от него, пояса-то, сходил наверх, помыл пояс и пряжку под краном с мылом и повесил сушить там же в туалете, — отчитался завхоз.

— Не украдут?

— Да кому он нужен, из дерьма вынутый!

— М-да.

— Шеф! Прямо скажу, что к квартальному сантехнику должен Олег идти. У него авторитет... подвальный. Ему, тем более с бутылкой, точно совковые лопаты дадут. А он, Олег-то, подвязанным стоит. Чо делать?

— Сам подвжись на то время, пока Олег ходит. Хоть прогуляется, парень-то.

— Как скажешь, шеф.

— Вот так.

— Да вот еще, шеф, проблема одна. Ведь надо, кроме совковых лопат, еще и носилки для выноса гущи попросить у квартального сантехника. Из алюминия они сделаны, сразу ведер десять гущи вмещают.

— Знаю... А в чем проблема?

— Надо бы, шеф, еще одну бутылочку водки, — носилки же к совковым лопатам приплюсовываются.

Я встал и пошел к своему другу, заместителю директора по науке, профессору Рафику Талгатовичу Нигматуллину, великолепному ученому-теоретику, обладающему феноменальной памятью и эрудицией, тому самому, который прославился в Америке историей о 48 презервативах.

Я знал, что он так же, как и я, работает допоздна. Кроме того, я знал, что у него всегда в заначке есть бутылка.

— Вот еще одна бутылка, — сказал я, вернувшись от Рафика Талгатовича.

— Спасибо, шеф! Сейчас начнем гущу выносить. Можно я еще людей для этого дела привлеку? Скажу, что твой приказ?

— Привлекай.

Завхоз ушел. Я снова взял в руки свою желтую неказистую авторучку.

И тут с какой-то обидой в душе всплыл вчерашний эпизод, связанный с одним банкиром.

История о тяжелом материальном положении газовиков и банкиров

Дело было, короче говоря, так.

Привели ко мне по благу одного банкира из Москвы, чтобы я ему глаза качественно посмотрел и при необходимости прооперировал его наиболее больной глаз.

Я, конечно же (из-за блага!) согласился, хотя банкиров недолюбиваю по причине того, что они пару раз ткнув пальцами в клавиши компьютера, отстегивают от каждой финансовой сделки такой процент, от которого волосы встают дыбом. Куда уж тут за ипотечное кредитование твоей квартиры расплатиться, когда ты за этот тычок в клавишу банковского компьютера должен заплатить одну треть стоимости всей квартиры! Если бы простой работяга, возящийся в подвальной жиже, и ничего не понимающий в банковских процентных ставках по причине своей неразвитости, узнал бы реальную цену «тычка» в рублях, то от его возмущения вся жижа в подвале засохла бы.

А тут еще этот банкир из Москвы говорит, что его банк обслуживает газовиков, то есть имеет прямое отношение к газовикам, да и название этого банка начинается со слова «газ».

Газовиков я, конечно же, уважаю, поскольку они работают в условиях Севера и обеспечивают нас голубым топливом. Но уважаю... как-то не очень. А это «не очень» связано с тем, что они, газовики, по причине своей дури считают, что газ создал не Бог, а они — газовики. Их бы, газовиков, лучше было бы назвать «откачивателями газа», чем газовиками; тогда бы они, возможно, перестали считать себя богоподобными гениями, которым положены особые льготы в виде, например, «газовой пенсии» в размере 75 тысяч рублей (3 тысячи долларов) в месяц или зарплаты в размере 1 миллиона рублей (30 тысяч долларов) в месяц, не говоря уж о побочных доходах, которые многократно превышают их зарплату. Им, газовикам (Петрову, Сидорову или Голубеву), с дурости кажется, что если бы не было их (Петрова, Сидорова или Голубева), то газ так и лежал бы в недрах Сибири и никто и никогда бы не смог его добыть, а скорее всего им (Петрову, Сидорову или Голубеву) кажется, что газ в недрах Сибири создали они (Петров, Сидоров или Голубев), материализовав его там силой своего гения.

Но газовики забывают, что они тоже, переварив красную рыбу или черную икру, ходят в туалет... иногда и в подвале... и что иногда в зданиях случаются потопы, и что какой-нибудь Олег вынужден, будучи привязанным к двум дырам в трубах, и имеющий лишь небольшой люфт среди дерьма, тоже должен кушать, чуть-чуть отмыв от дерьма свои заскорузлые руки, чтобы взять ими бутерброд с маргарином «Rama», завернутый в газетную бумагу.

Когда к слову «банкир» присоединилось еще и слово «газ», я невольно набычился, приняв, видимо, агрессивную позу за своим столом. Газовый банкир это, по-моему, заметил и, чтобы снять непонятную напряженность, широко улыбнулся, показав в глубине ротового отверстия золотой зуб.

— Давайте, я посмотрю ваши глаза! — выдавил я из себя. Когда я посмотрел его глаза и назначил сложную операцию, он спросил меня, опять-таки показав в улыбке золотой зуб:

— А сколько это будет стоить?

— Вы, газовики и банкиры — богатые люди! Купите лучше для нашего Центра аппарат стоимостью этак... 25–30 тысяч долларов... ну... стоимостью, как зарплата вашего среднего руководящего персонала. Окажите, иначе говоря, спонсорскую помощь Центру, больным людям это необходимо... ведь не все могут платить за лечение... ведь половину операций мы делаем

бесплатно или почти бесплатно! Ну что я сделаю с бабушкой, приехавшей на последние гроши в Уфу из Владивостока?! Аппаратура ведь нужна... Для людей! — подавляя внутреннее негодование, проговорил я.

— Я бы предпочел оплатить стоимость операции, — снова показал золотой зуб газовый банкир, — любая работа есть бизнес.

Я на мгновение закрыл глаза и представил, что ту операцию, которую я планировал сделать ему, газовому банкиру, я... не придумал... а ее дал мне Бог, чтобы я, как Раб Божий, внедрил ее в практику, чтобы люди — божьи создания — не были слепыми, — все люди — и банкиры (даже газовые) и та же старушка из Владивостока, которая на последние деньги приехала в Уфу за прозрением семь суток маясь в поезде и сослепу нащупывая обгаженную крышку унитаза в вагонном туалете. Какой уж тут бизнес?!

— Цены на операции у нас небольшие... адаптированные под россиян... всех... в том числе и старушек, — сквозь зубы произнес я.

Газовый банкир промолчал. А когда я поднял на него глаза он снова улыбнулся, показав этот самый золотой зуб. Ком негодования подкатил к горлу. Я позвал одну из моих секретарей — Альфию.

Она вошла в кабинет на своих невероятно красивых ногах. Она, Альфия, у которой хватает силы воли вечно держать диету и, которая сумела заразить «диетоманией» весь наш Центр, посмотрела на меня своими небесно-голубыми глазами и сразу поняла, что что-то здесь не то.

— Найди ему место в хорошей палате. Я буду его оперировать, — сказал я Альфии по-английски (Альфия в совершенстве знает английский язык). — Бесплатно!

— Как скажете, Эрнст Рифгатович, — ответила по-английски Альфия, удивленно округлив свои небесно-голубые глаза.

Газовый банкир снова «золотоносно» улыбнулся, видимо, ничего не поняв.

— А для начала, Альфия, принеси-ка мне бланк истории болезни.

— Хорошо, Эрнст Рифгатович, — проговорила Альфия и ушла.

Газовый банкир, поняв, что что-то здесь не то, посмотрел на меня и сказал:

— Вы извините, профессор, что я не могу Вам оказать спонсорскую помощь. У нас трудное материальное положение...

— У вас, газовиков и банкиров?

— Да, — ответил он, гордо подняв голову.

В этот момент вошла Альфия с чистым бланком истории болезни.

— Заполняй титульный лист, — сказал я ей.

Альфия заполнила его, выспросив у газового банкира фамилию, имя, отчество и... место работы.

Я взял историю болезни в руки, посмотрел на газового банкира и тихо, почти шепотом сказал:

— У нас, у бедных, тоже есть своя гордость!

А потом я жирно вывел на оборотной стороне титульного листа истории болезни следующие слова:

«Бесплатно! Ввиду тяжелого материального положения газовиков и банкиров».

Я, конечно же, прооперировал этого газового банкира. Бесплатно!!! Да еще, как назло, операция получилась хорошо. А он, газовый банкир, все старался и старался мне что-то подарить, но так и не смог прорваться через барьер из четырех секретарш. Говорят, правда, что через моего водителя Володю он смог передать мне что-то (нож, что ли?), но я даже не стал смотреть и тут же передал его водителям... В голове всплыл образ бабушки из Владивостока, которая добралась на последние деньги до Уфы.

А вслед за этим в голове всплыл еще один случай, который связан со... спинкой гуся.

Спинка гуся

Гусь, как всякая птица, имеет, естественно, ноги, крылья, грудь (!!!) и спинку. Гусей, как известно, едят, предпочитая при этом грудь и ноги. Спинка гуся, конечно же, является наименее съедобной частью, поскольку состоит, в основном, из костей, а люди, к сожалению, не могут хрумкать кости как собаки. Гложут они кости своими протезными зубами, причмокивая, а больше ничего сделать не могут, и с сожалением смотрят на то, когда обсосанная кость некрасиво лежит в мусорном ведре.

Мой друг, Венер Габдрахимович Гафаров, о котором я часто пишу в своих книгах, очень любит гусиное мясо. Он ест гусей и все время жалеет, что гусь, как птица, состоит не из одной груди, а имеет еще и спинку с шеей. Его прямо-таки нервируют эти части тела гуся. Он даже, может, считает, что спинку и шею гуся надо выбрасывать в мусорное ведро в сыром виде, а не в вареном. Чо толку варить-то?!

Венер Габдрахимович Гафаров обладает одной уникальной способностью — он лидер в дружбе. Любой, кто с ним встретится, тот сразу хочет с ним дружить. Сильно хочет. Венер тоже, может быть, хочет, но не может этого сделать на полную катушку по причине своей профессиональной занятости (он главный врач лучшей стоматологической поликлиники города Уфы), а также по причине избытка друзей. Тем не менее, мало кто его считает знакомым, большинство его считают другом, — такая уж у него душевная особенность. Я тоже его считаю своим другом и надеюсь, что он относится ко мне так же.

Венер Габдрахимович Гафаров дружит с одним человеком по имени Рифгат Ахметович Файзуллин. Рифгат Ахметович возглавляет совхоз «Родина», который специализируется на выращивании гусей. Много тысяч гусей гогочет на его фермах. Много деревень, беспутно прозябавших доселе, работают на поприще гогочущей братии. А еще Рифгат Ахметович очень любит дарить гусей: хочешь — живого, хочешь — обципанного, хочешь — жареного, а если уж очень сильно захочешь, то он может подарить отдельно самые вкусные части гуся (грудь и ноги), когда даже намека нет на то, что гусь имеет еще и спинку с шеей.

Но суть разговора не в этом. Однажды мы с Венером Гафаровым поздно осенью поехали на рыбалку. Шел мокрый снег. А ночевать предстояло в палатке.

Когда мы по пути заехали на базарчик, нам случайно встретился один из знакомых Венера, который, конечно же, считал Венера своим другом. Узнав, что мы собираемся ночевать в такую погоду в палатку он предложил нам на следующий день после ночевки отогреться в бане у него на даче. Он также рассказал нам, что в последнее время, работая газовиком, смог построить коттедж, похожий на дворец, и что ему будет приятно, если мы с Венером, пусть даже грязные после рыбалки, почтим его дачу своим посещением. А также он, зная, что Венер любит гусиное мясо, сказал, что приготовит гуся с картошкой.

Мы согласились. А что нет-то? Приятно же после рыбалки грязь болотную в бане отмыть, чтобы наши жены по приезду домой хоть раз увидели нас чистыми и розовощекими. Да и гуся поесть неплохо.

Рыбалка получилась тяжелой. К мокрому снегу добавился еще и ураганный ветер. Палатку нашу ночью свалило, и мы с Венером в крошечной тьме отыскивали в снегу вылетевшие кольшки. Промокли, в общем, почти до нитки и замерзли как собаки. А утром мы к тому же

обнаружили, что нашу резиновую лодку унесло ветром, и ее, лодку, мы, чертыхаясь, вытаскивали из камышей, набрав в болотные сапоги воды. Да к тому же рыбы не поймали. Совсем. Ни одной.

Когда мы подъехали на «уазике» к пригласившему нас знакомому Венеру, то несмотря на то что у нас зуб на зуб не попадал, мы отметили, что его дача и вправду похожа на дворец из красного кирпича.

— О-о! — сказали мы почти хором.

— Вот так вот! — сказал встретивший нас хозяин дачи.

В прекрасной деревянной бане мы с Венером стали снимать мокрые и грязные болотные сапоги. Сняв после этого не менее мокрые и грязные шерстяные носки, мы сделали попытку выжать их в щель между досок деревянного пола бани.

— Нет! Нет! — вскричал хозяин дачи. — Носки надо выжимать на улице.

Мы с Венером Габдрахимовичем Гафаровым вышли на улицу босиком на снег и выжали эти проклятые носки. Зато, когда хозяин дачи ушел поддавать пару в парную, мы втихаря выжали мокрые штаны в щель между половицами и растерли мокрые пятна по полу ногами.

Попарились мы с Венером хорошо. Даже хозяина выжили из парной... температурой. Не выдержал.

Носки к тому времени немного подсохли, но чище от этого не стали. Мы брезгливо натянули носки на свои чистые распаренные ноги (а что делать-то?), засунули их в свои волглые сменные остроконечные татарские галоши, и пошли в дом кушать гуся. А есть хотелось — ой-ой как! Просто жрать хотелось!

Мы, сняв галоши, и оставляя на прекрасном паркетном полу зала мокрые пятна от волглых грязных носков, сели за стол, видимо тоже оставляя на стульях мокрые пятна от тайно выжатых в щель штанов.

На столе стояло блюдо с картошкой, в котором были видны коричневые пятна — гусиное мясо. Я, поскольку не люблю картошку, сразу, после рюмки, взялся за кусок гусиного мяса, но обнаружил, что это был кусок кости с кожей. Следующий кусок оказался таким же. Третий — таким же.

Венер Гафаров тоже, хотя и любит картошку, выбирал гусиное мясо. Придирчиво выбирал.

А когда хозяин дачи пошел на кухню, Венер нагнул к моему уху и прошептал:

— Он сварил спинку гуся... с шейей. Хотя, вообще-то, он... м-м-м... малый олигарх. Мог бы... и грудь...

Честно говоря, с голодухи, да и на халяву, спинка гуся шла хорошо. Я прямо-таки обсасывал каждую косточку от порубленных спинки и шеи. Но как-то грустно было.

Вскоре хозяин ушел прибираться за нами в бане. Приятно было, что олигарх, хоть и малый, за нами прибирается. А в это время Венер заглянул в его холодильник, но поделиться наблюдениями не успел. Хозяин вернулся.

Мы распрощались. Надели сырые остроконечные галоши и сели в «уазик». Хозяин благодарил нас за то, что мы почтили своим приходом его дом, и говорил о том, что в жизни у него есть все, да вот... только друзей не хватает. Напоследок он взял с нас обещание, что мы будем чаще бывать у него дома.

Когда мы отъехали, Венер наклонился к моему уху и тихо сказал:

— В холодильнике я видел аккуратно вырезанные грудь и ноги гуся.

— Шеф! Хочешь, я тебе расскажу хохму! Ну, просто умереть можно! — послышался голос завхоза.

— Давай! — встрепенулся я.

— Олег-то, сантехник, привязанный за две ноги к двум дырам, в туалет захотел.

— Ну... это естественно.

— Вся хохма, шеф, состоит в том, что он, Олег-то, отказался ходить в туалет в привязанном виде. Отказался напрочь. Отвязывайте меня, говорит, чтобы я в туалет по-человечески сходил на унитаз, с туалетной бумагой, а не в подвале как...

— А что, у него там туалетной бумаги нет, что ли? — поинтересовался я.

— Ну... туалетной бумаги нет, зато газета есть... какая разница? Ведь среди дерьма стоит... подвязанный! Ну и гадь в дерьмо... не на много прибавится! Грамм этак на сто! Ну... газета там будет валяться... так она же не лощеная бумага... размокнет... Да и люфта у Олега достаточно, чтобы свободу процесса в этом деле иметь, — оценил ситуацию завхоз.

— И что же?

— Категорически затребовал Олег, чтобы ему, Олегу, развязали ноги и позволили по-человечески в туалет сходить... на унитаз. Не хочу, говорит, в подвале, как сволочь, ходить в... Да! Хочу я тебе доложить, шеф, что в каждом туалете сейчас у нас не газета, а туалетная бумага есть. Все как ты велел, шеф, — как сопрут ее, туалетную бумагу-то, то сразу надо восполнять. Вот и восполняем, шеф, постоянно восполняем. Снабженница, Дамира Касимовна, ее, туалетную бумагу-то, с запасом на воровство покупает; четко рассчитала, сколько крадут — всегда тютелька в тютельку хватает. Да и наблюдение такое я сделал, шеф, как завхоз, что как мы воровскую туалетную бумагу стали класть в туалеты, то и воровать перестали.

— Какую такую воровскую туалетную бумагу?

— Ну... запас, воровской.

— Какой такой — воровской?

— Объясняю, шеф! Туалетную бумагу, как ты знаешь, воруют.

— Да, воруют.

— А что сделать, чтобы не воровали?

— Что?

— Класть ее с запасом на воровство. А не охранять.

— Туалетную бумагу, что ли, охранять? — я недоумевающе поднял брови.

— Скажу тебе честно, шеф, что я первое время санитарок на охрану туалетной бумаги ставил. Говорил им, что шеф, то есть ты, требуешь, чтобы туалетная бумага во всех туалетах была, чтобы ты в любой туалет мог зайти и с удовольствием... того. Они, санитарки-то, боялись очень, что ты, шеф, придешь в их туалет... того, и не обнаружишь там туалетной бумаги. Я даже, шеф, говорил, что ты рейд по всем туалетам хочешь совершить и определить, в каком туалете приятнее... того самого... делать, — отчитался завхоз.

— Так где же я для этого... рейда... столько того самого наберу?

— Шеф! Среди санитарок умного народа мало. Верят они в тебя. Они знают, что ты все можешь.

— М-да.

— Удивляюсь тебе, шеф! Откуда ты туалетную психологию знаешь? Как щас помню, что ты мне велел запас туалетной бумаги на воровство завести и освободить санитарок от охраны туалетной бумаги. Вот я и завел его, шеф, воровской запас-то. Вначале думал, что чем больше кладешь ее, туалетную бумагу-то, тем больше воровать будут. А оказалось, шеф... сам не поверишь!

— Что?

— Оказалось, шеф, что чем больше кладешь, тем меньше воруют. Полгода за этим наблюдал, даже диссертацию на эту тему по криминалистике хотел написать... Получается так, шеф, что чем больше для воровства кладешь, тем меньше воруют. У них, воров туалетных-то, получается, азарт есть — самое дефицитное спереть... А когда дефицита нет то и красть-то лень. Отсюда, шеф, я вывод сделал, что воровство не есть средство материального обеспечения самого себя, а есть азартная игра. Чо, туалетная бумага дорого стоит что ли? Недорого — копейки стоит! А чо воруют-то? Ради азарта. Из этого я, шеф, еще один вывод сделал, что в России надо сеть игорных учреждений увеличивать, — чем больше людей играет в азартные игры, да хотя бы в дурака, тем они меньше воруют. Надо прямо-таки заставлять людей играть в азартные игры, чтобы они свой пыл в казино сбросили, отдав деньги в бюджет... за азарт. Чтобы они, люди-то, не в воровстве азарт ловили. А то воруют — будто в азартные игры играют: один накопил миллиард долларов, другому его хочется обогнать — два накопить, третий — уже три миллиарда копит, четвертый — четыре и так далее. А я бы, шеф, предложил бы людям на рулоны туалетной бумаги играть в казино вместо денег; ну и хохотал бы народ, когда один бизнесмен у другого выиграл бы миллиард рулонов туалетной бумаги, укр...ся можно. Все дерьмо бы из него, бизнесмена, вышло бы, когда он представил бы, что у него подтирочного материала на миллион жизней вперед, — вывел мораль завхоз.

— М-да.

— А главный вывод, шеф, который я сделал, это то, что воровству надо потакать, а не бороться с ним, воровством-то. Чем больше борешься, тем больше азарта у воров возникает, чтобы себя воровским героем почувствовать. А когда делаешь так, что как бы «Воруй на здоровье!», то азарт у воров проходит и интерес к воровству пропадает. Не интересно становится воровать-то... туалетную бумагу, например. Купить даже интереснее ее, туалетную бумагу-то; по крайней мере, помягче и потоньше можно выбрать.

Ведь приятно ее, паутинную туалетную бумагу в сто слоев сложить, чтобы об дерьмо во время подтирания не запачкаться. Кстати, я шеф...

— Что?

— Я, кстати, толстую туалетную бумагу в наши туалеты покупаю. Слепым людям-то, шеф, в сто слоев туалетную бумагу сложить трудно, будто бы от дерьма стослойная защита нужна; при хорошем подходе и одним слоем защититься можно... от дерьма-то.

— Ну что, не воруют сейчас туалетную бумагу, когда ее стало вдоволь?

— Не воруют, шеф! Не воруют! Ведь когда, шеф, человек сворует, его все равно совесть гложет, хоть и падла он последняя, вор-то. Совесть-то, она ведь каждому человеку Богом дана, и даже самый подлый вор совестью наделен. Знаешь, шеф, какое самое лучшее средство борьбы с воровством?

— Какое?

— Совестью их лечить, сволочей этих вороватых. Дал им раз украсть — совесть взыграла, дал второй — еще взыграла, дал третий — еще... Это я на примере туалетной бумаги знаю.

— А-а.

— Чо, шеф, акаешь-то?! Чем больше совести в обществе, тем меньше воровства. Совесть, она, лучше мента работает. У мента, у самого — совести нет, на взятки он, мент-то, горазд; какие же угрызения совести он может у вора-то вызвать, ведь его бессовестные глаза только о взятке говорят.

— Да уж, — хмыкнул я.

— Поэтому, шеф, все перевоспитание человеческого общества надо с туалетной бумаги начинать. Пусть воруют на здоровье! Зато на примере туалетной бумаги совесть взыграет и не допустит до воровства чего-нибудь более серьезного — мыльницы, например, или устройства

для подвески туалетной бумаги. Посмотри, шеф, туалеты-то наши в целостности-сохранности находятся; как кто зайдет в туалет и увидит целый рулон (толстой!) туалетной бумаги, то сразу совесть взывает. А если совести не было бы, шеф, то целый унитаз уперли бы с бачком вместе, — поделился своими мыслями завхоз.

— Да уж.

— А вообще-то ты, шеф, — гениальный мужик! В туалетах сечешь — что надо! Не зря ты заставил покупать туалетную бумагу с учетом воровства! Молодец!

— Спасибо! Так... Олег-то, сантехник, подвязанный за обе ноги, сходил по-человечески в туалет или нет?

— Я, шеф, тоже не дурак. Я сразу два дела организовал: первое — велел Олега отвязать и разрешить ему по-человечески в туалет сходить, второе — распорядился сразу после посещения им туалета, нормального, а не подвального(!), сходить к квартальному сантехнику с бутылкой(!) за совковыми лопатами и носилками для дерьма (гущи!!!), чтобы немедленно приступить к процессу выгребания дерьма из подвала.

— Так сходил Олег-то?

— Сходил, шеф, и все принес. Тяжело было, говорит, но дотащил. Квартальный помог ему донести... когда рюмочку опрокинул... из новой бутылки, не начатой.

— А-а.

— Сейчас ребята дерьмо (гущу!) грузят на носилки и выносят...

— Куда?

— Шеф! Ты плохо меня знаешь! Не в овраг же гущу-то носить! Ведь когда с носилками, нагруженными гущей, спускаешься по крутому склону оврага, то гуща на впереди идущего плещется. А я, шеф, за людей болею, не хочу, чтобы их зад был в дерьме вымазан. Поэтому я принял решение — «поганую машину» вызвать.

— Какую такую «поганую машину»?

— Ну... ту, которая дерьмо возит. В нее и грузим. Заполняется потихоньку. Ох, и дерьма у нас в подвале набралось! Но, шеф, одно дело есть.

— Какое?

— Я, конечно, счет за «поганую машину» взял. Завтра главбуху отдам, но они, шеф, бутылку требуют.

Я встал и опять пошел к моему заместителю по науке, профессору Рафику Талгатовичу Нигматуллину и принес вскоре бутылку поганого коньяка «Метакса».

— Пойдет... для «поганой машины»! — сказал завхоз.

— А кто подвязанным... к дырам... стоял, когда Олег к квартальному ходил? — задал я вопрос.

— Я, — ответил завхоз. — Скажу тебе, шеф, что так тяжело, оказывается, привязанным в дерьме стоять. Завхоз ушел. Я опять взял в руки свою желтую неказистую авторучку, чтобы писать эту книгу. Я пристально посмотрел на авторучку, и она показалась мне желтой-желтой, чистой-чистой и как будто бы требовала, чтобы ею, авторучкой, записывали только чистые мысли. Но «сантехнические перебивки» не давали мне войти в поле чистых мыслей и все опускали и опускали меня в человеческое дерьмо. Я понимал, что дерьмо вечно нас преследует по жизни и никуда нам не деться от этого дерьма, — мы даже сами вырабатываем дерьмо... каждый день. Но так не хотелось писать про дерьмо.

И тут я вспомнил, что в третьей гималайской экспедиции я спросил одного из гималайских йогов о предназначении ядовитых змей.

— Э-э, сэр! — сказал йог. — Бог не зря создал ядовитых змей. Эти бедные ползающие твари спасают людей от человеческого яда. Они, змеи, накапливают в себе душевный яд людей.

— Но они же кусаются! — возмутился я.

— Физический яд лучше душевного. Он меньше вреда приносит. — помню, ответил йог.

— Я понимал, что в нашем трехмерном мире испытаний Бог не оберегает (или почти не оберегает) нас от человеческого дерьма и яда. Он, Бог, посылает нас в этот мир, пропитанный дерьмом и ядом, чтобы мы не забывали, что дерьмо и яд существуют, вообще-то, на свете и что нам, детям божьим, надо бы его иногда и понюхать. Котенка, которого носом в дерьмо тычут, мы напоминаем... чтобы понюхали дерьма и не гадили впредь. А как без этого? Разве котенка научишь ходить туда, куда положено, пока не ткнешь его носом в то, что он нагадил в неположенном месте. Запах дерьма надолго остается в памяти... может на много жизней... чтобы в будущем чистоту ценить... ведь дерьмо (душевное!) сильно воняет... и долго.

И в этот момент я осознал, что Бог, организуя наше непростое и неоднозначное общество Мира Испытаний, предусмотрел не только то, чтобы мы здесь «вдоволь нахлебались дерьма» и нам «неповадно было выпускать свое дерьмо» в следующих жизнях, идя по пути прогресса под знаменем Чистой Души, а он, Бог, предусмотрел еще и наказания за прегрешения в ходе одной нашей (трехмерной!) жизни, чтобы уже при жизни раздавался сигнал о том, что ты, дурак, делаешь что-то не то. И одним из таких наказаний является импотенция у жадных.

Импотенция нежадных

В своей жизни я встречал немало импотентов и мало жадных. Но всегда было так: если жадный — то обязательно импотент, а если импотент — то обязательно жадный. Ну прямо-таки корреляция! Сколько импотентов помню по жизни — все жадные, сколько жадных помню — все с глазами импотента.

Скажу я Вам прямо, дорогой читатель, что глаза импотента — это особые глаза; в них образ полового члена вырисовывается и даже, вроде... неугасающе светится там, что ему, дураку (импотенту) кажется, что будто бы изображение этого постыдного органа становится видимым для всех в глубине его зрачков. Может быть конечно, это кажущееся явление, а может быть... и нет. Мы, ведь склонны рисовать в мыслях образы идеальных женщин (или идеальных мужчин), так почему же не нарисовать образ идеального... Мысль ведь она материальна.

Никто не знает, что такое зрачок. Малообразованные люди считают, что зрачок есть центр глаза, в связи с чем выговаривают это легкое русское слово с особым придыханием, порой глупо утверждая, что соринка попала прямо в зрачок. Более умные люди понимают, что зрачок есть дыра (саморасширяющаяся и самосужающаяся), которая ведет внутрь глаза. А еще более умные люди, естественно понимая, что зрачок есть отверстие в радужке («дыра»), удивляются тому, что все при разговоре смотрят друг другу именно в эту самую «дыру» (или «дыры»), будто бы что-то разглядывая там... в дыре.

Таинство глаза — это великое таинство. Я это хорошо знаю, как глазной врач. О, как трудно разрезать глаз, господи! О, как трудно копать в нем, особенно в зрительном нерве! Но есть одно место в глазу — особое место. Это место есть зрачок или... «дыра». Операции в области этой... «дыры» (зрачка) наиболее опасны тем, что только чуть-чуть больше нужного травмируешь глаз, то он сразу вдруг начинает «схлопываться», то есть сморщиваться, чтобы превратиться в сморщенную слепую козявку. И ничто уже не может остановить этот процесс сморщивания глаза, — такое ощущение, что из глаза уходит какая-то энергия, в связи с чем глаз просто перестает жить (или бороться за жизнь), тихо-мирно уходя в никуда... в глубину орбиты в виде маленького шарика. Энергия (или жизненная сила) покидает глаз.

Я помню, как оперировал травмированный глаз маленькой американской девочки из штата

Массачусетс. Ее глаз после микроскопической травмы, проникающей в область зрачка, начал быстро-быстро сморщиваться. Американские врачи тут же предложили удалить этот сморщивающийся глаз. Но родители этой девочки, зная, что лучшая офтальмология — это русская офтальмология, приехали к нам за спасением глаза. Я практически «перелопатил» весь глаз девочки, в шести местах вживив наши «Аллопланты» с целью предупреждения дальнейшего сморщивания глаза; огромную хирургическую травму нанес глазу, — и ничего, все хорошо, глаз перестал сморщиваться и даже расправился до нормального размера. Через два года я решил рассечь тоненькую пленочку в области зрачка, чтобы этот глаз получил какое-то зрение. Я боялся делать это, но сделал, всего лишь введя через прокол в глазу специальный инструмент и выполнив всего-то одно движение по рассечению этой пленки, чтобы в ней появилось отверстие, пропускающее свет. А на второй'день... на второй день глаз стал мягким и быстро пошел на сморщивание. Я понял, что глаз не перенес этой микроскопической травмы... в области зрачка, сравнимой с уколом тонкой иголочкой. Я сразу сделал огромную по травматичности операцию (но не в области зрачка!), и нам удалось спасти любую операцию есть травма. глаз от повторного сморщивания. Больше лезть в область зрачка я не решился и сказал родителям этой девочки, что пусть она живет с низким зрением этого глаза; нехай... плохой глаз, да свой. А мысли об особой роли зрачка так и остались в душе.

Мне кажется, что зрачок («дыра») есть энергетическое ядро глаза, в котором заключена какая-то неведомая энергия, по силе и значимости которой в глазу (да и в организме) нет равных. Поэтому для глаза далеко небезразлично, когда человек своими материальными руками вмешивается в это энергетическое ядро, которое смотрится всего-навсего как... «дыра». О, как многого мы не видим в этом мире! О, как мы заблуждаемся, когда думаем, что реальным является только то, что мы видим! О, как многого мы не знаем, господа!

Мы не знаем того, что в каждом из нас сидит Ангел, и что на Матрице Жизни на Земле был создан, прежде всего, Человек-Ангел, который уже позже, по прошествии миллионов лет, «оброс»... водой... и телом. Мы не знаем также того, что этот Ангел в нас с Вами живет и играет главенствующую роль в нашем здоровье. О, как значимы Ангелы — лидирующая форма жизни на Земле! Но об этом, дорогой читатель, мы поговорим чуть позже в этой и следующей книгах. И это будет интересно, господа! Уверяю Вас! А теперь, давайте, возвратимся к импотентам, тем что они, импотенты, напрямую связаны с ангельским компонентом в нашей душе.

Итак, мы остановились на том, что импотента можно разглядеть по глазам. В зрачке, вроде как, вырисовывается импотенция у него, импотента-то. Мы, дорогой читатель, и в самом деле не можем отрицать того, что через глаза собеседника чувствуем что-то, в том числе и его импотенцию. Но мы, конечно же, понимаем, что вряд ли у импотента зрачковый блик напоминает форму полового члена. Как же мы узнаем импотента по глазам?

На этот вопрос могли бы ответить, конечно же, женщины; у них на это настроенный глаз; да и... импотенции у них не бывает, потому что им импотенцию нечем показывать. Женщины все смотрят и смотрят нам, мужчинам, в глаза, и все что-то высматривают и высматривают в наших мужских глазах. Для них, женщин, абсолютно безразличны черты нашего морщинистого или пористого лица, они на него, на лицо, и не смотрят. Они смотрят в наши мужские глаза, которые мы стараемся скрыть под набухшими веками. А иногда они, женщины, смотрят не просто в глаза, а смотрят поочередно в каждый из наших двух мужских глаз, тщательно прицеливаясь взглядом точно в их центр. Глаза у женщины как бы ходят в этот момент... то вправо, то влево, оценивающе ходят, перескакивая из центра одного мужского зрачка в центр другого. Мы, мужчины, склонны оценивать такой взгляд «от зрачка к зрачку» как любящий или интересующийся, хотя мы не способны понять того, что же они, женщины-то, так пристально

высматривают в наших двух зрачках. И в самом деле, что же можно увидеть в наших зрачках, которые вообще-то, являются «дырами» внутрь глаза? Неужели блик, напоминающий по форме мужское достоинство?

Естественно, женщины не рассматривают в зрачках мужчин этот самый злосчастный блик. Не в нем дело. Да и мужское достоинство в анатомическом смысле не так принципиально для женщин, хотя они, хихикая, часто говорят на эту тему, приговаривая: «Эх! Что за мужики пошли, а?!». А глаза их, женщин, говорят о другом. Они, эти женские глаза, даже во время хихиканья выражают что-то другое, более глубинное. Что же?

Я думаю, что женщины высматривают в глазах мужчин не пресловутую силу потенции, а высматривают... силу ангела в человеке, сами, конечно же, не понимая того, что же они высматривают. Если Вы спросите любую женщину о том, что же они высматривают в глазах мужчин, то любая женщина, скорее всего, ответит — «Да так...». И никакая женщина не догадается, что она хочет понять ангела мужчины, сидящего в нем, с дурусти приписывая понятие «ангел» себе — женщине.

А ангелы, мне кажется, есть в каждом из нас, и они, ангелы, составляют основную информационную часть наших тел. Да и «сердце» ангела находится, видимо, в зрачке (в одном или двух зрачках — не знаю), вокруг которого в глазу располагается радужка — материальное производное ангелоподобного (или ангельского) тела, в которой, по принципам хорошо известной иридодиагностики, отражены все органы нашего материального тела. Ангельское тело, сосуществуя с нашим материальным телом, конечно же, претерпело изменения и отошло от первоначального ангельского варианта, похожего на невидимую «энергетическую радужку» глаза. Но оно существует, представляя собой главную составляющую человеческого тела, называемую фантомом.

Не подумайте, пожалуйста, дорогой читатель, что все эти слова есть бред сивой кобылы; нет, это результат анализа Города Богов, который нам удалось найти в далеких горах Тибета, и который мы считаем... Матрицей Жизни на Земле. Но об этом мы поговорим чуть позже, и Вы, дорогой читатель, вскоре сами станете соучастником того научного «раскрута», который привел нас к таким выводам.

А пока, продолжая рассуждать на тему об импотенции жадных, я скажу, забегая вперед, что именно ангел, сидящий в нас, отвечает за... Любовь. И именно он — «родной ангел» — поднимает это самое небольшое материальное тело, действия которого мы отождествляем с Любовью. Всем хорошо известно, что поднять ногу легко, а вот поднять значительно меньший по размерам половой член порой очень трудно. Почему? Да потому, что мышц в половом члене человека, в отличие от ноги, нет. И не действует в нем, члене, эта самая мышечная энергия; а внедренное великим физиологом И.П. Павловым выражение «мышечная радость» не подходит к этому органу... из-за отсутствия в нем мышц. Зато движение этого органа (вверх) дает другую радость, которую, по большому счету, можно назвать ангельской радостью. Конечно же, это немного примитивно — испытывать радость от этого неказистого органа, но, дорогой читатель, уверяю Вас, что «подъем» есть лишь следствие, а главное состоит в том, что в действие приходит загадочный Ангел. А «подъем его головы» внутри нашего брэнного тела мы ощущаем как что-то сладостное и несравненное, то несравненное, от которого веет Вечностью, прекрасной Вечностью, которая как бы намекает на то, что твоя жизнь — слесарь Петров — вечна, и что самой близкой ступенью к этой Вечности является невидимый и непонятный ангел... в тебе самом, который, вообще-то, и создал тебя, слесарь Петров, чтобы ты, слесарь, мог скрести напильником железную деталь, лишь по вечерам позволяя себе, досыта откушав жареной картошки с хлебом, уйти в прострацию, которая странно так уводит в какие-то дали и в

какую-то Вечность, где ты, слесарь Петров, уже не слесарь, жикающий напильником по железной болванке, а Человек, который как цыган, кочует (не по странам!) по жизням, чтобы «пожикать напильником» то там, то здесь, но так и не может так «жикнуть», чтобы этот «жик» услышала вся Вселенная, породившая тебя — слесарь Петров, поскольку везде и всюду, в любой жизни, поперек тебя встает какое-то внутреннее существо, преследующее тебя (слесаря) от жизни к жизни, которое в промежутках между жиканьем напильника тихо приговаривает: «Любовь, любовь, любовь...», нудно так приговаривает, что вечером, когда уже не надо жикать напильником, ты даже прямо-таки отдаешься во власть этому внутреннему существу, которое, продолжая приговаривать «любовь, любовь, любовь...», вводит тебя, слесаря Петрова, в какое-то затуманенное состояние и уводит тебя, слесаря, в Даль и в Вечность, которые здесь, в мире, где ты жикаешь напильником, кажутся почти неестественными, но ощущение которых действует на тебя, поднимая какой-то странной силой твой «постыдный орган» и как бы символизируя, что постыдным является не сам подъем этого органа, а то, что в промежутках между жиканьем напильника ты, слесарь Петров, забываешь о Любви, создавшей весь мир и тебя, слесарь Петров, и не уделяешь внимания своему Ангелу, призванному отвечать в тебе за самое главное — Любовь, чтобы и ты, слесарь Петров, не терял связи с Вечной Любовью — главной созидательной силой Вселенной.

Но, возвращаясь к тому, что женщины что-то высматривают в наших глазах, переводя глаза от одного зрачка к другому, можно еще раз утвердительно сказать, что женщины высматривают (а, вернее, стараются ощутить) в тебе силу твоего Ангела, пытаюсь понять — способен ли он, твой Ангел (отвечающий за Любовь в твоей душе) по-настоящему любить, да так любить, что и ее Ангел, взбудораженный этой Любовью, всколыхнулся бы и даже на некоторое время оставив «обслуживание тела», вдруг вспомнив, что в незапятнанные времена он, летающий и не закрепощенный в теле Ангел, любил, любил и любил, да так любил Бога и созданных им Ангелов, что согласился внедрить великую Энергию Любви еще и в примитивное материальное вещество, в котором, по воле Бога, он должен был поселиться, выполняя функции банального фантома, о котором люди узнают только тогда, когда у них отрезают материальную ногу и, давая знать о себе, невидимом, так называемыми «фантомными проявлениями», когда чешется большой палец отсутствующей ноги.

Я извиняюсь перед Вами, дорогой читатель, что я в каком-то экстазе набросал много мыслей о том, о чем пойдет речь в этой книге дальше, и набросал эти мысли как-то бессистемно и в кучу. Но поверьте, — обо всем этом мы поговорим подробно и с расстановкой, да и переплетем это с теми частями Города Богов, которые создали четыре тела человека, сосуществующие вместе — тело ангела, тело воды, грубое материальное тело и — тело времени. Не торопитесь узнать это, дорогой читатель, прямо сейчас, — в этом главная суть книги, а она раскроется чуть позже, хотя и... книга получается толстоватой, не совсем удобной для ношения в женских сумочках.

Но уже в очередной раз возвращаясь к проблеме импотенции, и исходя из высказанных мною сумбурных мыслей, можно все же придти к выводу, что и вправду, наверное, половой член мужчин поднимает «ангельская энергия» в нас, то есть энергия фантома нашего тела, а не какая-то там мышечная или механическая энергия. Сам Бог дает через Ангела, сидящего в нас в виде фантома, эту энергию. Щемящее чувство Любви, растекающееся по телу, свидетельствует об этом... чувстве близости к Богу.

А что же жадные? А у них очень просто, — они, жадные, отдали свою душу другому Богу — Чужому Богу (владеющему, вообще-то, душами миллионов или миллиардов людей), который главной ценностью в жизни выдвигает Деньги и необходимость с помощью них, Денег, определить гарантии в жизни... стопроцентные гарантии того, что ты, человек, будешь... всю

жизнь счастлив, если у тебя (дурака!) на всю твою «предполагаемо-безбрежную долгую жизнь» хватит средств на то, чтобы ты каждый день мог (втихаря от соседей!) жрать (вредные в плане холестерина!) бутерброды с черной икрой (я, кстати, терпеть не могу черную икру только за то, что она стала символом «тупого богатства»).

Они, жадные, имеют два наказания в жизни за то, что отдали свою душу Чужому Богу: первое — это остро осознаваемое постоянное мучительное чувство «пищеварительно-мебельной» недостаточности, второе — это импотенция. Первое наказание можно еще как-то компенсировать самооправдательными увещеваниями по типу того, что «А все должны так жить и жрать!», но второе наказание не компенсировать никак — не поднимается и все тут! Домкратом не поднять!

А причина импотенции жадных состоит всего лишь в том, что не Чужой Бог (которому отдал душу жадный) создавал Человека. В числе четырех, созданных Богом тел человека есть аж два Ангела: первый из которых (Ангел-Время) отвечает за Любовь к Богу и к людям вообще, а второй (Ангел-Эфир) является выразителем нашей любви к какому-то конкретному человеку или к ребенку.

Не Чужой Бог стимулирует любовную потенцию сидящих в нас Ангелов, созданных настоящим Богом с помощью Великой Энергии Любви! Ведь отголоски этой любви хранятся не только в наших душах, но и в наших четырех телах... прежде всего — в двух ангельских. Каждая клеточка, каждая молекула в наших телах пропитаны Энергией Любви, от которой, извините, деваться некуда, ведь именно эта энергия создала нас с Вами... порой нерадивых, но всегда способных к Любви, да хотя бы к... чуточке Любви, да хотя бы к капельке Любви, да хотя бы к граммулке Любви... А два ангельских тела, сидящих в нас с Вами, шепчут, теребят и подталкивают нас, прежде всего, к Любви, как им, этим двум ангельским телам, велел сам Создатель, который «слепил» нас из четырех тел, используя, прежде всего, Энергию, исходящую от него самого, а именно Божественную Энергию Любви.

Куда уж тут Чужому Богу (который хочет заменить Любовь на Деньги) стимулировать два наших ангельских тела на «любовизлияние», при появлении которого приятное щемящее чувство начинает поднимать все в душе, да поднимать этого душевного подъема поднимается... то самое, от «неподъема» которого страдают все жадные. Деньги, господа, никогда не смогут поднять тот самый «постыдный» орган, потому что он поднимается Энергией Любви, пусть не очень большой, пусть чуть-чуть... но Энергией Любви, древность и величие которой уходит в незапамятные времена созидания человека. А деньги — это бумага, банальная и... постыдная бумага... и, вообще-то, бумажных «постыдных» органов не бывает. И пусть Чужой Бог, старающийся противодействовать настоящему Богу-Создателю, рисует образы человека-машины, способного «иметь» всех женщин в мире подряд, пусть этот Чужой Бог заставляет кормить женщин черной икрой, которая, вроде бы призвана заменить своим вкусом настоящего мужика, пусть, но никогда Чужой Бог не сможет заставить полюбить себя, поскольку не он, Чужой Бог, создавал человека, состоящего из четырех тел, два из которых прямо-таки напрямую отвечают за Любовь с присказкой «Ангел». И поэтому, те самые жадные (какие же они дураки!) будут всегда находиться во власти фантастических грез, главным элементом которых будет выступать... бумажный половой член.

И Вы, наверное, поймете меня, дорогой читатель, если я скажу, что чем больше денег, тем больше импотенции... если их, деньги, не отдавать людям... от души. Если, переборов свою жадность, отдал (ради потенции!), например, в благотворительный фонд, где их обязательно украдут, то у Вас... чуть-чуть заколыхается, но чуть-чуть. Если Вы будете раздавать деньги рисующимся нищим (которые не хотят работать), то у Вас что-то слегка приподнимется, но слегка. Но если Вы отдадите свои деньги на благое дело (на машину доброму и работающему

человеку, на шубу чистой девушке, умеющей преподнести себя даже в самом дешевом одеянии, на квартиру тому, кто посвятил себя науке и тому подобное), да еще и отдадите легко и от всей души, то поверьте, у Вас вскоре в глазах появится блеск, подбородок Ваш уверенно поднимется вверх и... как следствие, поднимется то, что и должно, вообще-то, подниматься. Но самое главное, что ощутите Вы в этот момент, это то, что Ваше тело начала пронизывать и заполнять какая-то светлая и приятная энергия, знакомая с детства и... уже хорошо подзабытая энергия, та самая энергия, которая называется Любовью. А она, эта энергия, способна не только... какие-то... половые члены поднять, она способна на такое, такое... такое... о чем даже нельзя ни словом сказать ни пером описать. О, как сладостна эта энергия! Поэтому расставайтесь с деньгами, господа! Легко расставайтесь! Добро и умно расставайтесь! Со всей душой, не требуя обязательств, расставайтесь!

Говоря о том, что импотенцию можно излечить щедростью, можно добавить, что отдать деньги, про себя добавив — «Да хрен с ними! Берите, сволочи! Подавитесь!» — бесполезно. Это, наоборот, усугубит Ваше состояние, да и денег Вы беспутно лишитесь, потому что они, деньги не по доброму коридору пойдут, а по коридору злого отчаяния.

Без денег жить еще пока нельзя. Они, деньги, играют в жизни определенную роль, чтобы, например, в этом материальном мире не иметь проблем с огурцами или кашей, которыми хочется набить все переваривающий желудок для производства... энергии, чтобы... смотреть, например, на милую статуэтку на полке, которую ты купил за бешеные деньги в грезах о любовном идеале, и на которую иногда, в период прострации, кольшется что-то... чтобы, например, сиденье твоего нового шикарного автомобиля красиво изгибало твою спину, поднимая вверх... подбородок, чтобы... чтобы... чтобы...

Без денег, к сожалению, нет жизни, господа! И куда от них деться, от денег-то?! Ведь в материальном мире они, деньги, представляют собой средство обмена за материальные ценности. Ведь не будешь же гнать три состава жевательной резинки в обмен на трактор «Чувашпиллер», — легче через банк перевести необходимую сумму денег, на которую можно купить хоть жевательную резинку, хоть арбузы, хоть... сексуальные услуги... хоть... «Чувашпиллер» (Огромный трактор, который изготавливают в Чувашии. Он, говорят, способен ездить).

Деньги — это гениальное изобретение человечества. Именно они, деньги, позволяют рационально и нормально осваивать материальный мир, поднявшись выше тупого натурального обмена. Но деньги есть соблазн! Деньги опасны, очень опасны! Ведь именно через них, наш материальный мир может войти в когорту миров не под флагом Бога (как задумано Творцом), а под флагом Дьявола.

Уютный и вечный человек Того Света, где нет расстояний и где все подчинено Энергии Любви, исходящей от самого Бога, направляется «на прорыв» для освоения материального мира не только для того, чтобы и этот мир подчинился божьим законам, но и для того, чтобы испытать почти совершенного и бессмертного человека Того Света «на вшивость», дабы вечно сохранять великолепие законов Чистой Души в родоначальном и основополагающем Том Свете, откуда начинается освоение всех миров, в том числе и нашего. Экспедицией в трехмерный мир можно назвать наше появление в этой жизни.

Человек Того Света, который волей судьбы (или Бога!), переместившись в созданное Богом материальное тело земного человека (с руками и ногами), вдруг ощущает гнетущее одиночество от того, что его (вечного и уютного человека Того Света) «наградили» земным сознанием, но вычеркнули из памяти (временно!) все прошлые жизни и весь прошлый опыт, чтобы ты, человек Того Света, оказавшись один на один с освоением материальной формы жизни, смог почувствовать себя, как предопределено, самопрогрессирующим началом, способным ломать

препятствия во имя процветания и здесь, в этом угрюмом и неуютном трехмерном материальном мире законов Чистой Души, выше которых не бывает на Свете.

А самое главное, о чем не должен забывать, я думаю, человек Того Света, оказавшись в виде Духа внутри материального человека с «руками и ногами», это о том, что он — человек Того Света — направлен сюда с Целью внедрения в этот угрюмый материальный мир светлых законов Чистой Души и Любви, отчего наша материальная жизнь будет светлее и постепенно вытеснит главную составляющую материальной жизни — Деньги, заменив их на душевные понятия Честь, Совесть и Любовь. И поэтому очень важно больше думать о Любви, а не о Деньгах, чтобы не оторваться от вечных духовных понятий в этом угрюмом материальном мире, где пока еще властвуют Деньги, как средство для обмена материальных ценностей. Ведь Энергия Любви величественна, эволюционно величественна, и только она, Энергия Любви, способна вдохнуть жизнь в те два наиболее древних ангельских тела (из четырех тел в человеке), которые наиболее тесно связаны с божественной Энергией Любви, и через которые вводится в приземленного материального человека само понятие Любовь, дающее главную радость жизни и проявляющееся, в частности, в... потенции.

Как важно здесь, в этом угрюмом материальном мире, не перепутать понятия «Любовь» и «Деньги». Ведь настоящая Любовь не терпит... Любви к Деньгам... ведь нельзя любить (по-настоящему любить!) средство для обмена материальными ценностями! Ведь средство для обмена материальными ценностями не есть та самая созидательная энергия в мире, исходящая от самого Бога! Ведь иногда дешевая бижутерия, подаренная от всей души (с Любовью), ценнее самых дорогих бриллиантов! Ведь... два ангела в нас самих все время твердят — Любовь, Любовь и Любовь!

Я, дорогой читатель, конечно же, «задолбал» Вас этими двумя ангелами в нас самих. Но не торопитесь узнать о них все сразу, потому что к осознанию их надо подойти через призму осознания нашей жизни, которая... эх, как сложна... так сложна... невероятно сложна, как сложны... и мы с Вами! Более того, я могу еще сказать, что ангелы в наших телах играют главенствующую роль. Но... об этом мы поговорим чуть позже.

Честно говоря, я сам удивляюсь тому, что в какой-то малозначащей подглаве под названием «Импотенция жадных» я развернул такую глобальную философию, что кажется, что импотенция есть проблема всей Вселенной, а не какого-то полового члена, который... отказывается прилично работать. Но в этом есть свой смысл, — импотенция есть наказание за отказ от своих корней, за отказ от осознания того, что тебя, человека, создала Энергия Любви, исходящая от самого Бога, а не какое-то движение молекул в мировом океане... и... и... за отказ от главных принципов жизни под флагом Любви, когда твои глаза стал застилать туман, исходящий от денежных купюр, подменяющий Настоящего Бога, пылавшего Любовью, на Чужого Бога, который умеет... считать... в этом материальном мире.

О, как сложна жизнь! Поэтому мне кажется, если Вы щедрый, то будьте щедрым искренне, а не играйте в щедрость! Если же Вы просто играете в щедрость, то Бог заметит это и... наградит Вас импотенцией... тоже.

А если Вы, будучи жадным, еще не импотент, то поверьте — Вы скоро им станете!

Если пессимисты обычно называют себя реалистами, то жадные всегда называют себя экономными. Но суть не в том, как ты себя называешь, а в том — кем ты на самом деле являешься — продал ты душу Дьяволу или нет! А критерием этого будет импотенция!

Я знаю одного жадного импотента, который увлекся одной прекрасной и темпераментной женщиной, которая в каком-то экстазе решила «сделать из него настоящего мужчину», чтобы, может быть, самоутвердиться в том, что она способна... в отличие от других... даже «тряпку» поднять.

И она, эта прекрасная и экспансивная женщина, принялась за нелегкую работу. Работа продолжалась долго. Жадный импотент, все время отгоняя мысли о том, что вдруг у него попросят денег (которые он, конечно же, копил на «черный день»), тужился и очень старался изобразить из себя настоящего мужчину. Но он понимал, что легкие подергивания... там... не могут сравниться с порнографическими фильмами, которые он, к несчастью смотрел. Эта прекрасная и экспансивная женщина, понимая что его (жадного) подергивания (... там...) мало чего стоят, и не желая потерпеть фиаско перед самоутверждающим принципом «Я и у мертвого...», решила не просто... по всякому теребить... его орган, а решила вызвать у него (жадного!) чувство любви к себе.

В общем, она начала капризничать, а он страдать (догадываясь, видимо, что его колыхания не доставляют ей большого удовольствия). И так продолжалось долго: она капризничала, делая вид, что уже увлеклась другим, а он страдал. Она капризничала, а он страдал. Так страдал, что у него даже прекратились эти самые... колыхания. В конце концов, он дострадался до того, что на какое-то время забыл про деньги и... даже подарил ей шоколадку за 34 копейки. Как только он сделал этот подарок, у него (жадного!) вдруг вспыхнула любовь к ней, и он, жадный, стал думать о ней как о каком-то ангелоподобном и небесном создании, что... его «неудачный» половой орган не просто снова заколыхался, но и даже грозно поднялся, будто бы желая своим состоянием покорить не только ее, но и весь женский и даже... женоподобный мир. В этот момент он смог совершить с ней, с этой прекрасной женщиной, половой акт, который длился аж... целую минуту.

С видом героя он (жадный!) откинулся на постели (и даже не вспомнил про шоколадку за 34 копейки!). Он чувствовал себя настоящим мужчиной! Но он, дурак, не понимал того, что все дело не в нем (жадном!), орган которого начал выходить из спячки, а в простой банальной шоколадке, которую он, жадный, смог все же, преодолевая влияние Чужого Бога, искренне подарить ей — прекрасной и темпераментной женщине, которая взялась за нелегкий труд — возратить его (жадного дурака) под эгиду Настоящего Бога, чтобы... и еще одного поставить под знамя Бога Любви.

На следующий день, он, жадный, уже с уверенностью «пошел на дело», но... выкроить деньги на вторую шоколадку за 34 копейки у него не хватило сил, поэтому, естественно, у него ничего не получилось, и он, сохраняя серый цвет лица целый день и дико негодуя по поводу своего «тряпкоподобного» полового члена, кое-как просуществовал до следующего утра.

Утром в магазине он увидел такую же шоколадку за 34 копейки, и у него что-то ёкнуло в душе. Он даже приостановился, желая ее, шоколадку, купить, но подумал о том, что любовь за деньги (34 копейки!) низкопробна. Он даже стал рыться в кошельке, но усилием воли остановил себя, представив, что у него... станет на 34 копейки меньше. Но он тут же оправдал себя тем, что любовь за деньги не покупается.

Вечером, когда он встретился с этой прекрасной и темпераментной женщиной, то он, жадный, даже пожалел, что не купил эту шоколадку за 34 копейки. Он, с волнением, думая об этой проклятой шоколадке, лег в постель и... «изобразил» то, что в народе называется «тряпкой». Он, конечно же, сильно страдал, лежа в постели, но... никакая энергия не приходила к его проклятому Богом половому члену. Да и образ этой проклятой шоколадки настойчиво стоял перед глазами.

На следующий день он подошел к киоску и решительно купил шоколадку... за 34 копейки. Вечером он с гордостью, напоминающей гордость, когда дарят автомобиль или квартиру, подарил этой прекрасной темпераментней женщине эту шоколадку.

— О! Какая прелесть! Спасибо! Спасибо! — воскликнула она, сама не понимая того, что уже вторая шоколадка (за 34 копейки!) бьет по Чужому Богу, твердо засевшему в его душе и

старающемуся превратить его половой член в бумажный половой член, слепленный из денежных купюр.

А потом в постели его половой член колыхнулся и... проработал аж 2 минуты. Он, конечно же, с двойной гордостью откинулся на кровати, понимая, что он уже чуть ли не дважды мужчина.

На следующий день он мужественно купил еще одну (третью!) шоколадку (за 34 копейки!) и... его половой акт продлился аж 3 минуты.

На следующий день он шел к этой прекрасной и темпераментной женщине уже уверенно с шоколадкой (четвертой — за 34 копейки!) в кармане и... его половой акт продлился аж 4 минуты.

На следующий день (с пятой шоколадкой за 34 копейки!) он довел свой половой акт аж до 5 минут, а еще через день — до 6 минут, и... еще через день — до 7 минут. Семь шоколадок (за 34 копейки!) ушло на это.

Но главное было, как я думаю, не в шоколадках (за 34 копейки!), а в том, что с помощью этих шоколадок (за 34 копейки!) он — этот жадный идиот — смог надломить в своей душе всевластие Чужого Бога, который, ненавидя Настоящего Бога, только и хочет опустить этот постыдный половой член, поскольку он, этот неказистый орган, поднимается с помощью энергии Любви, исходящей от самого Бога.

К сожалению, раскошелиться на восьмую шоколадку (за 34 копейки!) он не смог, — ведь ушло немало денег: $34 \times 7 = 238$ копеек или 2 рубля 38 копеек. А это уже немалая сумма! На эту сумму чуть ли не бутылку дешевой водки можно купить!

Короче говоря, этот жадный дурак приперся к этой прекрасной и темпераментной женщине без... шоколадки (за 34 копейки!), и... у него, не говоря уж о предполагаемых восьми минутах, не получилось ни одной секунды, а образ «тряпки» прочно въехал в голову.

Прекрасная и темпераментная женщина в сердцах сплюнула (не из-за шоколадки за 34 копейки!), да и выставила этого жадного дурака за дверь. А сделала она это не из-за того, что ей очень уж хотелось съесть эту шоколадку (за 34 копейки!), а из-за того, что ей надоело бороться с Чужим Богом в его душе, который вместо слова «любить» заставлял использовать слово «считать».

Она, эта прекрасная и темпераментная женщина, вряд ли понимала то, что два наших ангельских тела только и жаждут Любви от недостатка которой они соскучились внутри угрюмого материального тела... с «руками и ногами». Им, этим ангельским телам внутри нас, наверное, так хочется, так хочется возвратиться в первоначальное ангельское состояние, когда ты можешь летать, обуреваемый любовью, и даже в полете гнаться за своей возлюбленной, а не сидеть внутри этого материального тела «с руками и ногами», выполняя функции двух банальных фантомов, которые призваны регулировать работу воды и физических тканей в организме человека, того человека, который (с дурости!) совсем не заботится о двух ангелах в себе, давая им возможность хоть чуть-чуть окунуться в великолепие Любви и подпитаться этой прекрасной энергией, чтобы человек не направлял (с дурости!) весь свой любовный потенциал, заложенный в нем Богом, в сторону тупого пересчитывания... никому ненужных... денег, дьявольский элемент которых будоражит душу и не отпускает в сторону Истинного Бога, заставляя считать, считать... копить, копить... во имя того... чтобы твой половой член... опустил сам Бог.

— Шеф! Докладываю, что гуцу всю загрузили в «поганую машину». Олега-сантехника теперь нет нужды подвязывать — дыры в трубах и так видать. Просто веревки, привязанные к дырам, лежат на остатках гуци, — раздался голос завхоза.

— На каких таких остатках? — насупился я. — Вы что, не всё... убрали?

— Шеф! Все дерьмо полностью убрать очень трудно. Скребли, ведь, его, дерьмо-то, совковыми лопатами, но все равно оно размазанным по полу осталось. Да и пол-то бетонный, шероховатый, Дерьмо в каждую неровность как родное вбирается; ведь не паркет же в подвале постелен, так сказать... дерьмоемкость этого пола очень велика.

— М-да.

— Но ты, шеф, не беспокойся — через пару дней дерьмо подсохнет, и даже видать не будет, что оно там есть, — бетонный пол даже глаже станет за счет заполнения неровностей дерьмом.

— М-да.

— Шеф! А чо ты больно уж за чистоту бьешься?! Нет чистоты в жизни, шеф, нет! Все в этой жизни, шеф, с дерьмом перемешано с вонючим дерьмом. Потому что нюхать его надо людям, шеф, постоянно нюхать, чтобы они, люди-то, запах дерьма всегда помнили, чтобы самим дерьмом не стать. Я даже, может быть, считаю, что запах дерьмеца-то всегда должен присутствовать в низовых уровнях...

— Каких таких низовых уровнях? — вытаращил глаза я.

— Ну... в подвале, например, шеф, — пояснил завхоз.

— Это и есть... низовой уровень, что ли?

— Ну да! А с чего именно туда народ ходит опорожняться?

— Как понять — опорожняться?

— Опорожниться — значит освободиться.

— От чего?

— От дерьма, шеф, от чего же еще!

— То есть, это?.. — замялся я.

— Ты правильно меня понял, шеф! Не зря я всем сантехникам говорю, что ты у нас — умный мужик, — подтвердил завхоз.

— А почему именно в низовых уровнях приятно... опорожняться, а не в... верхних?

— Ну, в верхних-то уровнях... — засмутился завхоз.

— А что это такое — верхние уровни? — спросил я.

— Это, например, твой кабинет, шеф, — завхоз отвел глаза.

— А-а.

— Так вот, в верхних слоях, — продолжал завхоз, — опорожняться неудобно как-то, чувство стыда преследует за то, что ты дерьмо наружу выплескиваешь там, где ему, дерьму-то, не положено быть. Чем ниже уровень, шеф, тем легче там дерьмо оставить, то есть нагадить.

— М-да.

— Добавлю еще, шеф, что в низовых уровнях гадить большим удовольствием считается.

— Почему это так?

— Любой человек всегда нагадить хочет, шеф. Природа его создала таким. Каждый день он гадить должен.

— Что ты имеешь в виду? — не понял я. — Не только то, о чем ты думаешь, шеф. Каждый человек подгадить другому хочет — это закон природы, — авторитетно заявил завхоз.

— Ну уж не совсем так.

— Нет, шеф, это так! Точно говорю.

— М-да.

— Но каждый человек рисуется, благородного из себя корчит, особенно когда галстук на

шею повяжет. Делает вид, что у него дерьма нет и быть не может. А дерьмо-то оно есть, оно ежедневного выхода требует.

— М-да, — промычал я задумчиво.

— Короче говоря, дерьмо из человека должно выходить ежедневно. Но весь вопрос в том, шеф, — куда оно, дерьмо-то, упадет.

— И... куда? — насторожился я.

— Если дерьмо, шеф, упадет туда, куда и положено ему, дерьму, падать... в унитаз, например, вместе с туалетной бумагой... то скука охватывает человека... — продолжал рассуждать завхоз.

— Это еще почему?

— Да потому, что каждый человек хочет не только через задний проход нагадить, но и через...

— Передний, что ли?! — ужаснулся я.

— Да нет, шеф! Передний проход работает тогда, когда человек перепьет, например. Передний проход от безысходности гадит вокруг, шеф, винегретом преимущественно. Им, этим винегретом, я считаю, закусывать нельзя вообще — сразу передний проход активизируется.

— А-а, — с облегчением вздохнул я.

— Человеку, шеф, скучно гадить туда, куда положено. Ведь оно, Дерьмо-то, свои мозги имеет.

— Что это за мозги такие? — удивился я.

— Дерьмовые. Дерьмо своим разумом влияет на человека и подталкивает его к тому, чтобы оно, дерьмо, не просто уплывало в канализационную трубу, а хоть недолго, но полежало бы на обозрении, чтобы и его, дерьмо, уважали. Покрасоваться, может, хочет оно, дерьмо-то.

— А-а. Поэтому, шеф, люди и ходят в подвал, чтобы след свой там оставить. Им, людям-то, вроде бы удобнее в туалет пойти, сесть на чистый унитаз, оторвать метра три хорошей (толстой!) туалетной бумаги, взять газетку, закурить втихаря и гадить на здоровье. Так нет же! Их, людей-то, тянет в подвал пойти, чтобы там, в полутьме оставить свой след, чтобы он, след этот, своим видом и запахом напоминал другим людям, что здесь был он — Человек! Каждый человек хочет свой след на Земле оставить! — важно резюмировал завхоз.

— Да уж.

— Я вот еще чо думаю, шеф.

— Что?

— Поскольку все люди, особенно интеллигентные, хотят свой след оставить на Земле, то это наводит на определенные философские мысли, шеф.

— Какие еще мысли? — обеспокоенно спросил я.

— Ты замечал, шеф, что любое животное, особенно кошки, метят свою территорию, то ли пописав, то ли покакав. Но они, кошки, отличаются от человека.

— И чем?

— Они, кошки-то, умеют пораздельно писать и какать, — не обращая внимания на мою обеспокоенность, продолжал завхоз.

— А-а.

— А человек, шеф, если пошел на серьезное дело, ну... по-большому, то делает все одновременно.

— И к чему все это? — я начал терять нить разговора.

— А к тому, шеф, что Человек — это не кошка! Кошка, если ты заметил, шеф, всегда свое дерьмо закапывает, если, конечно, есть во что закапывать. Даже по линолеуму в туалете скребет лапами, будто бы сможет закопать... линолеумом. А присутствие свое она отмечает всего-то

навсего мочой... вонючей, правда, очень. Но никогда не отмечает того, что здесь была она — Кошка, дерьмом! Наоборот, она, кошка, стесняется его, дерьма-то, закапывая его... даже на линолеуме. Культура кошачья в этом прослеживается.

— Да уж.

— А человек, шеф, ну никак не хочет брать пример с кошки. Мочу-то он, шеф, сливает культурно или в унитаз, или в... раковину, а территорию предпочитает дерьмом своим метить. Но поскольку человек не может культурно одно только дерьмо выложить, чтобы пометить то место, где он был, то и выходит, что оно не само по себе лежит, а в моче плавает... вот жижа-то и получается, в которой Олег-сантехник работает, — с сочувствием вздохнул завхоз.

— Да уж.

— А вообще классно, шеф, что подвалы есть, а то бы люди начали свое присутствие на площадях отмечать. Пометить-то всем хочется.

— Да уж.

— Шеф! А как ты думаешь, почему все люди хотят пометить то место, где они были? Вон... даже «синенький»... из своей Африки приехать не успел, а сразу в подвал пошел... чтобы пометить, что он здесь был. Лучше бы, сволочь, на стене что-нибудь написал, чем свое... выкладывать.

— Да уж.

— Подводя итог, хочу тебе сказать, шеф, что то место, где Олег работает, международное значение имеет — каждый, кто приезжает в Уфу, в наш Центр, хочет именно там отметить... знак свой оставить.

— Да уж.

— Шеф, извини за наглость, ты, как хозяин и создатель нашего Центра, мог бы тоже свой знак оставить там... у Олега-то. Справедливо было бы... а то чужие-то горазды, а своим уже вроде и некуда.

— Да зачем мне это надо?! — в полном недоумении спросил я.

— Но ты все же подумай, шеф, — порекомендовал завхоз.

— М-да... Ну а что дальше-то делать будете? — сменил я тему Разговора.

— Шеф! Жижа отсосана, гуцу выгребли, теперь осталось через квартального сварщиков вызвать и заменить дырявые участки труб на недырявые. Интеллигентная работа, короче, осталась. Только одно плохо, шеф, что... вот...

Что еще? — Все дерьмом измазано, неудобно как-то сварщиков приглашать. Олег это подметил. Он ведь, Олег-то, уже полностью дерьмом измазался и не хочет, чтобы и сварщики... тоже. Благородный он, Олег-то!

— Что делать? Что делать? — в очередной раз начал я терять терпение. — Надо взять тряпки, ведра с водой и вымыть все это дерьмо. Лейте воду на пол! Она, вода-то, растворит остатки дерьма. Эту дерьмовую воду соберите тряпками, выжмите в ведро и вынесите в овраг! Вашу...

— А где воды-то взять, шеф? Воду-то мы чуть ли не во всем квартале перекрыли, — обиженно набычился завхоз.

— Сходите в котельную... твою мать!!! Она же у нас своя, б... Там-то вода есть! — пошел я вразнос.

— Ну, шеф! Ну, молодец! Ты разбираешься не только в глазах, но и в... — уважительно развел руками завхоз.

После того, как завхоз ушел, я нервно подошел к окну и мой взгляд случайно упал на красный фонарь, который мы не так давно повесили на ветку дуба.

А история, связанная с красным фонарем, была такая. Приехал к нам как-то на лечение один очень высокопоставленный человек. Положили мы его, конечно, в люкс-палату, да в самую лучшую, ту самую, которая на последнем мансардном этаже здания располагается и имеет одну особенность — окна в этой палате смотрят в небо. Приятно так смотреть в эти окна — облака плывут, романтичность навевают...

В общем, лежит этот высокопоставленный человек в этой палате и смотрит в небо, где, конечно же, то веселые облачка проплывают, то хмарь небесная оттуда на нервы давит.

А когда в этой палате лежал этот высокопоставленный человек, как назло хмурые дни попались, те самые дни, которые в грусть вгоняют. И говорит мне однажды этот высокопоставленный человек грустным голосом:

— Скажу я вам честно, Эрнст Рифгатович, что надоело мне с облаками общаться. Они, облака-то, мне кажется, прогрессу моего лечения препятствуют. Грусть своей хмарью наводят. А лежать, повернувшись затылком к облакам, как-то неудобно — цветочки на подушке начинают раздражать, да еще и какая-нибудь гадость на ум приходит... типа того, что эта болезнь... еще только цветочки!

Я, естественно, сказал, что вид неба облагораживает человека и что ангелы, летающие в небе, дают дополнительный лечебный импульс, помогая нам — врачам.

Высокопоставленный человек слегка засомневался и через пару дней сказал мне следующее:

— Боюсь, Эрнст Рифгатович, нельзя мне в такой дозе с Богом общаться. Ведь я, глядя в небо, смотрю ему, Богу, прямо в глаза. И, кстати, не так-то легко взгляд Бога вынести! Поэтому лучше вы, дорогой профессор, переведите меня, пожалуйста, в любую другую палату, где из окна земная жизнь видна, пусть неказистая, пусть противная, но земная.

Я, конечно же, проявил активность и перевел этого высокопоставленного человека в другую палату, из окна которой открывался вид на забор вокруг нашего центра.

Через три дня этот высокопоставленный человек говорит мне, что лечение у него пошло значительно лучше, поскольку ему стало очень весело.

— Почему? — спросил я.

— А вон там, — он показал рукой на забор, — за забором, в том месте, где растет дуб, есть тупиковая площадка, на которой разворачиваются машины.

— Ну да, есть там такая площадка, — ответил я, выглянув в окно.

— Знаете, что там творится по вечерам и даже днем?

И что же там творится?

— Сплошной публичный дом! — с нотками восхищения произнес высокопоставленный человек.

— Да неужели?

— Да, да! — радостно воскликнул он. — С проспекта Октября всех проституток сюда возят, чтобы с ними здесь... в машине... расплатиться.

— А-а, — растерялся я.

— Теперь я за этим наблюдаю, а не за... облаками.

— А-а.

— Весело, кстати, да и... лечение впрок пошло.

— А лечение и вправду впрок пошло от этих... наблюдений? — спросил я.

— На Земле ведь мы живем и... лечимся. А то, когда в небо смотришь, то как будто уже...

туда пора, — ответил высокопоставленный человек.

Помню, я задумался, чтобы осознать смысл «лечебного фактора проституции». А потом я пошел к себе в кабинет и дал распоряжение заместителю по общим вопросам, чтобы он повесил красный фонарь на дубе, который высится над этим... развратным местом.

Через два дня подогнали подъемный кран и на высоте около 20 метров повесили на ветке дуба огромный красный фонарь, к которому еще и провели электричество, чтобы он по ночам светился, своим благородным светом, возбуждая любовные порывы владельцев автомобилей.

Через неделю, внимательно наблюдавший за площадкой под красным фонарем высокопоставленный человек, сказал:

— Культурнее стали те, которые сюда приезжают. Раньше би-бикали, выходили из машины, бутылки бросали... то есть нервировали тех, кто приехал на площадку первый и занял место... для любви... А сейчас, под красным фонарем-то стоят и культурно ждут своей очереди или... начинают параллельно с ними. Понимают, что там, может быть, его... «молочный брат». Как будто бы в культурном публичном доме себя чувствуют.

После этого рассказа я позвонил главе администрации нашего Района и рассказал ему о своем «благородном» деянии, особо отметив, что этим самым я хоть на йоту повысил культуру уфимцев. Он, хороший и умный человек, со мной согласился. Тогда я попросил его расчистить площадку пошире, чтобы... доставить больше удовольствия... высокопоставленному человеку, да и... нашим сотрудникам, которые тоже, как выяснилось, нередко (вместо работы!!!) с удовольствием наблюдают за автомобилями... под красным фонарем.

Глава администрации района выполнил мою просьбу. Площадка под красным фонарем стала значительно больше, и «упражняющиеся в любви» уже не заглядывали друг другу в окна автомобилей, сбиваясь с ритма и имея неприятный раздраг в душе.

Так продолжалось месяца два... на радость врачам нашего центра, которые после тяжелого операционного дня, заняв наблюдательные посты, могли иметь хорошую и полезную психологическую разгрузку. Да и прозревающие пациенты стали проверять остроту зрения по... этому принципу. Да и бинокли начали дарить нашим докторам...

Но вдруг красный фонарь кто-то спер. Исчез он, короче, красный фонарь-то. Такое волнение в нашем центре началось!!! Все говорили о том, что снять красный фонарь с ветки дуба можно только подогнав туда подъемный кран, аренда которого стоит как минимум 3000 рублей, то есть 100 долларов (стоимость же самого фонаря 450 рублей). Все говорили о том, что, наверное, кому-то, часто пользующемуся этой площадкой, красный фонарь действовал на нервы, отвлекая и не давая ему (часто пользующемуся) показать проститутке свою сексуальную прыть, чтобы чувствовать себя настоящим мужчиной. Вот он (часто пользующийся) и раскошелился не только на проститутку, но и... на умыкание красного фонаря.

На планерке, которая бывает у нас по понедельникам, я сделал втык охране, которая... не уберегла красный фонарь от посягательств «часто пользующегося». Охранники виновато смотрели в пол, а один из них уверенно заявил, что он, вообще-то, опознает этого «часто пользующегося». Короче говоря, я приказал купить новый красный фонарь и, повторно раскошелившись на подъемный кран, вновь повесить его на ветку дуба. Коллектив дружно поддержал меня.

Так и висит этот фонарь до сих пор, вызывая веселье во всем нашем Центре и способствуя прозрению больных.

Но суть не в этом. Суть в том, что каждый человек (будь то кривой, будь то косой, будь то... еще какой-нибудь) имеет в себе (обязательно имеет!) потенциал Любви, который, к сожалению, далеко не всегда может быть реализован с достоинством. А ведь так хочется, так хочется... Вот и приходится, преодолевая свою гордость, идти «легким путем» (во имя Любви!) — выезжать на

главную улицу Уфы (проспект Октября), находить... и привозить на «площадку любви»... ее. Вот... только красный фонарь, который какой-то дурак повесил, иногда нервирует.

Любовь хороша в любых проявлениях, даже в таких — на... площадке под... красным фонарем. Но это Любовь, все равно любовь, пусть нелепая, пусть дурная, но любовь. О, как люди скучают по Любви! О, как люди мечтают, чтобы она, Любовь, была ежедневно и всегда... сами не понимая того, что она уже есть, потому, что именно она, Любовь, и породила их!

Но любовный потенциал нашего Мира Испытаний (трехмерного мира) столь мал, что возникает дисбаланс между созиданием тебя — Человека — за счет энергии Любви, исходящий от Бога и теми возможностями для любви, которые ты находишь в своей жизни в Мире Испытаний. Бог как бы ограничивает нас в Любви в этом мире, где мы живем, потому что это... Мир Испытаний, мир, который испытывает нас недостатком Любви.

Однажды я даже закручивал два романа сразу с двумя проститутками. Банальные были романы-то — психологического порядка. Обе проститутки рассказали мне о 4-х градациях проституток, которые, оказывается, бывают следующими:

- низшая категория — уличные, вокзальные и плечевые (кабинные) проститутки;
- более высокая категория — гостиничные и банные проститутки;
- еще более высокая категория — проститутки по вызову;
- самая высокая категория — леди.

Обе знакомые проститутки утверждали, что они относятся именно к категории «Леди», и это связано, прежде всего, не с их внешними данными, а с их интеллектом, поскольку они, леди, умеют очень хорошо играть в любовь. Их, леди, обычно покупают за 500 долларов в день. Они, леди, могут не только разжечь скромные половые способности богатея путем долгих капризов в ответ на его пьяные «животные» атаки, но и могут изобразить в тот момент, когда допустят до себя волосатое тело, дикую страсть с криками... из-за близости к... так и не поднявшемуся органу. Он, богатей, конечно же, удивляется тому, что его скромные сексуальные возможности оцениваются столь высоко и даже начинает думать, что все мужчины, наверное, такие же, но, возможно, слегка сомневается в искренности возбужденных криков проститутки, потому что... Потому что ему, человеку (хоть и богатому, к несчастью!), как божьему созданию так хочется верить в искреннюю любовь, так хочется (как повелел Бог!), что он отгоняет (как назойливую муху!) мысль о том, что любовь может быть и не искренней... ради денег, которые всегда и всюду выступали и выступают как антипод Любви. И пусть это так, пусть это не искренне, пусть это есть всего лишь грезы, пусть это — всего лишь мечта, но это... все равно соприкосновение с Любовью, великой Любовью, через которую мы чувствуем Бога — самого Бога — Создателя! И пусть, в конце концов, твой половой орган, ведущий почти самостоятельную (от тебя, дурака!) жизнь, требует от тебя Искренней Любви и не хочет мириться с покупной любовью, пусть он, твой член, отвечает тем, что он никак не хочет «расправиться во всю ширь» и лишь отвечает колыханиями, поворачивая голову в сторону денег в кармане, пусть, но все равно соприкосновение с Любовью приятно... пусть в мечте, пусть в грезах... поскольку это есть соприкосновение с Богом!

О, как важно нам пройти путь в этом Мире Испытаний, пройти достойно, не потеряв чувства Любви в душе] И пусть, пусть Любовь в этом Мире, обделенном Любовью, будет нелепой и куцей, пусть... Но важно, чтобы она все же была, Любовь, а не только Деньги... вперемежку с импотенцией, кстати! Отходняком Мира Испытаний можно назвать проституцию, в том числе высшую градацию проституток под изысканным именем «Леди».

Кстати говоря, обе знакомые проститутки говорили мне, что они хотят, очень хотят настоящей любви с настоящим мужчиной, который бы... понимал, что проституция (или игра в любовь) есть всего лишь профессия, когда можно как актер поиграть, а потом любить, любить и

любить... по-настоящему, как Бог повелел.

Я отошел от окна, из которого открывался вид на красный фонарь, повешенный по моему распоряжению, дошел до своего стола, взял свою желтую нелепую авторучку, сунулся носом в лист бумаги... и вдруг вздрогнул от неожиданной мысли:

— Деньги и Любовь есть две взаимно противоположные категории, — подумал я. — Но... Любовь всегда сильнее и... вряд ли Деньги смогут заменить Любовь. И вряд ли Жадным, вездесущим Жадным (награжденным, кстати, импотенцией) удастся утвердить свои... жадные принципы жизни. Потому что Богом посланная импотенция будет давить на них и... даже проститутки, играющие в Любовь, не помогут.

И тут я вспомнил рассказ одного гималайского йога, который я слышал в нашей третьей гималайской экспедиции. Он рассказал мне о... точке жадности.

Точка жадности

Первым долгом при встрече йог оценил мою ауру, которую, как он утверждал, способен видеть и по которой он может определить даже особенности характера человека.

— Вы не жадный, — вдруг сказал он уверенно.

— Я это, вроде как, знаю, — растерялся я.

А потом йог рассказал о точке, которая отвечает за жадность и властолюбие одновременно.

— Эта точка находится на спине, вот здесь, — йог, изогнувшись, ткнул себя в область поясницы. — Если вставить иголку в эту точку и подержать ее какое-то время, то человек перестает быть жадным и властолюбивым. Но стоит убрать иголку из этой точки, то чувство жадности возникает вновь и... более того, остаются глубокие сожаления о том, что ты раскошелился... невзначай.

А если бы было возможно держать иголку постоянно в этой точке тела, то человек всегда был бы щедрым? — задал я вопрос.

— Всегда, — ответил йог.

— Я понимаю, — промолвил я, — что иголку постоянно держать в спине невозможно, — иголка ведь колет, да и нагноиться вскоре может.

— Да, — проговорил йог, — с иголкой в спине все время ходить нельзя. — Но мы, гималайские йоги, считаем жадность болезнью. А ее, болезнь, надо лечить. Поэтому им, жадным, надо все время ходить с иголкой в спине, чтобы больше не болеть жадностью. Тогда, если они будут ходить с иголкой в спине, они станут щедрыми и отдадут все, что нажили, людям, а сами станут бедняками, а может быть... может быть, даже станут йогами, как мы, чтобы жить в пещере почти без пищи. Тогда они, жадные, станут здоровыми... духовно. А это — счастье! Большое счастье!

— М-да, — озадаченно промычал я.

— И не важно, — продолжал йог, — что иголка, воткнутая в эту точку, может нагноиться, — гной, как и иголка, будет раздражать эту точку, чтобы эта точка, раздраженная и возбужденная, вытягивала из человека энергию жадности.

— А было ли так, чтобы какой-нибудь жадный человек и в самом деле долгое время ходил с иголкой в спине? — спросил я.

— В Непале некоторые люди постоянно ходят с такой иголкой... они широкие рубахи носят, чтобы иголка кололась меньше. Они, эти люди, очень хотят вылечиться и... стать бедняками, чтобы быть счастливыми. Их легко узнать, — ответил йог.

— Как?

— Они всегда приговаривают «Ой-ой! Ой-ой!», потому что иголка, торчащая из спины, касается рубашки и... напоминает его жадности. А ощущать себя жадным тяжело, ой, как тяжело! Большие страдания испытывает человек, когда чувствует себя жадным.

— Неужели?

— Да, да! Жадный человек страдает, очень сильно страдает, очень, очень... как и любой больной человек. Душевная боль от его Жадности распространяется по всему телу, даже в пятки отдает; так что... покалывания иголки, торчащей в спине, удовольствием кажутся. На спине, к тому же, спать невозможно — иголка мешает; приходится спать на животе, все время думая о... заветной мечте — стать бедняком, — йог благоговейно прикрыл веки.

— Да... уж, — задумчиво протянул я.

— А вы никогда от жадности не лечились... с иголкой в спине не ходили? — йог неожиданно взглянул мне в глаза.

— Нет... — опешил я.

— Жаль.

— Почему?

— Вам было бы проще понять страдания жадного человека, который хочет стать бедняком.

— А-а... А часто иголка в спине нагнаивается? — спросил я.

— Почти всегда нагнаивается. Но это не страшно, гной еще лучше лечит от жадности, — ответил йог.

— Почему это?

— Потому что гной напрочь расплавляет точку жадности и он, этот человек, никогда больше не станет жадным, так как этой точки у него больше нет, — она будет расплавлена гноем, — со знанием дела пояснил йог.

— А-а.

— Счастлив тот человек, у кого появляется гной в точке жадности.

— М...м...

— Он станет бедняком.

— А-а.

— Чем больше гноя, тем — лучше.

— Да уж...

— Но есть еще одна точка, противоположная точке жадности, — продолжал йог. — Она, эта точка, отвечает за любовь.

— Где она? — оживился я.

— Она расположена выше точки жадности, тоже в области позвоночника.

— Покажите, пожалуйста, где она!

— Вот, — йог невероятно изогнул руку и ткнул себя почти между лопаток.

— Подождите, подождите, — торопливо заговорил я, — я зарисую. Где она, точка Любви-то?!

— Вот здесь. Я взял карандаш и сделал набросок. Точка Любви связана с точкой Жадности, — поучительно сказал йог.

— Как так?

— Если точка Любви подавлена, то энергия человека перетекает в точку Жадности, и... человек становится жадным. А если подавить точку Жадности (вставленной иголкой или расплавить ее гноем), то энергия человека перетекает в точку Любви и человек становится любвеобильным.

— Всех любить может, что ли? — недоуменно уточнил я.

— Всех, — уверенно ответил йог.

— А-а.

— А знаете — почему? — йог пристально посмотрел на меня.

— Почему?

— А потому, что жадный человек любит самого себя, а «Человек Любви» — любит людей. Самое важное — это куда направить главную энергию человека — Энергию Любви!!! Если ее направить внутрь самого себя — любовь к себе получится, а если ее направить наружу — любовь к людям получится. Как Вы думаете, что лучше? — йог загадочно прищурился.

— Любовь к людям лучше... наверное.

— Вы умный человек! — воскликнул йог. — Любовь к себе хуже, намного хуже! Человек, любящий себя, забывает о том, что главная Любовь — это Любовь к Богу-Создателю... твоему создателю... вообще-то. Человек, любящий самого себя, считает, что весь мир должен любить его так же, как он любит себя — как Бога! А поскольку люди не любят его как Бога, то он начинает изобретать средства, которые бы заставляли людей любить его... как Бога. И главным таким средством являются Деньги, которые способны поставить окружающих людей в зависимость от тебя. Чем больше денег, тем больше зависимость.

— Да уж.

— Все в этом мире зависит от Энергии Любви, а именно от того, куда она перельется: если она перелилась в точку Любви — то ты будешь любить людей; если же она перелилась в точку Жадности — ты будешь любить себя, а через это — Деньги, как через средство утверждения «любви» к самому себе, чтобы все люди поклонялись тебе — Богатому... ведь ты, Богатый, можешь, приговаривая «помни, кто это сделал!», дать возможность другим людям не подохнуть с голода.

Я помню, что этот рассказ йога произвел на меня сильное впечатление. А через несколько лет в городе Уфе я провел небольшой эксперимент.

В общем, позвонил мне однажды вечером один мой знакомый — жадный, конечно же. И этот жадный знакомый говорит мне о том, что ему грустно и скучно и, что вообще-то, ему было бы приятно ко мне заглянуть и развеять тоску. А я ему говорю следующее:

— У меня, вообще-то, ни пожрать, ни выпить, ничего нету. Если ты придешь, то загляни, пожалуйста, в магазин и возьми, пожалуйста, что-нибудь пожрать и выпить.

— М... м... ладно, — ответил жадный знакомый, ощущая, что ему деваться некуда.

Когда он пришел, то я обратил внимание на полиэтиленовый пакет, который он держал в руках. Он был очень маленьким. И тут этот жадный знакомый вынул из пакета бутылку водки и подал ее мне. Я прочитал ее название и обомлел, — на бутылке было написано «Черниковская водка».

Скажу прямо, что район города Уфы, называемый Черниковкой, считается самым загрязненным районом города, поскольку там располагается то ли пять, то ли шесть нефтеперерабатывающих заводов. И поэтому, «черниковская» водка могла восприниматься, скорее всего, как «нефтяная» или «бензиновая», или «бензольная», или даже, может, «диоксиновая» водка. Более того, я знал, увидев однажды в магазине эту дрянь, что дешевле этой водки в мире не бывает, — дешевле могут быть только сточные воды, разлитые в бутылки.

— М-да, — крикнул я.

Жадный знакомый посмотрел на меня ясными глазами и спросил:

— Открывать?

— М-да, — ответил я.

Он, сволочь, открыл поганую бутылку, достал (мои!) хрустальные рюмки и разлил в них эту гадость.

А потом он опять полез в полиэтиленовый пакет.

«За закусью полез, — подумал я. — Что, интересно, он на закуску взял?»

Тут он развернул бесплатную рекламную газету и достал что-то квадратненькое и беленькое размером с четвертинку кирпича.

«Неужели на такое количество сыра раскошелится?» — подумал я.

Но когда я пригляделся, я понял, что это отнюдь не сыр, а всего-навсего маленькая буханочка белого хлеба, меньше которой не бывает.

«Даже большой буханки не купил, жмотяра!» — подумал я.

Я, конечно же, пригубил рюмку этой «черниковской» водки и даже отщипнул от буханочки хлеба, чтобы не обидеть «хлебосольного»... жмота. А он пил и ел на полную катушку, сволочь... чтобы не пропадало.

Вскоре мой жадный знакомый очень серьезно посмотрел на меня и спросил:

— Ты там чо-нибудь для лечения импотенции не придумал? Я ухмыльнулся и рассказал ему о том, что и в самом деле нам удалось разработать специальный вид «Аллопланта», который через иглу вводится в специальную акупунктурную точку в области позвоночника, в связи с чем у большинства пациентов с импотенцией «он» начинает, как говорится, шевелиться и даже иногда работать в полную силу.

Жадный знакомый очень обрадовался и даже предложил за это еще выпить «черниковской» водки, закусив... хлебом, который он прямо-таки уплетал, и даже уже съел половину буханочки. Я сделал вид, что пригубил. — А ты почему не кушаешь? — мой жадный знакомый показал глазами на полуобглоданную буханочку.

После этой встречи прошло два дня. Мой жадный знакомый пришел ко мне, и я ему все же ввел «Аллоплант», но... ввел не в точку, которая лечит импотенцию, а... в точку Жадности.

Я подождал недели две, чтобы, как говорится, подействовало и позвонил ему — жадному.

— Ну, как дела? — спросил я с врачебными нотками в голосе. — Подействовало?

— Да как сказать... — замялся мой жадный знакомый, — понимаешь... я женщину найти не могу, чтобы проверить.

— А по утрам-то как, когда женщину представляешь?

— Да... представлять-то особенно некого, все какие-то страшные по улицам ходят... Слушай! Мне бы с тобой это не по телефону обговорить!

Я прищурил глаза, вспомнил маленькую буханочку хлеба и поганую «черниковскую» водку и выразительно проговорил:

— Приезжай, но ты понимаешь... у меня ни пожрать, ни выпить ничего нет.

— Я куплю, — неожиданно охотно отозвался мой жадный знакомый, — и приеду к тебе.

Через полчаса он приехал ко мне с довольно большим полиэтиленовым пакетом и достал из него... о чудо!.. следующее: бутылку дорогой водки «Немирофф» (750 мл, а не 0,5 литра!!!), целую палку «туймазинской» очень хорошей колбасы, кусок сыра размером с ту самую маленькую буханочку хлеба, большую буханку белого хлеба и даже... парниковый огурец!

Гордо вскинув подбородок, он посмотрел на меня. Я слегка ухмыльнулся; я-то знал, что ввел-то «Аллоплант» ему не в точку, через которую лечат импотенцию, а в точку Жадности. Я очень хорошо запомнил, где она, эта точка-то, находится, когда гималайский йог показывал мне ее.

Мы, конечно же, выпили водки (хорошей!) и закусили (сыром, колбасой, хлебом и огурцом!), а он, мой жадный знакомый, все время говорил о том, что его «проклятый Богом» половой орган прямо-таки начал серьезно колыхаться по утрам и даже способен, вроде как, совершить серьезный половой акт длиной в две (а может быть и в пять!!!) минуты. Я, конечно же, поднимал за это рюмку за рюмкой, а он пил до дна, в результате чего... длительность его

предполагаемого полового акта возросла аж до... нескольких часов.

А я все это время (тем более, что я человек плохо пьянеющий) удовлетворенно ухмылялся. Ухмылялся на полную катушку, потому что я... ввел ему «Аллоплант» в точку Жадности, а к его импотенции отнесся весьма равнодушно. Мне даже, честно говоря, было наплевать на его импотенцию, потому что я знал, что... пока не вылечишь жадность, импотенция не пройдет. Только через лечение жадности можно всерьез подойти к проблеме лечения импотенции. Да и в широкой рубаше сейчас ходить не надо, и не надо радоваться гнойному расплавлению точки Жадности, — «Аллоплант» работает так элегантно и мощно, что даже самый сверхжадный человек (вроде олигарха) после введения «Аллопланта» в точку Жадности обязательно принесет на закуску хотя бы... парниковый огурец, а не какую-то маленькую буханочку хлеба.

Скажу Вам честно, дорогой читатель, что оборудование в нашем глазном центре — одно из самых лучших в мире. Дикая сумма заплачена за это оборудование. А добились мы этого тем, что... каждому богатому пациенту вводим «Аллоплант» в точку Жадности. Они же, богатеи-то, не понимают этого, — как обычный укол воспринимают с дурусти, хотя обычный укол делается, вообще-то, в попу, а не в спину. Подставляют спину-то... чтобы потом народу (в виде оборудования) наворованные деньги отдать. Но и вознаграждаются они за это — половые органы у них начинают колыхаться на радость им самим (что, вообще-то, за деньги не купишь и... даже самая дорогая проститутка не поможет). А колыхания — приятная вещь, вообще-то! Колыхнулось раз — радость ощутил, колыхнулось два — еще радость, колыхнулось три — еще... так и до серьезного полового акта можно дойти... без... денег... вообще-то. Да и Чужой Бог, которому отдал свою душу жадный дурак, начинает отступать, а на смену ему тут же приходит великолепная, исходящая от родного настоящего Бога, Энергия Любви, которая (и только она!) может дать человеку то самое чувство Счастья, важнее которого не бывает на свете.

И поэтому, если у Вас нет возможности ввести «Аллоплант» (или хотя бы вызвать нагноение) в точку Жадности, то, пожалуйста, хотя бы подумайте об этой точке, — мысль ведь она материальна и... даже в виде укола может выступить... иногда... если доллар не совсем очернил Вашу Душу.

Опять сантехнический этюд... № 12

— Шеф! — раздался голос завхоза. — Скажу тебе прямо, Олег-сантехник очень хочет попросить тебя об одном деле. А просьбу его уважить бы надо, ведь он сегодня героизм проявил!

— Какая такая просьба? — отвлекся я от своих размышлений.

— Начну издали. Олег, шеф, все время думает о кремлевских подвалах; говорит, что вот уж у кого, а у кремлевских подвальных сантехников-то, работы, наверное, навалом. Ведь если даже в нашем Центре каждый приезжий, особенно иностранец, в подвале хочет отметиться, то в кремлевском подвале... и подавно, перед всей Матушкой Россией, считай, отметился... героем себя почувствовал.

— Не знаю. Я там не был.

— А стоило бы зайти, шеф! Олег так думает. Говорит, что если бы он в Кремле был, то сразу бы пошел в подвал отметиться.

— Так ты что... просишь командировать Олега в Кремль... для этого дела, что ли?! — высказал я страшную догадку.

— Ну да, шеф! Правильно догадался! Давай сделаем это. Большую радость мужик получит — в самом Кремле отметится! Не каждому так везет.

— М... м... давай! — неожиданно для самого себя согласился я.

— Здорово, что ты поддержал, шеф! Я знаю, ты слов на ветер не бросаешь!

— М-да... уж.

— Кстати говоря, шеф, хоть местные подвальщики Олегу и завидуют, но сам он, Олег-то, завидует кремлевским подвальщикам. Интереснее у них работа-то говорит. Разнообразие... больше.

— А-а.

— Скажу тебе прямо, шеф, гениальный человек придумал подвалы; он психологию людей хорошо знал и знал то, как Боженка над людьми подшутил, — компетентно сказал завхоз.

— Как это?

— Закон Природы это, шеф! Ну вспомни кошек, собак, львов, тигров, слонов, мышей и прочих тварей, — все хотят отметиться, значимость свою, как божьего творения, показать. Боженка, сотворяя все это, решил, наверное, пошутить и сделал так, чтобы они, твари всякие, всего-навсего своим дерьмом или мочой могли показать свою значимость. А знаешь, почему Боженка сделал так?

— И почему же?

— А потому, чтобы всякие твари, в том числе и человек (которого всегда в подвал тянет!), повинаясь природному инстинкту отметиться... то есть, оставить после себя след, всегда помнили, чего они стоят в сравнении с Богом! Лекарством от греха «почувствовать себя Богом» можно назвать подвальную страсть! — чеканно произнес завхоз. Интересная философия, — прокомментировал я.

— Вот Бог и подкинул мысль о подвалах, куда людей неудержимо тянет отметиться, чтобы свой личный вклад... в эту жизнь показать... Так что, шеф, в центре философии жизни вертится, когда наблюдает, как другие люди помечают свое присутствие в этой жизни.

— М... м... да уж.

— Но скажу тебе, шеф, что Олег — очень культурный мужик. Сам он, не поверишь, в своем собственном подвале ни разу не отметился... в чужой ходил. Да и помнишь, когда я ему привязанному за две ноги, предлагал свое дерьмо на чужое дерьмо наложить, — он ведь отказался. Так ведь?

— Так-то так. А как там наши дела? Трубы-то варить начали? — прервал я философствования завхоза.

— Докладываю, шеф: сварщиков вызвали, трубы уже начали менять на новые, — отрапортовал завхоз.

— Иди, контролируй, чтобы еще одного потопа не было! — приказал я.

Завхоз ушел. Я снова взял свою желтую неказистую авторучку и попытался начать писать эту книгу. Но мысли опять-таки не шли.

Я понимал, что жить на Этом Свете, вообще-то, во многих аспектах «весело».

— Весело, весело, весело, — тупо проговорил я. — Жить весело! Я осознавал, что без подсмеивания над самими собой было бы нестерпимо тягостно жить в этом Мире Испытаний, где ты денно и ночью чем-то испытываешься и далеко не всегда «оказываешься на коне», а чаще всего «терпишь фиаско», когда тебе остается всего лишь «весело» посмеяться над самим собой.

И тут неожиданно в моей голове возникла фамилия «Сидоров», и я подумал о том, что ему, Сидорову, наверное, очень редко бывает «весело».

История эта произошла несколько лет назад, когда мы работали в маленьком здании и арендовали там два этажа.

Я, как всегда, консультировал больных в своем маленьком кабинете. Смотрю одного больного, второго, третьего... важные слова им всякие говорю. А они кивают. И тут ко мне заходит один больной, которого я уже несколько дней видел, сидящим на диване рядом с моим кабинетом. Выхожу бывало из кабинета и иду, например, в туалет, а он сидит. Возвращаюсь оттуда... — он опять сидит. Но особенного внимания я на него не обращал, сидит, да и все.

— Как фамилия? — спрашиваю у него, у того, который сидел и наконец-то попал ко мне.

— Сидоров, — отвечает и галстучек при этом поправляет так, чтобы красивее показаться, наверное.

А галстучек-то — замызганный до предела, а пиджачок-то — весь засаленный, а рубашечка-то — серенькая-серенькая, а брюки-то — имели стрелку, но давно и не на том месте! Сразу видно — слепой этот Сидоров-то! Напрочь чувствую, слепой.

— Откуда Вы, Сидоров, приехали? — спрашиваю.

— Из Красноярского края, — отвечает.

— А провожатый-то где ваш? Почему он не заходит?

— А я... один...

— Как? — удивляюсь я.

— А вот так, — отвечает Сидоров.

— Из таких далеких краев?! Сами... без провожатого?!

— Сам, — отвечает и поправляет замызганный галстучек.

— А как добирались из Красноярского края-то, Сидоров? — спрашиваю.

— Я, профессор, долгое время не мог скопить денег, — отвечает. — Инвалидная пенсия маленькая. Да и инфляция, — только накопишь, тут же цены поднялись. Пять лет к вам добираться.

— А как покупали билет, как садились на поезд-то?

— А у меня способ есть один, профессор.

— Какой?

— Выхожу на улицу и кричу: «Люди добрые!», «Люди добрые!». А люди — они добрые, подходят и провожают меня.

— И так из Красноярского края до... Уфы?! — изумился я.

— Да, — отвечает.

— Я вас, Сидоров, уже несколько дней вижу, сидящим в коридоре. Вы уже лежите у нас в клинике? Кто ваш лечащий врач?

— Я не лежу... пока. Мест нет. Очередь у вас на несколько лет вперед. Вот я и жду. — Вы, Сидоров, в гостинице живете?

— Нет.

— А где? На квартире?

— Нет.

— Так где же?

— На первом этаже клиники, — отвечает. — Где там жить-то? Там же лаборатории!

— Ну... — Сидоров засмутился и снова поправил свой галстучек. — Там... на полу.

— На полу?!

— Вы уж... извините меня, пожалуйста, профессор, но я живу там уже несколько дней.

— Где? На кушетке, что ли?

— Да нет, профессор, они очень узенькие.

— Кушетки, что ли?

— Да. Падаешь с них ночью... беспокожно я сплю... с молодости, когда еще зрячим был. А слепым-то быть, профессор — это почти как спать — всегда в темноте.

— Да уж.

— На полу удобнее, профессор. Просторно. Линолеум, он, мягкий.

— М-да.

— Удобно спать, кстати, когда вокруг шагов уже нет. Стыдно спать-то, когда вокруг люди ходят.

— А где Вы, Сидоров, питались все это время? Кушали где? — спрашиваю.

— В столовой, — отвечает.

— В какой?

— Диетической... той, что напротив, через улицу.

— Так там же ужасно кормят!!!

— Да нет. Вкусно, — Сидоров опять поправил свой галстучек.

— Как так — вкусно?! — ужаснулся я.

— Да... да... вкусно, когда... — Сидоров снова поправил свой неказистый и потертый галстучек.

— Что «когда», Сидоров?

— Когда один раз в день кушаешь... все вкусно.

— А почему вы один раз в день питаетесь, Сидоров?! У вас, может быть, денег нет?

— Деньги-то есть, профессор. Я их накопил. Да вот... да вот, обманывают сильно меня... слепого. Обидно... переплачивать три раза в день-то.

— В чем вас обманывают, Сидоров?

— Вы не знаете слепую жизнь, профессор. Раньше, в советские времена, деньги были разного размера: один рубль — самый маленький, три рубля — больше, пять — еще больше и так далее. Легко было определить, сколько ты даешь кассиру в столовой или... в магазине. Да и мелочь разный размер имела. А сейчас, профессор, деньги все одинакового размера. Мне, слепому, трудно определить, сколько я отдал кассиру. Поэтому мне лучше один раз в день питаться... только один раз в день... обманут.

— М-да.

— Я ведь иногда стою посреди столовой и кричу: «Люди добрые! Люди добрые! Посчитайте, пожалуйста, сколько мне сдачи дали! Вы ведь зрячие!».

— Ну и как, Сидоров — откликаются?

— Подходят люди иногда... помогают иногда... и... иногда возвращают... то, что своровано. Я ведь беспомощен в этой жизни... зрячей. На добрых людей остается только надеяться. А добрые люди есть, профессор, есть... точно есть. Они, добрые люди, даже иногда свои деньги отдают, чтобы компенсировать сворованное кассиром... у слепого. Я, слепой, только на них и надеюсь в этой жизни.

— Скажите, Сидоров, а я добрый? — неожиданно для самого себя спросил я.

— Если вы меня об этом спрашиваете, значит вы добрый, профессор, — ответил он.

— Спасибо... Сидоров.

— Вам спасибо, профессор, за то, что расспрашиваете меня о моей жизни. Меня... меня... меня... — у него на глазах выступили слезы.

— Что... «меня», Сидоров?

— Меня никто никогда не расспрашивал о моей жизни.

— А как же вы улицу переходите по пути к столовой? Ведь там такое движение! — Стою на обочине и кричу: «Люди добрые! Люди добрые! Переведите!». Иногда полчаса стою... не все подходят, кому охота на слепого время тратить... А когда кушать хочется... трудно полчаса

ждать. А мне, профессор, раз в день сильно кушать хочется, очень... Все... вкусно. А знаете, профессор, меня однажды один добрый человек в гости пригласил... Ой, как там все вкусно было! Он большой человек — мастером на заводе работает. Сам подкладывал мне в тарелку.

— А-а.

— Он очень добрый человек, мастер этот.

— Так значит вы, Сидоров, все эти четыре-пять дней на полу первого этажа жили?

— Да, профессор.

— Давайте, я вас посмотрю.

Я посмотрел глаза Сидорова. Один его глаз был, как говорится, вырублен напрочь, поскольку в результате неудачной операции почти уже сморщился, представляя собой дурацкую белую горошину, вообще не похожую на глаз. Второй глаз был целым, но слепым. Я думал, думал над возможностью операции на этом «целом» глазу и все-таки решился взяться за него, чтобы попытаться вернуть хотя бы ощущение света... чтобы свет божий видеть. Я, конечно же, не был уверен, что это у меня получится, но... так хотелось помочь этому Сидорову, который все время по жизни говорит «Люди добрые!» и... ни на что другое надеяться не может... Ни на что, ни на что... только на людей добрых.

— Я возьмусь вас оперировать, Сидоров, — тихо сказал я.

— И я буду видеть?!?! — вскричал он.

— Я не Бог, Сидоров. Но я постараюсь, сильно постараюсь. Надеюсь, у меня получится то, что я хочу сделать. Я не уверен... что получится, но я буду стараться... В общем, если вы согласны, я буду оперировать вас в порядке попытки... А дальше уж... как Бог даст.

— А Бог мне даст, профессор! Обязательно даст! Я очень Бога люблю, профессор, и... людей добрых тоже! Почему же не дать?! Почему же?!

Я вызвал медсестру и врача и дал распоряжение, чтобы Сидорова госпитализировали в нашу клинику.

— Эрнст Рифгатович, мест-то нет! Даже коридор весь полон! Куда?! - воскликнул врач.

— Да хоть к потолку подвесьте Сидорова, но госпитализируйте его! — приказал я.

— Постараемся, шеф, постараемся...

— Сидоров, идите вместе с ними.

— Спасибо, профессор.

После этого я долго не мог сосредоточиться. Повлиял на меня все же этот Сидоров. А потом научная мысль потекла, потекла... и я весь ушел в дебри научного поиска.

В двенадцать часов ночи мне повнутреннему телефону позвонил наш профессор Сагит Асхатович Муслимов и сказал:

— Я тут, шеф, в научный раж вошел... Не забудь, когда будешь уезжать, меня забрать, чтобы дежурная машина и меня до дома довезла.

— Ладно, — ответил я.

В два часа ночи я спустился на первый этаж больницы, где располагалась лаборатория профессора Муслимова, завернул по коридору направо и вдруг... увидел на полу спящего Сидорова. Я подошел к нему и грозно спросил:

— Сидоров, вы что ли?

Сидоров, видимо узнав мой голос, тут же вскочил и опять нелепо поправил свой замызганный галстучек.

— Профессор, это вы?! — откликнулся Сидоров.

— Почему вы опять на полу, Сидоров? — строго спросил я.

— Извините, профессор, ваш доктор очень старался найти мне место, но места не было, нигде не было. Он, ваш доктор, даже старался меня на одну кровать с каким-то слепым мужиком

положить... на одну ночь. Но я тут... — Сидоров замолчал и опять поправил свой галстучек.

— Что «тут», Сидоров?

— Но я тут...

— Что «тут»?

— Я тут осмелился сказать доктору, что я бы лучше... я бы лучше...

— Что «лучше»?

— Я бы лучше с женщиной на одну кровать лег, мужик я ведь все-таки...

— Да уж.

— А потом доктор сказал мне, чтобы я подождал. А я не стал ждать, и... я ушел... сюда, где уже ночевал.

— Зачем вы ушли, Сидоров?

— У меня ведь, профессор, тоже... не хочу лишние проблемы создавать, — Сидоров снова поправил свой галстучек.

— М-да.

— Завтра... место... может...

— Дайте руку, Сидоров! — твердо сказал я.

Я взял Сидорова за руку и повел к себе в кабинет. Я усадил Сидорова у себя в кабинете на диван, сходил за дежурной медсестрой Гузель Давлетшиной и сказал ей:

— Гузель! Выгребай, что есть в холодильнике и корми Сидорова! Гузель, имеющая навыки хорошей жены, начала суетиться вокруг Сидорова, подавая ему бутерброды с колбасой и сыром.

А Сидоров ел, с удовольствием ел. Я сидел напротив него в кресле и с удовольствием наблюдал за этим.

— Сидоров, рюмочку выпьете?

— А почему нет, профессор?! Тем более с вами, профессор!

Мы с ним выпили по рюмке. А Сидоров ел, ел и ел. А мне было приятно, очень приятно. Мне хотелось накормить и ублажить весь... слепой мир... особенно одинокий слепой мир. Но я этого не мог сделать... потому что я был всего лишь маленьким человеком... маленьким-маленьким, очень маленьким.

— Гузель, возьми постель и положи Сидорова в моем кабинете, — сказал я.

— Спасибо, профессор, — послышался голос Сидорова.

— А как вас зовут, Сидоров?

— Сидоров.

— А... по имени как?

— Алексеем меня зовут... но все люди меня называют «Сидоров».

— А у вас была жена, Сидо... м... м... Алексей?

— Не успел я жениться, профессор. Ослеп я рано... вот и один.

— А родственники есть?

— Я не хочу от них зависеть, профессор. Они, мои родственники-то, только о деньгах думают. Неуютно мне с ними...

— Вы, значит, Си... м... м... Алексей, в жизни только на добрых людей надеетесь? Так ведь?

— Да... только на них, — Сидоров опять поправил свой замызганный галстучек.

Он ведь, Сидоров, никогда не видел своего галстучка.

— А добрых людей много?

— Много, профессор, очень много. Их больше, чем злых. На них, добрых людях, весь мир и держится. Не на злых же ему держаться, миру-то! Они ведь, злые-то, только о себе думают...

любят они слишком сильно себя, а других людей не любят.

— Вам приятно, когда вас жалеют, Сидоров?

— Жалеют?

— Да, жалеют, Сидоров.

— Жалеют, жалеют... жалеют. Скажу вам прямо, профессор, скажу вам прямо, что всю свою... слепую... жизнь я убегаю от жалости к себе. Не нравится мне это.

— Почему?

— Не знаю, профессор. По твоей человеческой гордости бьет. А гордость она у всех есть, даже у слепых, профессор. Тебе ведь, слепому, тоже хочется другим людям помочь, а не просто себя кое-как обслуживать. Очень хочется, профессор, другим людям помочь, очень!.. Да какой помощник из слепого-то? Советом только иногда можешь чуть-чуть пособить. А опытом своим жизненным не могу поделиться, какой у меня опыт, опыт жизни во тьме, что ли?!

— Да

— Это очень трудно — просить помощи, профессор. Очень хочется самому помочь, очень хочется... Это счастье — помогать другим людям. Мне, профессор, люди добрые помогают... но... но... мне и самому быть... добрым хочется и... помогать людям. Но я мало чего могу, профессор, очень мало, ведь я слепой. Но... но... но...

— Что «но», Сидоров?

— Но если я прозрею, то я буду всегда помогать людям, всегда, всегда, всегда... всегда...

— Спасибо за эти слова, Сидоров.

— Только я не буду жалеть людей, профессор... Я их ругать буду за то, что они требуют жалости.

— Почему, Сидоров?

— Не знаю, профессор.

— Ну что ж, Гузель, уложи Сидорова на диван. Объясни, где находится туалет, где еда, где... Он найдет все сам. Он привык к темному миру, он сам... доехал к нам из Красноярского края... в темном мире. А я пошел домой, ночь уже. Пока.

Через три дня я прооперировал Сидорова. Я, честно говоря, очень сильно старался, душу всю вложил в эту сложную и рискованную операцию. Да и всю операцию мне мерещилось то, как Сидоров по жизни кричит в темноте: «Люди добрые! Люди добрые!».

Вскоре Сидоров начал видеть свет. Всего лишь свет.

— А-а-а-а! — кричал он у меня в кабинете. — Вот он, свет! Вот он! Вот он! Он, по-моему... по-моему... из окна идет. Это окно! Окно! Окно! А-а-а-а! А-а-а-а!

Сидоров очень радовался свету, как ребенок радовался... всего-навсего свету. А я улыбался... и кормил его, Сидорова. А он ел, вкусно ел.

— Оказывается, профессор, свет улучшает аппетит, — сказал он однажды.

— Да уж, — ответил я с улыбкой.

Сидоров никогда не докучал мне. Порой я замечал, что Сидоров мог часами сидеть на диване у дверей моего кабинета и ждать, когда я позову его сам. А я носился то вперед, то назад и, вдруг заметив Сидорова, кидал на бегу: «Привет, Сидоров! Извини, работы до хрена!».

А Сидоров ждал. Он умел ждать. Он двадцать лет ждал света... и вдруг дождался... всего-навсего света. А радости-то было!!! Ведь он, Сидоров, увидел божий свет!!!

Бегая по коридору и видя ждущего Сидорова, я ощущал некоторое чувство неудобства оттого, что я не мог уделить ему больше внимания; ведь у меня было... много больных. Но Сидоров был мне симпатичен, очень симпатичен. Настоящая человеческая гордость чувствовалась в нем. Он был настоящим мужчиной, этот Сидоров, хотя... ему часто приходилось кричать в пустоту вокруг себя: «Люди добрые! Люди добрые!». Но это не умаляло его

достоинства, ведь только сильный мужчина может сказать: «Люди добрые!» или «Дорогие мои!»; а плюгавенький и никчемный мужичишка будет вопить от негодования и требовать, как положенного, помощи, истязая родственников, которые им... должны помогать.

— У вас, Сидоров, друзья-то есть? — спросил я его однажды.

Есть... но у них свои семьи, — ответил он. — Я не хочу им докучать. Я даже им иногда помогаю деньгами... Я ведь могу... — чуть-чуть... Наступило время выписывать Сидорова. Я отдал распоряжение, чтобы ему заранее (за наши деньги!) купили билет, посадили на автомобиль и отвезли на вокзал, доведя до места в вагоне. А также я попросил своих секретарей купить побольше колбасы (копченой!), сыра, хлеба, овощей, печенья, пряников и заварки, сложить это все в одну коробку и отдать это все Сидорову, чтобы он мог поесть во время длинного пути до Красноярска.

Все было готово. Но... Сидоров исчез. Исчез, да и все.

— Шеф! — оправдывался передо мной лечащий врач. — Я ему все сказал. Все. Я сказал, что мы ему купили продукты на дорогу, что довезем его... А он, Сидоров, ушел... сам... Не привык он, шеф! Не привык... чтобы у него по-человечески было... не привык.

— Почему не проследили?! Почему?! — закричал я.

Я так орал, так орал... что, по-моему, дрожали стены больницы!

Мне было не по себе и грустно. Мне так хотелось, чтобы у этого Сидорова хоть раз в жизни было... по-человечески, то есть так, как и должно быть, вообще-то... когда люди помогают друг другу... просто так... от души... исходя из принципа, что все люди должны, прежде всего, любить друг друга. Но Сидоров привык к тому, что мир жесток и... привык к тому, что в этом мире он — обделенный зрением — нужен только очень маленькой прослойке людей, которых он называл красивым словосочетанием «Люди добрые!». Вот и ушел Сидоров, боясь того, что ему, Сидорову, станет слишком хорошо на душе от внимания, уважения и доброты к нему, ведь так было трудно поверить... невозможно поверить... в то, что во всем мире живут только добрые люди, которых... ой, как мало еще на свете. Для него, Сидорова, жестокий мир был привычнее, а многие обиды — обыденными и само по себе разумеющимися. Он, Сидоров, боялся, прежде всего, жалости к себе, той жалости, которая расслабляет тебя — неполноценного и превращает в своеобразного энергетического вампира, который не может жить без этой «вкусной» энергии жалости и заставляет тебя, несчастного, взывать и взывать к жалости, чтобы люди, сплюнув, подошли к тебе и погладили по спине, выговорив несколько слюнявых слов. Он, Сидоров, подсознанием, конечно же, понимал разницу между жалостью и состраданием, понимал, что сострадание исходит от всего сердца, а жалость есть проявление этикета по типу «игры в доброго человека». Он, Сидоров, боялся, чтобы жалость не ужалила его, больно ужалила, так ужалила, после чего можно и не встать больше. А он хотел жить, этот Сидоров, пусть неполноценно, но жить. Более того, жизнь Сидорова сейчас наполнилась светом... поскольку он начал видеть свет. Вот и ушел Сидоров в свою новую... светлую... жизнь.

Как глазной врач я знал, что ощущения света далеко недостаточно для ориентации в пространстве. Я понимал, что Сидоров, щупая стены, дошел до выхода из нашего глазного Центра и оказался на улице, залитой белым светом... и ему опять пришлось кричать: «Люди добрые! Люди добрые!» и осознать, что присутствие вокруг «людей добрых» даже оказывается важнее, чем белый свет.

Я хотел было начать представлять то, как Сидоров покупал билет, как ехал в поезде и многое тому подобное, но не стал делать этого, я испугался, что из меня «попрет» энергия жалости, которая была так не нужна ему — Сидорову.

Я позвал секретарей и сказал им:

— Девочки! Найдите историю болезни Сидорова, выпишите оттуда его адрес и пошлите ему

в виде посылки те продукты, которые мы купили ему в дорогу. Проверьте только, точно ли колбаса копченая, а то протухнет. Если она слабокопченая — купите «Салями».

Секретари ушли выполнять указание. А я радовался тому, что Сидоров начал видеть свет. И тут... я вспомнил «Храм Счастья», который видел в Японии.

Храм Счастья

Однажды мы с моим другом Юрием Ивановичем Васильевым (которого Вы, дорогой читатель, наверняка помните по первому тому этой книги) поехали в Японию по приглашению фирмы «Такаги», которая хотела изготовить... японскими руками(!)... аппарат, изобретенный нами с Юрием Ивановичем, которого они уважительно называли Васильев-сан.

Это было в 1988 году. Васильев-сан, конечно же, до безобразия разволновался, впервые в жизни увидев чужую страну, да еще и такую как Япония, где все беспрестанно кланяются друг другу, когда каждый кланяющийся старается поклониться кланяющемуся последним и ни за что не допустить того, чтобы тебе, кланяющемуся, поклонились, а ты ушел, не поклонившись. Васильев-сан, округлив глаза, смотрел на то, как японцы, напоминая «Ванек-встанек», кланялись друг другу, и улыбка растягивала его щербатый русский рот, наводя благость на его чистую душу. Васильев-сан «балдел» в этой доброй стране. Ему было хорошо. Да и словосочетание «Васильев-сан» нравилось ему.

Васильев-сан курил сигареты «Вега» одну за другой и ничего не мог поделать с собой, — курить хотелось... от волнения-то. На предложения японцев покурить сигареты «Mild Seven» Васильев-сан мотал головой и, достав из мягкой пачки сигарету «Вега», гордо выпускал в лица японцев непривычный для них «навозоподобный» дым. А японцы, несмотря на это, обожали Васильева-сан и восклицали «У-у-у!», когда он выдавал свои технические идеи и... даже, вроде как, привыкли к запаху вонючих сигарет «Вега». Они, японцы, однажды даже предложили Васильеву-сан филиппинскую проститутку, но Васильев-сан гордо отказался, не желая нарушать советские принципы жизни и считая, что КГБ даже в Японии может засечь его, Васильева-сан.

В общем, повезли нас в Японии в город Нагано. Когда мы с Васильевым-сан пошли по улицам этого города, я обратил внимание на то, что плитки на тротуарах неровные, из-за чего идти было не очень удобно.

— Почему у вас плитки на тротуарах неровные? — спросил я у японцев.

— А у нас в городе один процент составляют слепые люди, — ответили японцы. — Поэтому мэр города Нагано и позаботился о них.

— Как так?

На тротуарных плитках на расстоянии шага друг от друга мы сделали продолговатые выпуклости, чтобы слепые люди, осязая их через подошву, могли знать направление хода. А на перекрестках мы положили плитки с круглыми выпуклостями, чтобы слепой человек мог... через подошву... понять, что здесь поворот. Да и звуковые светофоры сделали. — Ничего себе! Какая забота о слепых! — удивились мы с Васильевым-сан.

— Но их ведь, слепых-то, целый один процент от всего населения города! — тоже удивились японцы.

— Но ведь зато зрячим ходить неудобно! Неровности везде под ногами!

— Зрячие люди потерпят, — ответил один из японцев, — они и так счастливы, — они видят свет.

— Да уж, — только и ответили мы.

А потом японцы хитро переглянулись и предложили нам с Юрием Ивановичем Васильевым посетить Храм Счастья.

— Что это такое? — спросил я.

— Увидите, — ответили они.

Мы по неровным тротуарам подошли к довольно обычного вида храму буддистского типа.

— Это Храм Счастья, — сказал один из японцев.

— А-а, — ответил я.

— Вы здесь поймете, что такое Счастье.

— Как?

— Увидите.

— Нас подвели к входу в храм и сказали, что сейчас мы спустимся в подземный лабиринт, по которому будем долго идти в темноте, нащупывая на правой стороне стены лабиринта дверь. Если мы нащупаем эту дверь и откроем ее, то увидим, что такое Счастье. Страшновато что-то, шеф, счастье в темноте-то нащупывать! — сказал Юрий Иванович Васильев.

— Ничего, Юра, пойдём!

Мы спустились в лабиринт. Кромешная тьма окутала нас. Мы пошли вдоль правой стены, тщательно прощупывая каждый сантиметр.

— Эх, шеф, надо было спички втихаря с собой взять! — послышался сзади голос Васильева-сан. — Отобрали ведь спички и сигареты при входе в храм. А втихаря оставить мы не догадались.

— Да-а... уж! Как в могилу спустились... в этот лабиринт... Храма... м... м... Счастья!

— Да уж.

Мы все шли и шли вперед, все щупали и щупали правую стену. Было такое ощущение, что время остановилось. Сзади послышался голос Юрия Ивановича:

— Шеф, а может назад повернем, а?!

— Давай, Юра... м... м... лучше вперед. Где наша не пропадала! Авось и счастье найдем. Щупай лучше правую стену!

Через какое-то время сзади опять послышался голос Юрия Ивановича:

— Как бабу щупаю эту стену-то! А двери Счастья все нет! Шеф, а может они все это выдумали, японцы-то?!

— Щупай, Юра! Как бы не пропустить!

Еще через какое-то время Юрий Иванович снова прокряхтел сзади:

— Ни зги не видно, а! Кромешная тьма! Черным-черно вокруг! Ужас какой-то! Шеф, а мне страшно! Ты где, шеф, а? Ау-у!!!

— Я здесь, — отозвался я спереди.

— Где?

— Здесь.

— Ой! Шеф, я в твою спину вмазался носом! А чо у тебя спина-то такая жесткая?!

— Не знаю.

— В Японии темнота гуще, шеф, точно тебе говорю. В миллиметре ничего не видно! А нос-то у меня, шеф, длиннее, чем миллиметр

— Да вообще-то.

— Ты чо-нибудь нащупал, шеф? Ничего пока.

— Я тоже.

— А-а.

Еще через некоторое время голос Юрия Ивановича, раздававшийся сзади, приобрел совсем уж тревожные нотки:

— Шеф, что это за Храм Счастья такой, а?! Это не Храм Счастья — это Храм Темноты какой-то.

— Да уж.

— Шеф! Я совсем охренел от темноты. Мне видеть хочется, шеф!

— Мне тоже.

— Ты чо-нибудь видишь, шеф?

— Нет.

— Я тоже, шеф! Ты хоть насвистывай, шеф, чтоб хоть какая-нибудь жизнь пробивалась!

— Не хочется.

— Мне тоже... не до этого.

— А-а.

Еще через некоторое время Юрий Иванович уже застонал:

— Шеф! Извращенцы они, японцы-то!

— Почему?

— Чо они, темноту за счастье воспринимают что ли?

— Вряд ли.

— Шеф, ты чо-нибудь все-таки нащупал на правой стене?

— Ничего, Юра.

— Я тоже. Показалось мне один раз, правда, но, по-моему, я кусок штукатурки отколупал... не дверь к Счастью это была.

— А-а.

Мы продолжали шагать в полной темноте, жуткой крошечной темноте. Сзади снова раздался голос Юрия Ивановича Васильева, имеющий уже панические оттенки:

— Шеф! А тебе не кажется, что мы к центру Земли спускаемся?!

— Это вряд ли.

— А там ведь ад! Точно, шеф, ад там.

— А-а.

— Может, повернем обратно, а?

— А вдруг нащупаем, Юра?!

— Ничего мы не нащупаем, шеф... а в ад спустимся. Вот счастье-то будет... там оказаться!

Ну пошли обратно, шеф, а!

— Еще немного пройдем, Юра!

— Какого хрена спички не взял с собой, а?! И ты, шеф, об этом не подумал!

— Да уж.

Еще через какое-то время Юрий Иванович совершенно обреченно сказал:

— Все, шеф, мы кажется уже в аду!

И в этот момент впереди мы увидели лучик света. От удивления мы опешили и остановились, не веря своим глазам.

— Свет что ли? — прохрипел Юрий Иванович.

А потом мы как рванули навстречу свету! Да так рванули, что остановить нас было невозможно.

Свет все приближался. А мы все быстрее и быстрее бежали ему навстречу.

Наконец мы вышли на поверхность земли. Нас встретил японский монах и испытующе, через нашего переводчика, стоявшего там же, тихо спросил:

— Поняли, что такое Счастье?

Мы с Юрием Ивановичем Васильевым так и остались стоять, широко раскрыв не только глаза, но и разинув рты.

— М... м... да уж, — проговорил Юрий Иванович.

А мне вспомнился Сидоров, который тоже наконец... увидел свет... всего-навсего... Божий Свет.

Финальный — сантехнический этюд

— Шеф! — раздался голос завхоза. Докладываю. Трубы поставили, совковые лопаты отнесли квартальному и он, квартальный, пьяненький, конечно, даже воду уже подключил и... ты веришь, шеф???

— Что?

— Не течет нигде.

— Что значит не течет? И из кранов тоже что ли? — не понял я.

— Из дыр не течет. В смысле — протечек нет!

— А в кранах-то вода есть? Есть, только ржавая пока...

— Ну, это не беда, — я удовлетворенно улыбнулся.

— А еще знаешь, шеф, что? — завхоз интригуяще посмотрел на меня.

— Что?

— Никогда такой чистоты в подвале не было! Потоп помог нам чистоту навести! Я понял, шеф, почему Всемирные Потопы на свете бывают — чтобы чистоту на Земле навести! Без Потопов все бы в дерьме потонуло.

— М-да.

— А Олег, шеф, сантехник-то, говорит, что больше никого в подвал отмечаться не пустит; пусть, говорит, хоть на площади отмечаются, — стыднее будет... Ведь они, отмечающиеся, под культурных канают, маску благопристойности на себя надевают, делают вид, что дерьмо в них не кипит. А оно кипит, шеф, и докипает до такой температуры, что аж зад печет. Знаешь, что такое отметиться, шеф?

— Что?

— Это сказать — вот это я!

— Как так?

— В каждом человеке, шеф, дерьма больше, чем хорошего. Поэтому люди и отмечаются дерьмом, шеф, а ничем-нибудь иным. Могли бы, например, отмечаться, оставляя в подвале подарок или еду... печенье, например. Нет ведь, дерьмо оставляют... с мочой вперемешку. Ох, шеф, далеко нам до культуры еще, далеко! Борьбой с дерьмом можно назвать культуру-то!

Я задумался над этими словами. Грустно как-то стало.

— Чо, шеф, замолчал-то? — раздался голос завхоза.

— Да так, как-то... Давай, зови всех сюда! Выпьем по рюмке зато, что... устранили потоп... Всемирный. м...м...! — предложил я.

— Шеф! Опомнись! Ведь они, сантехники-то, все в дерьме... м... м... вонять будет... особенно от Олега...

— Зови! А то... слишком чистеньким становлюсь!

— Как скажешь, шеф!

Вскоре в веселой компании сантехников мы пили водку из хрустальных рюмок и закусывали колбасой с хлебом. Я ухаживал за всеми. Особенно счастлив был Олег. Чокаясь с ним, я взглянул в его глаза, — они были чистыми-чистыми.

«Как важно осознать дерьмо, чтобы самому не стать им» — подумал я.

А потом, когда ушли сантехники, я мыл рюмки под краном уже почти не ржавой водой. На душе, почему-то, было хорошо. И тут я вспомнил одну маленькую историю.

Дермооборот Михалыча в природе

Шли мы однажды походом по Северному Уралу. Дождь моросил каждый день, хмарь на душу навевал. Ржавые моховые болота лежали на пути, по которым мы шли как по перине, высоко задирая ноги. Тяжелые рюкзаки мотались на спине, вдавливая нас в болото.

— У-ух! — вырывалось иногда из груди кого-нибудь.

Чаще всего слово «У-ух!» произносил некий Михалыч, который и во время похода старался сохранять (с дурасти!) свой вегетарианский образ питания.

Как-то мы скинули рюкзаки посреди мохового болота в том месте, где в диком изобилии росла голубика. Мы легли на рыжий мох и, не желая даже двигать руками, стали лежа ртом есть голубику. А ее, голубики, было так много... так много... Особенно жадно ел голубику Михалыч. Он просто поглощал ее, порой, по-моему, даже пережевывая стебли.

— Э-эх! — промычал он однажды, ощущая радость вегетарианца, — пожить бы на этом ягодном болоте месяц или два, и есть и есть голубику, чистую голубику, в которой нет всяких там животных жиров или белков. Вот здоровье накопить можно было бы, а!

— Но ты, Михалыч, был бы здесь не один, — Венер Гафаров показал на огромную кучу медвежьего помета.

Михалыч как-то вдруг всполошился и глуповато-радостно сказал:

— А я бы с ним подружился, с медведем-то, и мы бы с ним, медведем, паслись на этой голубичной поляне, кидая друг на друга ласковые взгляды и кушая голубику.

— Паслись бы, значит? — переспросил Венер Гафаров.

— Паслись бы, а чо? — проглотив очередную горсть голубики, сказал Михалыч.

— Паслись бы, значит, — зловеще повторил Венер Гафаров.

— Паслись бы, — гордо кивнул Михалыч, чувствуя, что Венер замышляет что-то каверзное.

— Скажи, Михалыч, а ведь рано или поздно наступит осень, начнет падать снежок и... придет время медведю ложиться в берлогу?

— Ну... придет такое время, — выдавил из себя Михалыч.

— А как только придет это время, медведь скажет тебе, Михалыч, мирно доедающему остатки пожухшей голубики на моховом болоте, следующее: «Я съем тебя, Михалыч! Наступило время ложиться в берлогу и сосать лапу!».

— Медведь такого никогда не скажет!!! Он будет моим другом! — негодуяще воскликнул Михалыч.

— Будет именно так, — насупился Венер Гафаров, — ему, медведю-то, запас мяса на зиму нужен... а тут ты... «друг»... пасешься на голубичной полянке. Чо не съешь-то тебя, Михалыч?!

— Дружба превыше всего! — нелепо проговорил Михалыч.

— Дружба дружбой, а мясо мясом! — расставил точки над «i» Венер Гафаров.

— М... м... — Михалыч насупился.

— Но медведь успокоит тебя, Михалыч!

— Он скажет тебе: «Не расстраивайся Михалыч! Я тебя весной... выкакаю... на прекрасной брусничной полянке и ты опять будешь лежать под прекрасным весенним солнцем».

— Да-а-а, — выдавил из себя Михалыч.

И тут Венер Гафаров произнес странный монолог:

— Михалыч почувствовал, что мощные челюсти медведя стали перемалывать его шейные позвонки, а вслед за ними и другие части его тела. Ощущение хруста прошло в желудке, где на Михалыча полились струи соляной кислоты, которая стала размягчать раздробленное зубами и проглоченное тело Михалыча. Противно было ощущать размягчение своего тела, пусть не цельного, но тела... в желудке этого... предателя-медведя. Дальше размягченные куски тела Михалыча перекечевали в тонкий кишечник медведя, где Михалыч вдруг почувствовал, что и без того мягкие куски его тела начали распадаться на молекулы и уходить в кровь... этого предателя, который уже, наверное, сосал лапу. Но усилием воли Михалыч собрал себя в комок и остатками своего тела перекечевал в толстый кишечник. В толстом кишечнике было скучно, вокруг лежали кучи дерьма, но... шаг за шагом, миллиметр за миллиметром Михалыч продвигался к заветной цели — заднепроходному отверстию.

— Хватит, может, а?! — перебил Венера Михалыч, лежа на моховом болоте среди голубики.

— Дослушай! — невозмутимо сказал Венер. — Итак, весной медведь выполнил свое обещание, — он выкакал тебя, Михалыч, на прекрасной брусничной полянке в виде довольно большой кучи дерьма. Светило солнце. И вдруг Михалыч почувствовал снизу толчки. Толчки все усиливались и усиливались. И тут Михалыч понял, что через его... уже дерьмовое тело... пробивается росток бруснички. Брусничка росла, росла, стала превращаться в брусничный кустик, а... дерьмовое тело Михалыча уменьшалось и уменьшалось, переходя своими дерьмово-телесными субстанциями в кустик бруснички. Вскоре наступило время, когда в Михалыче совсем не осталось дерьма, — оно все переработалось и превратилось в прекрасный кустик бруснички. Михалычу было очень хорошо, когда он, освободившись от своего «дерьмового» тела, рос под лучами холодного северного солнца. А через некоторое время Михалыч почувствовал, что на его... уже брусничном теле... появились выпуклости, — это росли ягоды брусники, прекрасной и вкусной брусники. Ягоды росли, росли и вскоре созрели. Более вкусных и аппетитных ягод никогда не вырастало на свете!

— Спасибо, что хоть что-то хорошее сказал, — выдавил из себя Михалыч, совсем погрузившись одним локтем в моховое болото, а другой рукой отгоняя комаров.

— Но тут пришел олень, — продолжал философствовать Венер Гафаров, — и съел брусничный кустик вместе с корнем.

— Меня что ли? — спросил Михалыч.

— И опять, — продолжал говорить Венер Гафаров, — Михалыч вошел в ротовую полость животного, на этот раз оленя, опять подвергся процессу пережевывания, опять перекечевал в тонкий кишечник, где его тело начало распадаться на молекулы и атомы и... опять добрался до толстого кишечника, откуда было уже недалеко до заветной жизненной цели — заднепроходного отверстия, чтобы почувствовать белый свет и понять, что ты не всегда бываешь... дерьмом.

— Да уж, — прокряхтел Михалыч.

— Так начался... м... м... оборот Михалыча в природе.

— Какой такой оборот? Говнооборот меня в природе что ли? — переспросил Михалыч.

— Ну, зачем так грубо?! — заметил Венер Гафаров. — Можно сказать мягче — дерьмооборот Михалыча в природе. Ведь мораль всей басни такова...

— Какова?

— Один раз превратишься в дерьмо, больше человеком не станешь.

— Ты что, Венер, считаешь меня?..

— Ты извини, Михалыч, не о тебе напрямую шла речь, просто к слову пришлось, — проговорил Венер Гафаров.

Вспомнив эту историю, я снова взялся за свою желтую авторучку и подумал о том, что человек порой и не замечает, как он легко превращается в дерьмо, и всю череду его будущих жизней тогда можно назвать... дерьмооборотом (кого-либо) в Природе... только оттого, что всего лишь один раз он позволил себе превратиться в дерьмо... всего лишь один раз...

Стержень авторучки

Я внимательно-внимательно посмотрел на свою желтую авторучку... и понял, что главным средством против превращения тебя в дерьмо является все же... любовь, та самая любовь, о которой судачат на каждом углу.

Я стал делать беглые записи о любви, сумбурные какие-то записи, нелепые... как моя желтая авторучка; и вдруг... стержень моей желтой авторучки кончился. А мне показалось, что кончилась любовь.

Я позвонил дежурному водителю и позвал его к себе.

— Черт побери! — вздохнул я.. — Фарит! Тап эле минэ сары авторучка-ны! (Фарит! Разыщи мне желтую авторучку!) — сказал я ему по-татарски.

Шел двенадцатый час ночи.

— Кайдан табай-ым, сон, бит?! (Откуда найду! Поздно, ведь!), — удивился Фарит.

— Кайдан булса да, тап! (Где угодно, найди!) — проговорил я тоном, не терпящим возражений.

Фарит уехал искать желтую авторучку по ночным киоскам города. А я сидел, как последняя сволочь и... ждал, когда водитель Фарит привезет мне желтую авторучку... ночную желтую авторучку. Мне почему-то хотелось держать ее в руке.

Минут через сорок открылась дверь и послышался голос Фарита:

— Эрнст Рифгатович! Сары авторучкалар юк! Мин стержен-ны сатып алдым. Аны бит сары авторучкада алыштырып була! (Эрнст Рифгатович! Желтых авторучек нет! Я стержень купил. Поменять его можно в желтой авторучке!) — доложил сообразительный Фарит.

— Ярар (ладно)! — сказал я и взял у Фарита стержень.

Стержень... без желтой авторучки. Я вынул старый стержень из желтой авторучки и вставил туда новый стержень. Он, этот новый стержень, быстро расписался и стал писать прямо-таки как старый стержень.

"Не всегда в жизни надо обновлять все! Можно обновить только стержень, а оболочку оставить старой!" — подумал я.

А потом, с удовольствием почиркивая новым стержнем в старой желтой авторучке по огрызку бумаги, я стал думать о том, что, наверное, не так уж и важно иметь старую или новую любовь, но важно иметь ее в душе всегда.

— Надо всегда в душе иметь любовь! — шепотом проговорила. — Это так важно! Так важно!

Я откинулся на стуле и тут осознал, что дело не в оболочке, а в стержне. Оболочка может быть и дерьмовой, но вот, если стержень будет дерьмовым, то... писать будет невозможно. И как не везет тем людям, когда новый стержень оказывается дерьмовым! Ну, а если устроить самый натуральный «стержнеоборот в природе», то поиски идеального стержня вряд ли приведут к успеху, потому что все стержни пишут примерно одинаково, а законы «оборотов» в Природе чаще всего сводятся к «дерьмообороту», поскольку в Природу, Великую Природу, заложен принцип не оборотов, а принцип восходящей спирали... когда ты, обычный земной человек,

взяв, например, в руки... желтую авторучку с новым стержнем, начнешь записывать для людей такие стержневые мысли, прочитав которые люди... пусть в мыслях... пусть в мечте... поднялись бы на новый уровень развития по спирали, через какое-то время поняв, что все начинается с мысли. А мысль, извините, материальна. Я почесал свой почти лысый затылок, ощутил его противную гладкость и, слегка комплексуя от не очень красивой части моей «оболочки», понял, что «дерьмообороты» имеют, наверное, обратную спираль, то есть спираль, спускающуюся вниз. Я вспомнил шуточный разговор Венера Гафарова с Михалычем и, похлопав веками, осознал, что и в самом деле, ведь, Михалыч, один раз превратившись в дерьмо в утробе медведя и... будучи выложенным в виде куска дерьма на лоно Природы, в последующем «дерьмообороте» через утробу оленя, съевшего брусничку (выросшую на дерьме медведя), имеет в себе уже значительно меньше дерьма, а... в последующем «дерьмообороте» (например, через утробу мыши) будет иметь в себе совсем мало дерьма и, в конце концов, «дерьмо-оборот» за «дерьмооборотом», превратится в чистейшее духовное существо, которое поймет, что в будущем никогда нельзя допускать того, чтобы твой стержень стал дерьмовым (независимо от состояния оболочки!), поскольку, если твой стержень стал дерьмовым, рано или поздно начнется фатальный дерьмооборот тебя в Природе, очищающий, кстати, тебя (дурака!) путем сведения тебя в нуль, чтобы опять тебе (дураку!) стартовать с нуля... из-за твоей дурости.

Поэтому, мне кажется, так важно ощутить свой стержень в себе самом и использовать «чернила» этого стержня во имя своего собственного духовного прогресса, чтобы прогрессировать и прогрессировать (духовно!) до той стадии, когда твой стержень исчерпает свои «чернила» и наступит время менять старый стержень на новый в виде... новой жизни, в которую так важно вступать на более высоком обороте спирали, при вхождении в которую вы увидите, что стержень Ваш стал толще и... «чернил» в нем стало больше.

Ну, а если вы так и прочиркали по огрызкам бумаг всю свою жизнь и израсходовали на это весь свой стержень, то... наверное, все так и останется по-прежнему в будущей жизни. А если вы водили кончиком стержня по дерьму, рисуя на нем узоры, то, поверьте, что в следующей жизни ваш стержень станет тоненьким-тоненьким и будет гнуться (когда вы будете писать), в какую бы толстую «оболочку» вы не вставили этот тонюсенький «стержень».

Я потрогал свое левое ухо. Оно было большим и, как локатор, повернутым кпереди. Я потрогал свое правое ухо — оно тоже было «локатороподобным». В общем, лопухим я был... и есть.

— Может быть уши, направленные вперед, есть признак прогрессивного человека, стремящегося вперед? — подумал я.

Я отогнул левое ухо назад и отпустил его. «Шлеп!» — раздалось около уха и оно, ухо, встало на свое лопухое место. Я отогнул правое ухо, и оно тоже со звуком «Шлеп!» встало на свое привычное... лопухое... место.

Я, как врач, понимал, что лопухость не является признаком красоты и, тем более, ума. Мне даже обидно стало за то, что моя душа не хотела осознать значимость ушей, направленных вперед... как у меня. Я вспомнил, что в ходе своей хирургической жизни, я исправлял лопухость у многих людей, то есть возвращал уши в «культурное» состояние. Но я также припомнил, что от этого люди с «уже культурными ушами» умнее не становились. Я бы даже сказал, что шарм у них (лопухий!) пропадал и... стремления вперед (к вершинам...) убавлялось. Да и «локаторы» свои они стали к говорящему (шепотом, например) человеку поворачивать... вместе с головой, принимая позу слушающего одним ухом человека, когда он на тебя косит глазами и подставляет под звуки (издаваемые тобой!) одно из «культурных» ух, то есть ушей. Лопухому-то (типа меня!) лучше, — он сразу два уха подставляет и прямо в глаза смотрит, а не

косит. Удивительно, вообще-то, почему же не все люди лопухие?

Видимо, все-таки, потому, что Бог, создавая человека, сделал акцент на том, что главными органами чувств человека являются не уши (даже лопухие!), а... глаза. Ведь именно через глаза человека видна любовь, без наличия которой в «стержне» никакие «чернила» писать не будут, да и уши будут слышать не то, что надо... даже лопухие.

Глаза любви

Начав думать о любви, я вдруг захотел взглянуть в глаза, в которых хоть в какой-то степени можно было бы воочию увидеть эту самую любовь.

— Где такие глаза найти-то, а? — подумал я. — Ведь все с пустыми глазами ходят, в которых аж самая натуральная пустота космоса вырисовывается!

Я думал, думал на эту тему и, несмотря на то, что было очень поздно, решил обзвонить посты наших дежурных медсестер. Я, как директор медицинского учреждения, знал, что ночным медицинским сестрам не полагается спать, но я также хорошо знал, что они, когда нет тяжелых больных, спят ночью как сурки, что их пушкой не разбудить, но... на телефонные звонки реагируют четко, деланно бодрым голосом тут же отвечая (даже не открыв глаза!): «Да! Дежурная медсестра слушает!».

Я понимал, что выбрал далеко не самое лучшее время для того, чтобы рассмотреть в глазах наших сестер хотя бы элементы любви. При этом я очень боялся, что разбуженные ночные медсестры подумают о том, что шеф, засидевшийся до позднего времени, хочет... м... м... воспользоваться своим служебным положением. — Я вполне четко осознавал, что попадаю в глупое положение, но мне так хотелось взглянуть в глаза проснувшихся медсестер на предмет присутствия там... ночной любви. При этом я вполне реально относился к себе, осознавая, что я — подернутый возрастом идостаточно неказистый экземпляр мужского пола с лысиной и лопухим состоянием ушей — вряд ли могу быть «экземпляром для любви». Но я хотел видеть в глазах проснувшихся медсестер не любовь к себе, я хотел видеть Любовь вообще, хотел видеть ее философски... эту самую Любовь. Страстно, почему-то, хотел ее увидеть.

Набравшись наглости, я позвонил на один из медсестринских постов и, не узнав по голосу, кто со мной говорит, важно потребовал, чтобы ко мне пришли три медсестры сразу.

Я прождал минут десять, понимая, что девушки красятся спросонья, а потом стал негодовать — что их так долго нет?!

Наконец, открылась дверь, и бодренький голос весело спросил:

— Какие указания будут, Эрнст Рифгатович? Я слегка опешил.

— Подойдите ко мне! Я хочу посмотреть Вам в глаза! Все трое подошли и уставились мне в глаза.

— Мы что-то не так сделали? — спросила одна из медсестер.

— Да нет! Все хорошо. Смотрите мне в глаза, вот и все, — ответил я, вглядываясь в их свеженакрашенные глаза. — Я хочу рассмотреть в ваших глазах Любовь! Не ко мне! Нет! А просто Любовь... есть ли она? Извините меня за то, что я вас вызвал для этого!

— Да что Вы, Эрнст Рифгатович! Смотрите на здоровье!

И я смотрел. Внимательно смотрел. И... среди трех пар глаз мне больше всего понравились глаза Светланы Аллаяровой, — что-то глубинное было в них.

— Девчонки! Идите и поставьте чай! А ты, Света, останься... минут на пять... и... смотри мне в глаза!

— Как скажете, Эрнст Рифгатович!

Я пристально уставился в глаза Светы Аллаяровой. Она, конечно же, смущалась, но приказ директора — смотреть в глаза — выполняла четко, будто бы это была ответственная медицинская процедура.

— Приказной взгляд... Приказной взгляд... — пробормотал я.

— Чего? — переспросила Света.

— Да так, — ответил я.

Я опустил глаза. Вообще-то говоря, я смущался, понимая, что приказ смотреть мне в глаза (директору!) звучит, по меньшей мере, глуповато и некорректно. А она, эта Света Аллаярова, исполняла приказ — смотреть в глаза. Да и трудно что ли, смотреть в глаза-то — смотри, да и все?!

Я, как глазной хирург, мог бы, конечно, пригласить на «просмотр глаз» какую-нибудь старушку из Сибири, но боялся того, что вездесущая в пожилом возрасте катаракта будет мешать мне вглядываться в *глубины* зрачков и будет подталкивать к профессиональному экстазу удалить (ко всем чертям!) эту катаракту. А пригласить на «просмотр глаз» мужчину я опасался, боясь, что мой пристальный взгляд не так поймут.

Короче говоря, я логическим путем дошел до того, что Любовь, да еще и Всеобщую Любовь, лучше всего «высматривать» в глазах молодых девушек, в частности, в глазах... дежурных ночных медсестер.

Я, естественно, осознавал, что вглядываться в глаза сразу трех дежурных медсестер трудновато из-за того, что моя пара глаз, мечущаяся по трем парам глаз, будет выглядеть блудовато. Поэтому я решил смотреть только в одну пару глаз, доставив удовольствие «двум другим парам» заваривать чаек и пить его с печеньем, вкусным печеньем производства уфимской фабрики «Конди».

В общем, смотрел я в наиболее молодую пару глаз — глаза Светы Аллаяровой, не давая ей возможности попить чая с вкусным печеньем (которое я, кстати, терпеть не могу). А она, Света Аллаярова, смотрела мне в глаза, как я велел, — куда деваться-то?! Я очень хотел разглядеть присутствие Любви (Всеобщей Любви! Врожденной Любви! Общечеловеческой Любви! Любви к людям вообще!) в глазах этой девушки, которая дежурила сегодня ночью и которая волей судьбы была вынуждена смотреть мне в глаза.

Глаза ее были голубыми-голубыми. Вглядываясь в глубину ее зрачков, я даже прищурился.

— Вы что щуритесь, Эрнст Рифгатович? Что-то не то? — озадачилась Светлана.

— Да нет, — уклончиво ответил я.

— А-а, — проговорила она.

А я все продолжал вглядываться в ее глаза. Ужасно пристально смотрел в них. А Света удивительным образом выдерживала этот исследовательский взгляд.

Ничего в ее глазах я, конечно же, не высмотрел, — обычный объект для глазных операций. Но зато я что-то почувствовал; какой-то поток чувств исходил из ее глаз и воздействовал на меня — «исследователя глаз».

— Так ведь глаза — это орган чувств! — про себя воскликнул я, продолжая смотреть в глаза терпеливой Свете. — Главный орган чувств!!! Главный орган Чувств!!! Глаза созданы не только для того, чтобы видеть, но и для того, чтобы чувствовать!

От этой мысли мои глаза, по-моему, забегали по сторонам, дав возможность Светлане хоть чуть-чуть отдохнуть от моего сверляще-исследовательского взгляда.

— Так, так, так, так, — прошептал я.

— Чего? — переспросила Света.

— Да так. Продолжая смотреть в глаза Светланы, я постепенно стал осознавать, что чувства, выделенные медициной и определяемые как осязание, обоняние, вкус, слух и зрение

вряд ли могут исчерпать всю гамму чувств, которую мы испытываем каждый день и каждую минуту, особенно, когда смотрим друг другу в глаза. О, как, наверное, многообразен Мир Чувств!

О, как загадочны эти Чувства, обладающие такой великой силой, что в угоду им, чувствам, вопреки логике, порой рушатся цивилизации, свершаются войны, распадаются крепкие семьи и делается многое-многое такое, что, на первый взгляд, кажется глупым и неестественным! Мощной и таинственной энергией веет от этих самых чувств. Энергия чувств, проявляющаяся обычно в виде легкого и приятного щемления в груди, может нежданно-негаданно превратиться в тяжелый внутренний напор, противостоять которому порой почти нет возможности даже в том случае, если твой поступок, вызванный приливом чувств, является тупым и идиотским. Сила рассудка или логической мысли не может противостоять Силе Чувств. Чувства сильнее логической мысли! Почему?

— Почему? Почему? Почему? — начал приговаривать я почти вслух, стараясь найти ответ в глазах Светланы.

— Чего почему? — переспросила Света.

— Не знаю, — ответил я.

Я искал в ее глазах, именно в ее глазах, ответ на вопрос о том, почему чувства чаще всего оказываются сильнее логики и почему всегда надо прислушиваться к своим чувствам. Я не знал этого. Но очень хотел знать.

Я не сводил взгляда с глаз Светы и даже не чувствовал бесстыдства этой процедуры — рассматривать что-то в ее глазах. В общем, короче говоря, бесстыдства я не чувствовал и даже не думал о нем, о бесстыдстве-то. Я думал о другом, а именно о том, что в Океане Чувств, который окружает нас, должно быть одно главное чувство, вокруг которого упорядоченно выются другие чувства в виде каких-то особых видов энергий.

— Так, так, так, так, — опять проговорил я.

— Чего? — опять переспросила Света.

— Да так, — опять ответил я.

И тут я вспомнил, что знаменитый Бонпо-лама говорил мне, что легендарную энергию пяти элементов можно привести в действие только Чувствами. Помню, я страшно удивился, поскольку понятие «чувство» ассоциировал, например, со вкусом, сопоставимым со вкусом того дурацкого печенья, вприкуску с которым пили сейчас чай в соседней комнате две другие ночные медсестры. Помню я прямо-таки «прилип» к Бонпо-ламе, стараясь выяснить суть этого вопроса, но мудрый Бонпо-лама говорил только одно — «Чувства — это — О!». А больше ничего не говорил. Так и остался я в неведении.

И только сейчас, когда я глядел в глаза Свете Аллаяровой, я стал понимать, что Чувства — это особый пласт энергий, который является катализатором всех других душевных и мыслительных процессов. Но среди них, чувств, есть одно самое главное Чувство — Любовь. Я еще пристальнее взгляделся в глаза Светы, стараясь понять — является ли Любовь самым главным человеческим чувством, и... какими-то глубинными уголками подсознания понял, что это действительно так. Я поднял брови «домиком» и совсем по-детски, как прыщавый юнец, снова посмотрел Свете в глаза, чтобы уже по-детски ответить на тот же самый вопрос... Мое подсознание опять подсказало мне, что и с детской точки зрения... главным чувством человека является Любовь. А я верил подсознанию, всегда верил... вообще-то. Да и все мои новые операции возникали, наверное, из подсознания, по принципу, как говорится, Бог дал... Да и вечно преследующее меня ощущение собственной тупости подсказывало мне, что все научные идеи дарит мне Бог, учитывая то, что я все же довольно работающий трехмерный человеческий экземпляр, не успевший еще накопить «душевного дерьма». Да и... обмазало меня в дерьме по

жизни так хорошо, что я запах дерьма за версту чую.

— Света, извини! — сказал я.

— За что?

— За то, что я заставляю тебя смотреть мне в глаза.

— Ну что ж?

— Света, пойми, что я как бы не в твои глаза смотрю... я, может, в твои глаза вообще равнодушно поглядываю... Я...

— Да неужели?

— Я смотрю... в общечеловеческие глаза.

— А-а.

— Это научное исследование, Света, — пояснил я.

— Ночное? — съязвила Света.

— Да. О вечном-то думается лучше ночью! Только ночью можно разглядеть в глазах Вечное. Ты извини, Света, что я заставляю тебя смотреть мне в глаза и не даю, как твоим подругам, пить чай с этим самым... как его...

— Печеньем?

— Да. Печеньем.

— И что же Вы в моих глазах высмотрели, Эрнст Рифгатович?

— Да... ничего особенного... как у всех... людей... других.

— А-а.

А я и в самом деле смотрел в глаза Светы Аллаяровой не как в ее личные глаза, а смотрел как в... общечеловеческие глаза, хотя и понимал, что каждая женщина хочет быть индивидуальностью, но... такое уж у меня было состояние — через ее глаза я хотел разглядеть весь мир, в котором властвует какая-то мощнейшая энергия... Я понимал, что этой энергией является Любовь. Именно ее я хотел осознать через глаза Светланы, которая сидела передо мной, как подопытный кролик.

— Глаза — это орган Любви, — прошептал я.

— Что-что? — не расслышала мой шепот Света.

— Глаза — это орган Любви, — членораздельно произнес я.

— Ну... не ко всем!

— Света! Я нахожусь в очень неудобном положении перед тобой. Я как сволочь последняя рассматриваю твои глаза глубокой ночью. Так мне захотелось... вдруг... наука требует... извини. Я просто, Света, хочу разглядеть в твоих глазах... разглядеть в твоих глазах... общечеловеческую Любовь.

— А что это такое — общечеловеческая Любовь? — задала вопрос Света.

— Это Любовь к людям вообще, — ответил я.

— А-а.

— Вот так вот.

— А у меня она есть? — полюбопытствовала Света.

— Она у тебя есть... как и у всех людей вообще.

— А почему вы именно меня выбрали для рассматривания, Эрнст Рифгатович?

— У тебя чистые глаза, Света! В твоих глазах общечеловеческой Любви не надо через грязь или ложь пробиваться. Сразу видно ее, Богом данную Любовь-то... к людям и... к Богу.

Мысли мои закрутились, завертели и... вдруг застопорились, потому что в моем сознании возник образ глаз одного моего знакомого — сухого и рационального человека. Увядающей молодостью вперемежку с плесенью веяло от этих глаз... И мне казалось, что эта плесень еще и пахла... кладовкой, старой кладовкой, где хранят старые вещи.

Я понимал, что тело любого человека стареет как любая вещь, но Душа его остается вечно молодой и... от нее, Души, веет не просто молодостью, но и тем, что создало вечную молодость — Любовью.

— Почему мы всегда говорим о Любви? Почему мы о ней никогда не забываем? — подумал я.

Я поводил глазами по сторонам, отвлекаясь от глаз Светланы, и понял, что Любовь исходит от нашей первоначальной Родины — Того Света, которую можно назвать Царством Любви.

Именно там, на Том Свете, Бог определил царствование главной созидательной энергии, исходящей от него самого — Любви, с помощью которой он создал первоначальную обитель сыновей и дочерей Бога — Тот Свет, где живущие там «Люди-Мысли» не могут отступить от божественных принципов жизни в Царстве Любви.

Писатели и поэты все же чем-то отличаются от ученых материалистического толка. Если ученые исследуют глубины физики, медицины или еще чего-нибудь, то весь научный размах их мысли не выходит за пределы трехмерного мира, в котором мы живем. А полет мысли писателей и поэтов, которые, вообще-то, почти всегда пишут о Любви*, выходит, по-моему, за пределы нашей грустной временной обители — трехмерного мира и распространяется далеко-далеко, достигая даже родоначального Того Света, который, как я уже говорил, можно, наверное, назвать Царством Любви. Ведь именно там с помощью Энергии, исходящей от самого Бога и называемой Любовью, были созданы мы в виде свободного «Человека-Мысли», которого потом заставили осваивать Мир Пространств, в том числе и наш неказистый трехмерный мир. Мысль писателя и поэта проникает, мне кажется, через барьеры миров и достигает даже Того Света, где она, эта страстная мысль о Любви, погружается в то Царство, куда она и стремилась — в Царство Любви. А сам писатель (или поэт) в этот момент ощущает такой экстаз, такой экстаз, что ему (писателю или поэту) хочется, чтобы это состояние, которое он определяет некрасивым словом экстаз, длилось вечно.

* — не о романтичности движения шестеренки в моторе писать-то!

И он (писатель или поэт), конечно же, не понимает, что ему (писателю или поэту) хочется быть все время и даже вечно на Том Свете и даже, вроде как, не выбираться оттуда никогда... потому что он (писатель или поэт) пишет романы (или стихи) о Любви не для того мира, где он ест картошку или пьет чай вприкуску с вкусным печеньем, а для Вечного, того Вечного, которое объединяет все его прошлые и будущие жизни и... объединяет через Тот Свет, который так легко назвать Царством Любви, во имя которого он творит и творит, бесконечно повторяя слово «Любовь», потому что именно с этим словом связано все мироздание, в том числе и он сам... писатель или поэт, пишущий об этом какой-либо неказистой трехмерной авторучкой для того, чтобы Царством Любви (Главным Царством!) рано или поздно пропитался бы и этот Мир Испытаний, где живем мы, и в который Создатель заложил столь будоражащий баланс Добра и Зла, когда ты живешь «как на весах».

У писателя (или поэта!) уходит значительно больше душевной энергии, чем у ученого, поскольку она расходуется не только на пробивание барьеров к Тому Свету (Царству Любви), но и на то, чтобы хоть какое-то время пожить в столь энергозатратном состоянии экстаза, которое столь характерно для всего прекрасного Того света и... в котором хочется жить и жить, озаренным прекрасной Энергией Любви, исходящей от самого Бога. Не зря гималайские йоги говорят, что Тот Свет лучше, чем секс.

Но так обидно, так обидно, что Бог почему-то отправляет тебя в какой-то пространственный мир, чтобы тебя испытать «на прочность». Это еще ничего, если тебя отправляют в духовный четырехмерный мир, но... ведь он, Бог, иногда отправляет тебя пожить в

нашем угрюмом трехмерном мире с его проклятым балансом Добра и Зла, где ты только и должен противодействовать Злу и не поддаваться соблазну, исходящему от Чужого Бога, старающегося внушить тебе, что именно ты (дурак!) и есть Бог. Вот и тянет писать стихи или сочинять романы о Любви, чтобы, напрягаясь по ночам и глотая стаканами проклятую трехмерную водку, мыслью и чувствами пробиться сквозь прочные барьеры и с удовольствием войти снова в родной Тот Свет... хоть ненадолго войти, чтобы опять почувствовать свою близость к Богу, создавшему весь мир и тебя в том числе. Людьми, не желающими забывать свою Главную Родину, можно назвать писателей и поэтов. Куда уж тут ученым, всю жизнь отдающим, например, шестеренкам, да еще и трехмерным шестеренкам или... трехмерной хирургии (как я!) — ведь ученые (в том числе и я!) всю жизнь вертятся в «трехмерном обличий» и... лишь иногда... лишь иногда... лишь иногда их осеняет, что надо все же попросить Бога о помощи, чтобы идея пришла так легко и просто, как может быть только тогда, когда ты не вымучиваешь ее, а тебе (дураку!) дает ее сам Бог для того, чтобы ты (дурак!), пусть даже посчитав себя гением, начал азартно менять этот трехмерный мир, созданный Богом, чтобы и в него, где так еще много зла, вселилась божья мысль, озаренная Великой Любовью. О сколько экстаза — экстаза Того Света — будет тогда! Ведь самое лучшее изобретение — это изобретение, данное тебе Богом! И... сладость этого изобретения будет больше, чем даже секс. Ведь им, сексом-то, владеют... даже дураки.

А почему же нас отправляют «на побывку» в эти самые пространственные миры, а не оставляют на Том Свете? По двум причинам (я думаю!): по причине того, что Бог уже (когда-то!) принял программу освоения пространственных миров и внедрения в них Великой Энергии Любви, а также по причине того, что без «пространственных испытаний на прочность» трудно будет сохранить чистоту Того Света — главной нашей Родины.

— Эрнст Рифгатович! Вы уже давно опустили глаза! — послышался голос Светы.

— Задумался, Света... о поэтах думал.

— О поэтах?

— Да.

— С чего это?

— Да так.

— Чай вам принести?

— Можно. Покрепче только.

— С сахаром?

— Без.

— С печеньем?

— Терпеть его не могу... как и все сладкое. В жизни, Света, никогда все сладко не бывает, обязательно горечь добавляется. Таков уж наш мир, Света! Зато не приторно... жить-то!

— А я люблю сладкое, — почему-то грустно ответила Света.

— Пока Света ходила за чаем, мои мысли опять ушли в безбрежные дали мироздания. Я как-то легко и просто понял, что Бог, создавая мир, ввел в него принцип, который можно назвать встречами на Том Свете. — Встречи на Том Свете! Встречи на Том Свете! — стал приговаривать я.

Подсознание подсказывало мне, что Бог, создав на Том Свете (или в Мире Свободного Времени или Мире Мыслей) совершенного «Человека-Мысль», стал отправлять его в создаваемые им же... то в один, то в другой, то в третий и так далее Миры Пространств, где «Человек-Мысль» должен вселяться в виде Духа в уже готовое для: него тело, чтобы потом с помощью этого тела осваивать тот пространственный мир, куда его послал сам Создатель. Но Бог оставил для вечного «Человека-Мысли» одну лазейку — возможность периодически

возвращаться на Тот Свет и встречаться со своими друзьями по Тому Свету, чтобы делиться с ними — как кому жилось в каком из пространственных миров.

— Друзья по Тому Свету! Встречи на Том Свете! — тихо проговорил я.

— Вы что-то сказали? — послышался сзади голос Светы Алла-яровой. — А я чай принесла!

— Поставь его сюда, — я показал на участок стола, не заваленный бумагами.

— Чай без сахара! — отрапортовала Света.

— Хорошо.

— А печенья точно не надо?

И тут я вспомнил одну женщину, прекрасную женщину из Санкт-Петербурга тоже по имени Светлана. Она умирала от тяжелой болезни. Болезнь совсем измучила ее. И вот однажды, совсем незадолго до смерти, она, эта прекрасная женщина, тихим голосом выдавила из себя:

— Я хочу домой! Мама, папа! Я хочу к вам, домой! Возьмите меня быстрее к себе... домой!

А родители ее давным-давно умерли. Сознание ее было уже затуманено, а ее голосом управляло уже подсознание, которое, наверное, лучше знало, где находится... главный Дом человека.

Да и в самом деле, наверное, люди, периодически попадая на Тот Свет, ощущают себя там, как дома. Там, на Том Свете, ты чувствуешь себя беспредельно свободным и способным мгновенно, стоит лишь подумать, перемещаться туда, куда хочешь. Чувство Любви переполняет тебя и приводит тебя в то состояние, которое ты в материальном мире ощущал как экстаз. Ты, как только окажешься на Том Свете, тут же начинаешь видеть свое прошлое и анализировать череду своих прожитых жизней в Мире Пространств с периодическими побывками дома... в родном и отеческом Том Свете. Ты, ощущая прелесть и легкость жизни на Том Свете, где нет даже болезней, порой, наверное, негодуешь оттого, что тебя когда-то за малейшие отступления от Великих Законов Чистой Души, вдруг отправили в виде Духа не в горделивый, например, пятимерный мир, а в угрюмый и тяжелый трехмерный мир, чтобы ты там родился, выдавливаясь из утробы какой-либо Маши, вырос... всего-навсего... под два метра, да так и промаялся всю свою трехмерную пространственную жизнь, по осени выкапывая картошку из личного огорода, чтобы всю зиму кормить ею свой трехмерный желудок. Ведь ты, пребывая в прекрасном Том Свете, даже и не знаешь, когда же Владыка Мира Свободного Времени (или Мира Мыслей) — Бог — отправит тебя снова в какой-то из пространственных миров.

О сколько миров, наверное, существует, куда Бог может заслать тебя, чтобы испытать тебя и не дать возможности тебе, при возвращении Домой — на Тот Свет, проявить свою душевную гниль на Главной Родине, куда мы все возвращаемся как в родительский дом!

Муфтий Всея Руси шейх Талгат Таджутдин — невероятно умный человек, обладающий феноменальной памятью — говорил мне однажды, что в Коране написано, что существует более тысячи параллельных миров. Богу есть куда отправить нас с Того Света, вообще-то! Проверкой одиночеством можно назвать, наверное, пребывание в одном из пространственных миров — проверкой, когда ты в той или иной степени отделен от Бога. И, мне кажется, чем ниже измерение Мира, тем больше человек, живущий там, отделен от Бога. О, как трудно жить человеку, когда он одинок! О, как трудно противостоять соблазнам Чужого Бога, твердящего, что в этом пространственном мире, где ты живешь, есть один Бог — это ты (дурак!)? О, как трудно уклониться от чувств жадности и зависти! О, как трудно не забывать о Боге и Великих Законах Чистой Души, отголоски которых как искорки иногда вспыхивают в твоей душе!

О, как важно, как важно это, потому что тебя (дурака!) в этом пространственном мире испытывает сам Бог! Но... поймешь ты это только тогда, когда умрешь и вновь окажешься на Том Свете, где осознаешь, например, что как последний идиот в только что прошедшей трехмерной жизни квилл уже совсем не нужные здесь трехмерные деньги, копил как самый

последний дурак, не прислушиваясь к отголоскам Того Света в душе... А ведь эти отголоски были, были, были... но не смогли пробиться через то, что ты (дурак!), оказавшись в неказистом трехмерном мире в состоянии одиночества и отделенное* от Бога, тут же (с дурусти!) посчитал себя, чуть ли не Богом этого неказистого трехмерного мира. А ведь Бог, он един!!! Вообще-то!

Не надо забывать, что в этом мире нас испытывает сам Бог, чем периодически дает ему возможность «пойти на вольные хлеба», отправляя из уютного и совершенного Того Света в какой-либо пространственный мир (например, наш) в виде Духа, который должен вселиться в материальное тело и жить вместе с ним в отрыве от Бога, чтобы доказать, что ты — Человек — Даже в отрыве от Бога не забываешь того, что ты — Сын Божий, и, как Сын Божий, не можешь отступить.

Я поднял глаза на Свету и встретился с ее глазами. Они были чистые-чистые.

— Света! А ты чувствуешь себя одинокой? — спросил я.

Глаза Светы расширились, и она тихо проговорила:

— Всегда. Чуть-чуть.

Я снова опустил глаза и снова погрузился в размышления о Том Свете. Я уже понимал, что, наверное, нельзя жить все время под крылышком Бога на Том Свете; Бог этого не хочет, поскольку он создал человека как саморазвивающееся начало, в связи спить от главного принципа, вложенного в тебя — быть постоянным самопрогрессирующим началом, способным не просто отбыть это неприятное время (связанное с рождением, детством и старением), а способным менять в лучшую сторону этот пространственный мир, куда тебя заслали, менять этот мир... прежде всего, духовно.

Я вспомнил, что на похоронах многие люди говорят про умершего человека следующие слова: «Отмучился раб божий!». И в этом, на мой взгляд, есть своя истина — жизнь в нашем трехмерном мире можно назвать скорее мучением, чем радостью... по сравнению с жизнью на Том Свете... ведь самая лучшая жизнь — это жизнь под покровом самого Бога.

Но и на Том Свете Бог не позволяет человеку слишком долго нежиться в условиях прекрасной летучей жизни, он, этот неугомонный Бог — самое самопрогрессирующее Начало в мире — опять направляет тебя — Человека — в какой-либо пространственный мир, чтобы ты — частичка Бога — тоже самопрогрессировал, самопрогрессировал и самопрогрессировал. Ведь если не будет самопрогрессирования, то наступит успокоенность! А покой приводит к отсутствию прогресса, а отсутствие прогресса — это начало того, когда уже проглядывается бледное лицо духовной смерти, в сравнении с которой смерти, лицо страшной физической смерти просто ничто.

Вечной смертью пахнет от покоя. Ведь Бог, осваивая Миры Пространств и многое-многое другое, стремится почему-то вперед и вперед, страстно стремится, созидая и созидая... нас с Вами, в том числе. И он, Бог, никогда не позволит, чтобы его дети, например мы, ушли в никчемную трясины покоя, — зачем нас тогда создавать-то было, не ради же того, чтобы мы жили слишком сладко...

— Я не хочу печенья, слишком оно... сладкое, — вдруг проговорил я, снова подняв глаза на Свету.

— Вы мне это уже говорили. Я его вам и не принесла... к чаю, — ответила Света.

— И не надо.

— Ну и ладно. Пусть будет без печенья.

— А ты, Света, думаешь с печеньем лучше, что ли?

— Да нет, Эрнст Рифгатович, я так не думаю.

— А с чего это ты о печенье-то?..

— Да это Вы сами начали о нем говорить.

— Да... вообще-то.

Я еще раз пристально посмотрел Свете в глаза. Мой взгляд ушел в глубины ее зрачков, ушел глубоко-глубоко, ужасно глубоко ушел куда-то туда... в глубины ее зрачков. И я вдруг почувствовал, что в самой-самой глубине ее зрачков, в... какой-то самой далекой глубине их, зрачков-то, протянулась светлая-светлая Любовь, да еще и самая светлая из всех светлых, ну прямо-таки беспредельно светлая Любовь, которую можно охарактеризовать как Любовь к людям вообще. Я понял, что любой человек может и способен любить людей вообще, но... эта необычная любовь к людям, включая любовь к согнутым в три погибели старушкам, брюзжащим старикам, орущим детям, красующимся своим телом идиотам и конкурирующим в красоте своего главного места пухляшкам, сокрыта так далеко, так далеко, что эта «даль» уходит аж в глубины Того Света, так и не проявляясь в нашем угрюмом трехмерном мире. Нелепо оно, как-то, выставляться чистому... в нашем грязноватом мире, а тем более выставлять самое сокровенное напоказ — засмеют ведь... знатоки жизни! Да и объяснишь разве им, «знатокам жизни», твердящим о бесконечной подлости людей, что... вообще-то... людей создала Любовь, та самая Любовь, которая как мерцающие искорки проглядывается в самой глубине зрачков, но... так редко выходит наружу, боясь замараться об этих «знатоков подлости жизни» и ожидая, вожделенно ожидая тех людей, кто, в отличие от «знатоков», смогут взглянуть в глаза другому человеку, выискивая в них, прежде всего, эти затаенные искорки Любви, Любви к людям вообще, которая идет напрямую от самого Бога и которая является самой мощной Энергией Мира.

— Любовь — это энергия! — подумал я, не сводя взгляда с глаз этой чистой девушки, и понимая, что она — эта молодая медсестра не успела еще утратить блеска в глазах, который определяется присутствием в человеке (и, прежде всего, в его глазах) Энергии Любви, идущей от самого Бога.

— Света, а что такое Любовь? — спросил я.

— Это... — запнулась Света.

— Это?..

— Это...

— Это... Энергия? — я пристально посмотрел ей в глаза.

— Да какая такая Энергия2! — встрепенулась Света. — Любовь есть Любовь... а как же еще?!

— А у тебя в душе она есть?

— А как же! — Света гордо взглянула мне в глаза. — Есть, конечно. Я отвел глаза и опять ушел в глубины философии. Я был не согласен со Светой. Я был убежден в том, что Любовь есть самая созидательная Энергия мира, та Энергия, без которой ничто не работает... даже Мысль.

От этого необычного умозаключения мне стало не по себе. Я откинулся на стуле. Света стояла передо мной. Я опять взглянул в ее глаза, ощутил в них глубины мироздания и вдруг понял, что Любовь является катализатором Мысли.

Я уже понимал, что Мысль — это не просто так, это не просто — «Подумал о Маше» или «Подумал о Катке»; Мысль — это вообще очень сложно, Мысль — это невероятно сложно, Мысль — это что-то невообразимо сложное, Мысль — это чудо какое-то, Мысль — это... это... это...

Я погладил свою лысину и осознал, что Мысль — это особая форма жизни, первозданной жизни, необузданно мощной жизни, в которой все свершается так же легко, как легко о чем-то подумать. Именно такой Бог создал первозданную жизнь — Жизнь Мысли.

О, как сложна, наверное, Мысль! Невообразимо сложна! Невероятно сложна! Она, Мысль,

наверное, намного сложнее, чем наше тело, держащее в руке авоську с хлебом или с гречневой крупой! Жизнь Мысли первозданна!

И, мне кажется, что в этом загадочном и в то же время хорошо знакомом Мире Мыслей невозможно сделать вид, что ты такой хороший и добрый (про себя приговаривая — «Да чтоб ты, сволочь, сдох!»). Там, в этом Мира Мыслей, изолированном от всего материального, нельзя «сделать вид». Там все твои мысли будут наяву, все до одной, даже самой затаенной, даже самой сокрытой... Стыдно будет думать о чем-то плохом.

А мы ведь, господа, в таком мире обязательно окажемся, когда, отбив земную форму жизни, вновь возвратимся в родной Тот Свет — Мир Мыслей, в котором ты (дурак!) будешь, возможно, сожалеть, что так плохо думал тогда, когда тебя — Человека-Мысль — вселили в виде Духа в неказистое трехмерное тело, у которого постепенно, к тому же, выросло неприятное брюхо, да и глаза начали смотреть вразнобой. А еще хуже, если всю ту жизнь, когда ты — Человек-Мысль — был заперт в этом теле с неприятным брюхом, думал о шелестящих бумажках (деньгах!), весь свой мыслительный потенциал направляя на то, чтобы побольше заработать этих «бумажек» и, самое главное, чтобы... не отдать их никому... никому... никому... только себе... только себе... себе... и чтобы оставить бумажки эти на все будущие жизни.

Груз прошлой жизни, а, вернее, груз прошлых мыслей начнет давить на вас, давить так сильно, что вы мгновенно забудете об этих «шелестящих бумажках» и будете думать только о том, что вы (дурак!) так глупо думали только о самом себе — телесном человеке, будучи запертым в этом самом теле с солидным брюшком. Вы, наконец, поймете, что брюхо мало чего стоит; значительно большего стоили... тогда... мысли, которые, к сожалению, были направлены в угоду этого... брюха (да чтоб оно пропало!).

Груз прошлых мыслей будет давить на Вас там, на Том Свете и Вы будете чувствовать себя обесточенным-обесточенным. «Хлеба! Дайте хлеба!» — возможно, закричите вы. Но хлеба на Том Свете не будет, а будет только Мысль, которая для вас, уже Человека-Мысли, будет требовать чего-то другого. Чего? А она, Мысль, будет требовать энергии, которой накачали бы, тебя — Человека-Мысль, чтобы ты — Человек-Мысль — мог бы нормально и энергично жить на Том Свете, мотаясь со скоростью мысли между планетами и залетая иногда внутрь атома или какой-ни будь молекулы. Но груз прошлой жизни (а, вернее, груз прошлых мыслей) будет продолжать давить на вас, сохраняя вас в омерзительно обесточенном состоянии.

— Почему у меня нет энергии? Почему у меня нет энергии? — будете причитать вы. Но только через какое-то время вы поймете, что груз прошлой жизни — это игнорирование главной энергии мира — Любви.

— Как глупо было мне, дураку, вселившись в это обрюзгшее тело, забыть о Любви! — воскликните Вы.

Но будет поздно. Тот Свет, Великий Тот Свет, не будет торопиться растрчивать свою главную энергию, идущую от самого

Бога, ради того, кто в Мире Испытаний забывал о Боге и о его главной энергии — Любви. Вот и будете вы пребывать обесточенным и скукоженным, не имея возможности развернуть свою мысль во всю ширь, чтобы «по-человечески» жить на Том Свете как... Человек-Мысль.

— Какой же я был тогда дурак! Какой я был дурак! — станете причитать вы.

Но ваш обесточенный «Дух-Мысль» будет только слегка подергиваться, показывая, что вы (на Том Свете) есть всего лишь духовный импотент. Наказанием импотенцией можно назвать игнорирование Любви.

— Я все-таки принесла вам, Эрнст Рифгатович, к чаю три кусочка печенья, — раздался голос Светы.

— Почему именно три?

— Святая троица, как говорится...

Печенье я есть, конечно же, не стал...

Я уже четко понимал, что Любовь является главным катализатором Мысли и что на Том Свете нет возможности жить без Энергии Любви. Там, на Том Свете, человек, даже самый плохой человек, вынужден играть по законам Бога, он вынужден быть чистым и хорошим; в противном случае он не получит от Бога его собственной энергии — Энергии Любви, без которой он не сможет нормально жить, управляя посредством своей Мысли всем и вся, а будет вынужден лежать где-то в закоулке Того Света в виде слабого энергетического комочка.

Полностью погрузившись в свои мысли, я осознал, что жизнь на Том Свете всецело зависит от Энергии Любви, поскольку человек Того Света или Человек-Мысль должен иметь жизненную силу, которой является... Энергия Любви, исходящая от самого Бога. Да, наверное, так оно и есть; ведь именно Бог, сам великий, прекрасный и всемогущий Бог создал все формы жизни и дал всем этим формам жизни (человеку, волку, курице, воробью, червю и микробу нашего и других пространственных миров) единую жизненную силу — Энергию Любви.

Именно об этой самой Любви люди слагают легенды, именно об этой Любви судачат на каждом углу... поскольку Любовь есть легендарная Жизненная Сила, та сила, которая дала нам с вами прекрасную и вечную жизнь, разнообразие которой столь велико, что жить вечно, извините, не скучно! Обидно, правда, если ты в следующей жизни перекочуешь в тело червя, которого, не дай бог, насадят на крючок.

Бог, видимо, накачивает любое существо Жизненной Силой, то есть Энергией Любви. Но дает Он эту жизненную Силу (или Любовь!) не телу, а дает эту Силу — Духу, который влетает в тело (не дай бог в... тело червя!). Когда живое существо умирает, то вместе с Духом уходит на Тот Свет и вся его Жизненная Сила (или Любовь!), без которой Дух не может существовать на Том Свете в виде формы жизни, называемой «Мысль». А тело так и остается лежать неподвижным в том пространственном мире, откуда ты (человек или... червь) ушел. Но никто не понимает, видя неподвижное мертвое тело, что это тело мертво только из-за того, что его покинула...

Любовь, та самая Любовь, которая порой (особенно в период прыщавой юности) будоражит кровь чем-то таким... таким... таким, от чего все... наливается Жизненной Силой. Если осознать, господа, что Любовь есть Жизненная Сила, то можно понять, что те люди, которые отдают свою жизнь — или почти не имеют Жизненной Силы, копленю денег, не имеют так и прозябая в окружении денежных купюр закомплексованным импотентом, сила которого состоит лишь в том, что он может купить тех, кого... «наградил» своей энергией Дьявол, да и тех, кому... свернутая в трубочку стодолларовая бумажка порой заменяет... небольшой... половой член.

Вот и ходят богатеи с отвислыми плечами и обвислым... да и грусть от отсутствия в душе Жизненной Силы (под названием Любовь!) сквозит в глазах... потому что они, богатеи, разменяли настоящую любовь к Богу на поганую «любовь» к деньгам (от Дьявола!). Они, эти богатеи (дураки!), страдают, глубинно страдают от того, что у них мало Жизненной Силы (Любви!), потому что они продали ее Дьяволу, а именно его отпрыску по имени «Соблазн», который лукаво нашептывает, что ты (дурак!), владея бумажками (деньгами!), будешь владеть всем миром... как Бог. Но Бог — это не бумажки! Бог — он столь велик и могуч, что часть его Жизненной Силы (Любви!), отданная им дураку-жмоту и ушедшая через него в виде «денежной похоти» к Дьяволу, мало чего значит для него — великого и могучего Бога, но так много значит... для дурака-жмота, поскольку он... «награждается» такой степенью импотенции, что при виде женщины его несчастный половой член начинает втягиваться внутрь и напоминать скомканную долларовую бумажку. Бог, наверное, даже рассчитал, что часть своей Жизненной

Силы должен отдавать «на откуп», чтобы выяснить — кто жмот, а кто — нет.

— Эрнст Рифгатович! — послышался голос Светы.

— Что, Света?

— Да так, ничего. Просто окликнула вас, да и все.

— А-а-а!

— Вы какой-то загруженный. Может быть вы, Эрнст Рифгатович, печенья хотите? С чаем...

Что просто так чай-то гонять?!

— Водки я хочу... горькой водки, Света!

— Но ее нет.

— Да и бог с ней, с водкой-то!

— Эрнст Рифгатович! В шкафчике под раковиной, там, где эта... хлюпалка стоит...

— Какая такая хлюпалка?

— Ну, как ее? Вантузом, вроде как, называется.

— Как? Вантузом?

— Да.

— А что это такое — вантуз?

— Хлюпалка.

— А что это такое — хлюпалка или... как ее?

— Вантуз.

— А что это такое... в целом?

— Ну... это вакуумное устройство, с помощью которого раковины прочищают, когда она, раковина, засорится и когда грязь надо подсосать на себя, а потом дальше отправить туда, куда ей надо плыть... грязи-то.

— А-а-а! — догадался я.

— Так вот там, — продолжала Света, — в шкафчике под раковиной, где эта хлюпалка или... вантуз стоит, среди пустых пол-литровых банок, которые кто-то для чего-то копит...

— А сколько их там? — перебил я. — Пол-литровых банок-то?

— Ну... штук пять.

— А кто их, интересно, копит там?

— Ну... Ваши секретари, наверное, Эрнст Рифгатович.

— Для чего?

— А вдруг... пригодятся... пол-литровые банки... в хозяйстве. Но там, под раковиной еще...

— Что там еще?

— Там уже года два как стоит трехлитровая банка с мёдом, — сконфузилась Света.

— А что она там рядом с хлюпалкой стоит-то?

— А дело в том, что мед там, в банке этой, уже кончился, но на дне немного осталось. Выкидывать-то жалко... Мед ведь там остался, но... его не достать. Тонкую женскую руку надо засунуть по локоть в банку, чтобы выгresti мед. Ваша рука, Эрнст Рифгатович, туда не пролезет.

— А что, не суют-то туда руку по локоть... секретарши мои?

— Иногда ведь длинный рукав мешает...

— А-а.

— А самое главное, — продолжала Света, — обычно как-то не хочется остатки на стол подавать... меда, особенно. Ведь сладкое должно быть еще и душевно сладким, чтобы... всегда чувствовалось, что когда ты кушаешь сладкое, то и... на душе сладко.

— А что обычно с остатками меда делают, выбрасывают что ли?

— Ну... кто что, — уклонилась от ответа Света, -

Ваши секретарши ведь в трудном положении находятся, — выбрасывать остатки меда жалко, а подавать их на стол неудобно. Вот и стоит трехлитровая банка с остатками меда уже два года рядом с вантузом.

— С чем?

— Ну, с хлюпалкой же!

— А-а.

— Я бы тоже так поступила... Не стала бы выбрасывать остатки меда... — призналась Света.

— И держала бы эти остатки рядом с хлюпалкой... два года?! — я выразительно посмотрел на нее.

— Да, но не рядом с хлюпалкой, — глаза Светы погрустнели.

— Почему твои глаза погрустнели? — спросил я.

— Да так, — ответила она.

— А что самое сладкое в этом мире, Света?

Света подняла на меня свои огромные голубые глаза и тихо произнесла:

— Любовь.

— А все-таки, что же это такое — Любовь?

— Не знаю.

— М... м... я тоже... почти...

— А почему Вы, Эрнст Рифгатович, столь настойчиво расспрашиваете об этих остатках меда в трехлитровой банке, которая вот уже два года стоит рядом с хлюпалкой? У вас есть какие-то аналогии, что ли? — чувствуя подвох, спросила Света.

— Человек без Любви, Света — это обесточенный человек, человек без Жизненной Силы. Поэтому люди склонны сохранять даже самые крохотные остатки Любви, даже... те, что остались на дне трехлитровой банки, даже тогда, когда эта уже почти пустая трехлитровая банка стоит много лет рядом с какой-то... поганой хлюпалкой.

— Хлюпалкой, говорите? — не совсем поняла Света.

— О сколько хлюпалок или... хлюпальщиков существует в жизни! Хлюпают, хлюпают и хлюпают, но хотят, чтобы их, хлюпающих, любили, да сильно любили, страстно любили, чтобы им... хлюпалось с вдохновением и чтобы звуки «хлюп, хлюп, хлюп» разносились по миру не просто так, а горделиво разносились, напоминая... звуки Любви. Но этого не может быть, Света, не может быть. Почему? Да потому... потому... потому...

— Почему?

Да потому, что хлюпающих не любят. Хлюпанье убивает Любовь. Каждый звук «хлюп» уносит с собой частичку Любви, уносит в никуда, уносит туда, откуда нет возврата, потому что звук «хлюп» означает душевную слабость, а Любовь — это Сила, мощнейшая Сила, самая сильная Сила, Жизненная Сила, Главная Сила Вселенной, Сила самого Бога!

— Но ведь женщина, которой по жизни попался хлюпик, не виновата! Женщинам, в отличие от мужчин, кстати, Эрнст Рифгатович, свойственна верность, поэтому они вынуждены посвящать всю свою жизнь... порой... даже хлюпику... как бы противно это не было. Что ж поделаешь, если по жизни попался хлюпик, — придется ему отдавать всю свою Любовь... — печально проговорила Света.

— Безвозмездно отдавать? — осторожно поинтересовался я.

— Ну... — Света задумалась, — человек ведь должен всегда отдавать Любовь, данную Богом.

— Данную Богом, говоришь? — удивился я созвучию наших мыслей.

— А кем же еще? — без тени сомнения откликнулась Света,

— А ты, Света, могла бы всю свою Любовь, данную тебе Богом, отдать хлюпику?

— Не хотелось бы. Ведь хлюпика надо всегда жалеть. А жалость убивает Любовь.

— Я согласен с тобой, Света, — я стиснул зубы. — Жалость — это ужасное чувство. Это очень лукавое чувство, жалость-то! Она, жалость, косит под сострадание, она прикидывается Любовью, но она, жалость, есть совсем другое, она есть... потакание вампиру.

— Чего, чего? — не поняла Света.

— Любой человек, вызывающий к жалости, есть энергетический вампир. Он играет несчастного и всем который не может «поддерживать энергетическое равноправие», а может только тянуть, тянуть и тянуть из одного, второго, третьего и многих других людей Энергию Любви, без которой он — «вызывающий к жалости эгоист» и жить-то не может нормально, потому что... он, дурак-эгоист, отдал когда-то свою Жизненную Силу или Энергию Любви Дьяволу в виде жадности, своим видом требует от другого человека Жизненной Силы или Энергии Любви, но... требует ее безвозмездно, не отдавая взамен своей Жизненной Силы. Он, вызывающий к жалости человек, есть «энергетический эгоист».

Он, этот вызывающий к жалости человек, требует от людей дать ему Жизненной Силы, которой ему так не хватает, требует лукаво, глубоко скрывая то, что уже успел отдать собственную Жизненную Силу Дьяволу в угоду сладостно-тупому искушению возомнить себя Богом. А люди, к сожалению, путают, часто путают жалость с состраданием и отдают свою Жизненную Силу тому, кто уже спутался с Дьяволом. Не жалейте никого, господа... пожалуйста!

— Из Ваших слов я поняла, Эрнст Рифгатович, — уставилась на меня Света, — что любой хлюпающий человек есть человек, спутавшийся с Дьяволом? Так, что ли?

— Да, это так.

— Что, уже и понять нельзя, что ли? — надув губы, спросила Света.

— М... м... можно, но... добро.

— Добро... нить?

— Да. Нить так, чтобы другому человеку не стало жалко тебя.

— Хорошо, Эрнст Рифгатович, я буду именно так нить... добро.

— Так и ной.

— Ладно.

— Вот и буду так... нить.

— Ну и пожалуйста.

Мы со Светой на мгновенье замолчали. Света первой прервала молчание.

— А та трехлитровая банка с остатками меда?..

— Эта трехлитровая банка с остатками меда, стоящая уже два года рядом с хлюпалкой-вантузом... есть олицетворение жизненной грусти, — философски проговорил я.

— Почему? — удивилась Света.

— Да потому, что это грустно.

— Почему?

— Да потому, что... грустно.

— Почему?

— Да потому, что грустно жить, сохраняя в душе остаток Любви, как... остаток меда в этой трехлитровой банке, стоящей рядом с... хлюпалкой... под раковиной. Жалко, вроде как, выбросить этот остаток меда вместе с банкой, да и «кушать» этот остаток не хочется... никому. Никому, Света, не хочется довольствоваться остатком, никому! Никому! Все хотят полноценного! Все хотят именно полную трехлитровую банку... Любви... настоящей и полноценной Любви. Ведь Любовь, Света, возрождает не только тебя самого, не только того,

кого ты любишь, но и зажигает глаза, при виде которых все люди начинают задумываться над тем, что... ведь есть на свете смельчаки, которые не прячут Глаза Любви от людей, а смело, с любовью смотрят на всех людей, которым сам великий Бог предопределил пользоваться великой Энергией Любви... и не стесняться ее.

— Вы так красиво говорите, Эрнст Рифгатович, по поводу... трехлитровой банки...

— Да уж.

— Кстати, — продолжала Света, — там под раковиной вместе с трехлитровой банкой с остатками меда и пятью пустыми пол-литровыми банками стоят еще: бальзам «Битнер», два шкалика... поддельного... грузинского и армянского коньяка, шкалик поддельной ставропольской водки, сломанная открывашка для бутылок и статуэтка медведя с дырой...

— С какой такой дырой?

— В... дыре... в руках медведя должна была стоять бутылочка... поддельной водки. Но ее кто-то... выпил или... выбросил... подделку эту... в руках медведя.

— А-а.

— Там стоит еще комплект посуды, которую кто-то подарил Вам, Эрнст Рифгатович, комплект... вонючей пластмассовой посуды, которая... должна стоять именно под раковиной рядом с вантузом... закономерно стоять... именно там. Помойный набор, в общем.

— М-да.

— Бальзам «Битнер», вроде как, неплохой. Мы его однажды в общежитии пили. А его-то зачем туда поставили... рядом с хлюпалкой? — спросила Света.

— Рекламой испоганили бальзам этот, негативную энергию слащавости в него вогнали, — ответил я.

— Да, вообще-то, — проговорила Света. — Так вы ничего из того, что там есть... не будете пить?

— Я не пью из помойки, — гордо произнес я.

— Ну, тогда чай с печеньем?

— Просто чай... да покрепче.

Мои мысли опять ушли в глубины мироздания и стали витать там, далеко-далеко там, на Том Свете. Я вдруг понял, что сам Бог производит накачку Мысли Энергией Любви или Жизненной Силой, без которой Мысль бездействует или с огромным трудом и со скрипом чуть-чуть шевелится. Я вспомнил, что тогда, когда я, обдуваемый ледяным тибетским ветром, стоял с широко раскрытыми глазами перед Главным Зеркалом Времени в Городе Богов, я вдруг осознал, что Мысль состоит из Энергии Свободного Времени, того самого Свободного Времени, которое носится по Вселенной... со скоростью Мысли... и подчиняется лишь одному Владыке — Владыке Свободного Времени — тому Владыке, которого все именуют Богом. Именно тогда, когда у меня от холода зуб на зуб не попадал, я, глядя на Главное Зеркало Времени Города Богов, вдруг ощутил правомерность совершенно отвлеченного постулата тибетских лам о том, что Бог есть Время. Именно там, под величественным и грандиозно-громادным Главным Зеркалом Времени, я стал понимать, что Время столь резко отличается от «тиканья часов», что становится аж жутко оттого, что даже на часы надо глядеть по-другому, имея в виду то, что «тиканье часов» есть лишь далекий отголосок мощнейшей думающей субстанции, называемой Мыслью. Время и Мысль едины!

Но даже мощи Времени-Мысли не хватает для того, чтобы в этом мире все жило, работало и функционировало. Для того, чтобы все было так, нужна еще одна энергия — Энергия, которая бы позволяла Мысли жить и функционировать, Энергия-катализатор, Энергия, пробирающая душу любого человека, Энергия, превращающая банальное бытие в сказку... нужна Энергия которая называется... Любовью.

Ни у кого нет сомнений в том, что эта Энергия исходит от самого Бога, именно от Бога, и именно с ее помощью зажигается Жизнь. На Том Свете все понимают, что Мысль и Любовь — близнецы-братья. Без Мысли будут лишь сплошные желания, стремления и порывы, но бессистемные желания, стремления и порывы. А без Любви Мысль будет обесточена и будет лишь холодно подергиваться, не имея страсти. Двуетное царство образуют Мысль и Любовь.

А мы, господа, осознавая значимость Мысли, не должны забывать про значимость Любви, которая (именно она!) накачивает Мысль энергией и дает ей возможность творить Жизнь.

О, как, наверное, многообразна и мощна Энергия Любви! О сколько загадок, наверное, сокрыто внутри этой Энергии, называемой Любовью или Жизненной Силой! О, как значимо это щемящее чувство в груди, с появлением которого в душе весь мир становится розовым, и тебе хочется изменить все окружающее в лучшую сторону и сделать всем людям столько хорошего, столько хорошего... сколько можешь дать Ты — Сын Бога... Дать столько, сколько ты можешь, столько... чтобы все в этом мире стало розовым, ярко-розовым, сверкающе-розовым, чтобы всем вокруг стало так же хорошо, как и тебе... к кому пришла Любовь!

Я каким-то отрешенным взглядом посмотрел на Свету. Шел третий час ночи.

— Лишь бы она не попросила меня отпустить ее спать, — подумал я.

Мне так хотелось, чтобы мой немножко детский душевный порыв, связанный с этим прекрасным чувством, называемым Любовью, никто не прервал. Мне так хотелось, чтобы все люди были соучастниками... соучастниками Любви. Мне так хотелось, чтобы никто не остался равнодушным к Любви и не сказал, даже деликатно — «Я хочу спать».

— У-ух! — вырвалось из меня.

— Чего? — отозвалась Света.

— Да так, — ответил я.

— Ну и ладно тогда.

— Ты, Света, не хочешь спать?

— Нет.

— Спасибо.

— За что?

— Да просто так... за то, что ты не хочешь спать.

Думая о Любви и все больше и больше осознавая, что Любовь есть самая натуральная Жизненная Сила, я вдруг понял, что существует еще и... Любовь наизнанку.

— Любовь наизнанку! — прошептал я.

— Чего? — переспросила Света.

— Любовь, но... наизнанку.

— Что это?

— Это, Света, то, когда пугаешь «лицо» и обратную сторону. Например, надеваешь носок или майку наизнанку. «Лицо» оказывается внутри, а изнанка снаружи.

— М...м...

— Знаешь, Света, у кого нет любви наизнанку?

— У кого?

— У реаниматолога Радика Фаязовича Галиахметова. Он большой, добрый и лысый. Такой не предаст.

— Да...

— А знаешь, Света, почему у него ее нет, Любви-то наизнанку?

— Потому, что он большой и лысый?

— Да нет.

— А почему?

— Потому, что он умеет плакать... этот мощный мужик.

— А разве это?..

— Это есть признак мужской силы, Света, доброй и мощной мужской силы, озаренной Любовью. Этот не будет крушить челюсти по типу американских идиотов из голливудских фильмов, хотя и мог бы сделать это лучше других. Этот будет Силой Добра воздействовать на других и призывать к тому, чтобы никогда и никто не вывернул Любовь, данную ему Богом. Такие, как он, всегда знают, где наизнанку, а где нет.

— А что такое Любовь наизнанку?

— Любовь наизнанку, говоришь...

— Но это же так глупо — посчитать себя Богом! — перебила меня Света.

— Да.

— Это, прежде всего, эгоизм, Света, или любовь к самому себе. Энергия Любви, данная тебе Богом, уходит не к другому человеку, чтобы иметь такой же «любовный возврат», а к Лукавому, который постоянно нашептывает тебе: «Ты Бог! Ты Бог! Ты Бог!». Лукавый (или Дьявол) есть вампир. Он, этот Лукавый, через, на первый взгляд, глупое утверждение «Ты Бог!» требует того, чтобы ты (дурак!) отдал ему свою Жизненную Силу, данную тебе Богом. Он нуждается в ней, Жизненной Силе, а ты, дурак, отдаешь ее во имя того, чтобы себя (дурака!) почувствовать Богом, хотя тебе так далеко до Бога, так далеко, как до неба. Этим «слабым местом» человека, связанным с тем, что любой человек есть частичка Бога, и пользуется Дьявол, тихо по ночам приговаривая, что если ты, Человек, есть частичка Бога, то почему бы тебе и самому не попытаться стать... Богом.

Энергия Дьявола — это чужая энергия, она противоестественна нам, людям от Бога. Мы не чувствуем её, эту дьявольскую энергию или... чувствуем ее в виде чего-то неприятного. Но мы прекрасно чувствуем божественную Энергию Любви.

— Так-то оно так, — возразил я, — но огромное количество людей попадает на эту приманку. Дьявол тратит на это свою Энергию, чтобы... этот «клюнувший дурак» разменял свою прекрасную божественную Энергию Любви на поганую дьявольскую энергию. Вампиров не бывает, Света!

— Вы же только что сказали, что Дьявол — это вампир!

— Вампиров не бывает, Света, а бывают люди, которые вбирают в себя энергию Дьявола.

— Бога и чувствуем то, когда ее мало или. ее заменила поганая энергия Дьявола. Энергией Дьявола «пахнут» так называемые энергетические вампиры. Они, эти вампиры, хотят все больше и больше Энергии Любви, исходящей от Бога... потому что Дьявол обратил их, идиотов, в несчастных посредников, а вернее, в своих рабов, через души которых создал канал для перекачки прекрасной божественной Энергии Любви в его ненасытное чрево, желающее получить столько божественной энергии, чтобы самому ему, Дьяволу, стать Богом... хотя бы чуть-чуть почувствовать Богом. А мы, люди, встречая так называемых «энергетических вампиров», в глубине души ненавидим их и стараемся отстраниться от них, поскольку чувствуем что-то негативное, чужое и не понимаем того, что эти люди отдали душу Дьяволу, который использует их как энергетический канал и забирает у них, как дань, ту божественную Энергию Любви, которую они, дураки, так подло сосут у других людей... для Дьявола — своего нового Хозяина.

— Значит, любить себя — это плохо? — спросила Света.

— Это хорошо... если это не сильнее, чем Любовь к Богу, — ответил я. — А знаешь, Света, почему во всем мире и среди всех народов считается, что главная Любовь — это Любовь к Богу?

— Почему?

— А потому, что существует всего лишь тонкая грань, когда ты еще можешь определить, что

тебя хочет попутать Дьявол. Стоит только чуть-чуть посчитать себя Богом, как ты тут же превратишься в поганого энергетического вампира, а вернее, в проводника божественной Энергии Любви в чрево Дьявола. Дьявол тебе возместит энергию, но даст тебе поганую разрушительную энергию, от присутствия которой у тебя в Душе будет погано и тошно.

— Страшно как-то! — Проговорила Света.

— Страшноватенько, вообще-то, — добавил я. — Но есть еще один атрибут жизни, который тоже выкачивает из человека Энергию Любви — это Деньги, а вернее, любовь к Деньгам или, еще вернее — к «бумажкам». Брюхо, которое ты должен кормить в этом трехмерном мире, как известно, ненасытно, а требования к условиям телесного комфорта (от шалаша до дворца) беспредельны. Дьявол, лукаво направляя Любовь человека от Бога к Деньгам, достигает того же эффекта, когда жмот, копящий на сто жизней вперед, становится несчастным проводником Энергии Любви в чрево Дьявола. То же самое — зависть, стервозность и многое другое негативное.

— А все-таки страшно жить! — тихо воскликнула Света.

— Да что страшного!!! Надо всего-навсего любить Бога, как предписано всеми религиями. И в этом есть огромный смысл, отвращающий человека от Дьявола. Жизнь такая сложная!

— Жизнь очень проста, если свято выполнять Закон Взаимообмена Энергией Любви с Богом. Бог когда-то дал тебе Жизненную Силу или Энергию Любви, о чем ты никогда не должен забывать. Поэтому ты, Человек, должен везде и всюду творить Любовь и возвращать ее Богу, чтобы от него, Бога, получить ее обратно взамен, да еще и получить сторицей... как вознаграждение за то, что ты душой осознаешь значимость для жизни Жизненной Силы или Энергии Любви.

— Тогда... — проговорила Света.

— Что тогда? — спросил я.

— Тогда трехлитровая банка будет всегда полна... Любви.

— Спасибо, Света, за эти слова... про трехлитровую банку.

— Не за что, Эрнст Рифгатович! Мы ее всегда заполним.

— Кого?

— Банку.

Я отхлебнул остывшего чая и, уставившись в пол, подумал о том, что Бог, наверное, и в самом деле дал всем первоначальным людям Того Света (людям-Мыслям) одинаковое количество Энергии Любви (Жизненной Силы), определив этим равные возможности для всех Сынов и Дочерей Божьих. Но потом Бог выдвинул главный принцип существования — Человек есть самопрогрессирующее Начало. О, как важно это понятие, что человек есть самопрогрессирующее Начало! О, как оно опасно! Опасно потому, что Человек-Мысль, наполненный божественной Энергией Любви (или Жизненной Силой), отправляется в свободное плавание, когда на его жизненном пути будет встречаться много-много препятствий и соблазнов, которые Человек-Мысль должен достойно преодолеть, не потеряв во всей этой борьбе (с препятствиями и соблазнами!) своего лица, выражение которого зависит от присутствия в тебе Любви, исходящей от твоего главного отца — Бога. Если ты забыл, что именно Бог дал тебе свою Жизненную Силу, а выражение «Любить Бога» для тебя стало банальным словосочетанием, то очень близок момент, когда Жизнен-взамен Бога к тебе придет что-то лукавое и хитрое, отчего твои глаза заблестят холодным чужим блеском и кривая ухмылка Дьявола обезобразит твое и без того сероватое (без жизненной Силы!) лицо. Дьявол тут же начнет вытягивать из тебя Жизненную Силу. Ему, Дьяволу, будет наплевать, что твое лицо, лицо человека (дурака!), отдающего свою Жизненную Силу (или Энергию Любви!) в угоду поганому и хитрому Соблазну, стало серым-серым, да и ранние морщины предателя Бога

появились на нем. О, как важно не забывать величие словосочетания «любить Бога»! О, как значимо оно! Ведь без Бога ты станешь... ты станешь...

**Энергия Любви (Жизненная Сила)
дается Богом Человеку-Мысли
один раз,
и только от самого Человека зависит, как он ею
распорядится**

**Миром заблудших
душ можно назвать
примитивные
формы жизни**

— Кем? — подумал я и отхлебнул глоток холодного чая. И тут я понял, что Бог, создавая мир, поступил невероятно умным образом. Он, создавая мир, состоящий не только из людей, но из животных, насекомых, растений и всех других форм жизни, начал с Человека... понимая, что не каждый Человек-Мысль Того Света, отпущенный в «свободное плавание», выдержит испытание встречей с Дьяволом. Бог понимал, прекрасно понимал, что часть своей Жизненной Силы, переданной Людям-Мыслям Того Света, он, Бог, утратит, поскольку они, люди, не выдержат контакта с Дьяволом и... отдадут ему душу, то есть передадут часть своей божественной Жизненной Силы ему, Дьяволу, получив взамен противную разрушительную дьявольскую энергию.

Бог не просто решил не давать им больше божественной жизнеутверждающей Энергии Любви во имя спасения их — дураков, Бог решил использовать их заблудшие души в качестве более примитивного «душевного материала», чтобы с их помощью создать более примитивные формы жизни, чем Человек.

**Первоначально
все формы жизни
были задуманы
Богом
как Человек**

Мы прекрасно понимаем, господа, что вся жизнь начинается с Того Света, великого первоначального Того Света, где в свободном и прекрасном полете живут души людей и души всего живого. Мы прекрасно осознаем, что именно оттуда, с Того Света, начинается пространственная жизнь, откуда, по воле Бога, то одна, то вторая... и многие-многие другие души отправляются в качестве Духа то в один, то в другой, то в третий и так далее пространственные миры, чтобы вселиться в созданное им же, Богом, тело и жить в нем, управляя им во имя божественного эксперимента, цель которого сводится к освоению Мира Пространств.

О, как много Пространств в мире! О, как непредсказуема воля Бога, который может отправить тебя — свободного Человека-Мысль Того Света — в любое пространство... даже в наше неказистое трехмерное пространство! И не дай бог, он, Бог, отправит тебя в двухмерное пространство, где течет скучная жизнь на плоскости! А если тебя отправят (о ужас!) в одномерное пространство, где придется прозябать на линии!..

Бог, Великий Бог, Создатель Вселенской Жизни, имеет право отправить Вас «на побывку» в любой из пространственных Миров: хоть в горделивый шестимерный мир, где Вы вселитесь в громадное тело доброго шестимерного гиганта, хоть — в неказистый наш трехмерный мир, где

Вы будете пребывать в теле какой-нибудь уборщицы Луши, хоть — в ужасный одномерный мир, где так противно чувствовать себя человеком — линией. Все будет зависеть от того, в какой степени Вы отдали душу Дьяволу, то есть в какой степени Вы перекачали Богом данную Вам первоначальную Жизненную Силу (Энергию Любви) Дьяволу, то есть от степени того, насколько Вас попутал Дьявол.

Но Бог, Великий и Мудрый Бог, Создатель всего живого во Вселенной, предусмотрел еще один путь «освоения заблудших душ» — путь направления их в тела более примитивных форм жизни, например, в тело коровы, которая умеет с выражением мычать по утрам в поисках заблудшего теленка или в тело барана, который, произнося звук «Баа!», понимает, что его обязательно скоро съедят, или в тело лягушки, которая весело квакает на болоте и с удовольствием выбрасывает свой язык, чтобы прилепить к нему вкусного комара, или в тело... беспредельно тупого микроба, живущего в прямой кишке слесаря Васи и глубинами микроскопической души ощущающего, что он, микроб, мог бы быть, вообще-то, не поганым микробом, питающимся дерьмом, а... даже самим Васей-слесарем!

**И в микробе есть
мыслительный
потенциал Человека,
но у него нет
Энергии Любви,
чтобы реализовать его**

**Любой человек
рискует стать
червяком, отдавая
Душу Дьяволу**

Жизнь многообразна, господа! И в каждой форме жизни сидит своя душа, пришедшая с Того Света! И... каждой из этих душ Бог когда-то давным-давно дал одинаковую (всем!) порцию Жизненной Силы или Энергии Любви! Дал эту Энергию как... Человеку... первоначально! разрушительная сила Дьявола, то есть сила, разрушающая душу.

Но не каждый удержался от лукавого соблазна Дьявола: кто-то вошел в жадность, кто-то стал завидовать, кто-то... еще что-то поганенькое сделал... отдавая свою божественную силу Дьяволу... и, не подумав о том, что Бог не будет возмещать ему Жизненную Силу и что взамен этой прекрасной Силы, называемой Любовью, душу его (дурака!) заполнит Бог, Великий и Мудрый Бог-Создатель, не стал тратить свою Жизненную Силу на возмещение ее заблудшим дуракам, а решил использовать их «обесточенные души» для создания более примитивных форм жизни, живущих на уровне «малоэнергетичных инстинктов», как у коровы, барана, лягушки или... микроба, живущего в прямой кишке. А ведь когда-то все начиналось с одного уровня — с Человека, которому Бог дал Жизненную Силу или Любовь... одинаковую порцию божественной Любви... для всех!

И поэтому не зря, господа, мне кажется, все религии мира признают, что Бог вначале создал Человека, а из него все живое! И... создал это очень мудро, учитывая реалии жизни.

**Люди! Берегите
данную вам Богом
Энергию Любви!**

И поэтому, когда Вы поедете на рыбалку и начнете насаживать червя на крючок, то хотя бы чуть-чуть подумайте о том, что любой человек может дойти до уровня червя, если он отдал когда-то душу Дьяволу, а Вы — горделивый рыбак с удочкой — будете ощущать себя

возвышенно и хорошо (перед червем!), в глубине души осознавая, что Вы не дошли еще до той степени, как этот несчастный червяк, хотя и... оказались... уже... в неказистом трехмерном мире, но... но в качестве Человека, горделивого Человека, который... вообще-то... должен менять наш трехмерный мир.

— Эрнст Рифгатович! Мне кажется, что я пустое место. Вы смотрите в пол, и я не знаю, куда себя деть. И уйти неудобно и сидеть как-то не по себе... Тяжело, когда человек смотрит в пол.

— Извини, Света! Знаешь, о чем я думал?

— О чем?

— О червяке.

— О каком таком червяке?

— О том, которого насаживают на крючок.

— А с чего это?

— Да так.

— Ну... просто так о червяке не думают! — Света подняла на меня удивленные глаза.

— Думают.

— О червяке?

— Да.

— О дождевом, что ли?

— Да хоть и о навозном.

— Ну... это вообще противно о нем думать.

— Именно о навозном? — я ухмыльнулся.

— Да хоть о каком... червяке.

— Дело в том, — я хитро прищурился, — что червяк, Света, наверное, произошел от человека.

— Какого человека?

— Ну... такого, как ты и я.

— Странно!

— Червяк когда-то тоже имел человеческий облик.

Не зря мы просим Бога отпустить грехи

— Вы, Эрнст Рифгатович, шутите? Червяк есть червяк, а человек есть человек. И... извините, никакой человек не может превратиться в червяка... кроме как в фантастическом фильме.

— Может, Света!

— Эрнст Рифгатович, Вы на что-то намекаете? На то, что я такая тоненькая?..

— Света! Опомнись! У меня нет никаких ассоциаций червяка с... твоей, кстати, очень и очень красивой и, я бы даже сказал, идеальной фигурой.

— Спасибо... — Света покраснела.

— Знаешь, в чем суть, Света? Суть в том, что, наверное, и в самом деле, Бог вначале создал Человека, а из него все живое...

— Это знают все, кто верит в Бога, — Света удивленно посмотрела на меня.

— Но сделал он это не здесь, — продолжал я, — а на Том Свете, где живут Люди-Мысли. Бог стал посылать их в качестве Духов в различные пространственные миры, в том числе и в наш, где эти Духи проходили испытание встречей с Дьяволом. Кто-то из них не выдерживал

испытания и отдавал часть своей божественной Жизненной Силы (или Энергии Любви) Дьяволу, после чего, умерев, возвращался в родной Тот Свет, но... уже в «обесточенном» состоянии. А Бог, оценивая результат испытания его жизнью на Земле, решал — отпустить ему грехи или нет, дать ему, дураку, еще Жизненной Силы или нет. Если грех этого человека-дурака был очень велик (например, он копил деньги на сто жизней вперед), то Бог признавал его обесточенный Дух непригодным для того, чтобы послать его, бывшего дурака, в качестве Духа в тело человека... и посылал этого дурака на ту же Землю в качестве Духа в тело... например, мычащей коровы или блеющего барана, или квакающей лягушки, или...

— Или червя? — перебила меня Света.

— Да, червя, — ответил я, — которого кто-то, прошедший испытание встречей с Дьяволом, когда-то насадит на крючок.

— Эрнст Рифгатович, по-моему, вы намекаете на особые человеческие качества медсестры Айгуль, которая умеет ловить рыбу на червя и даже умеет насаживать его на крючок.

Я улыбнулся.

— Света! Так это же хорошо, что именно она, Айгуль, насаживает червя на крючок, а не...

— А не ее насаживают... — глаза Светланы блеснули.

— Да, — только и проямлил я.

— А что, Айгуль этих червей копает, что ли, в навозе... сама?

— Ну... наверное, копает. — Лопатой, что ли?

— Света, ведь Айгуль — деревенская девушка. Что ей червей-то не накопать?! Ведь она, наверное, и картошку умеет копать по осени...

— Я, кстати, тоже из деревни, вернее, из села.

— А чем отличается деревня от села?

— Село, — Света задумалась, — село, оно больше, чем деревня.

— А-а.

— Я бы, — продолжала Света, — никогда не смогла бы насадить червя на крючок. Мне было бы жалко протыкать его крючком.

— Света, ты, по-моему, уже относишься к червю как к бывшему человеку и уже образно представляешь, что ты как бы протыкаешь заблудшего человека, например... олигарха.

— Не я, кстати, протыкаю... человека заблудшего, а другие... рыбачки эти...

— А-а.

— А мне, кстати, — Света отвела взгляд, — и в самом деле жалко того человека, который вынужден жить в виде несчастного червяка и которого протыкают... рыбачки.

— Да-а... Быть червем — уже ад! Но... не в рыбачках дело, Света, а в самом червяке. Этот червяк, то есть... бывший человек, видимо, в предыдущих жизнях так нагадил, так нагадил... так не жалел людей, так их ненавидел, так истязал... во имя себя — Великого, что Бог на Том Свете взял и не простил его, дурака, и не дал ему дополнительной Энергии Любви (Жизненной Силы), которую тот так глупо отдавал Дьяволу. Вот и остался этот бывший человек с мизерным запасом Жизненной Силы (Любви), которой хватило лишь на то, чтобы обслуживать тело... навозного червя, которого, возможно, выкопает в навозе какая-нибудь рыбачка...

— Айгуль? — вставилась Света.

— Ну... пусть она, — невольно ответил я.

— Выкопает... и что?

— Выкопает, положит в консервную банку и, пойдя на рыбалку... насадит на крючок, — слегка замешкался я.

— Безжалостно насадит? — язвительно спросила Света.

— М... м... это не важно... ведь сам-то червяк... то есть бывший человек... наверное,

никого в предыдущих жизнях не жалел.

— Вы, Эрнст Рифгатович, хотите сказать, что нынешних жмотов, завистников, злопыхателей и многих других идиотов... насадит на крючок рыбачка Айгуль?!

— Ну... не совсем так. Ведь им нужно еще возвратиться на Тот Свет, предстать перед Судом Совесть, пройти горнило... И только после этого...

— ... Айгуль приступит к своему делу? — задиристо закончила мою фразу Света.

— Ну... это будет уже другая... Айгуль.

Я опять невольно уставился в пол и подумал о том, что люди и в самом деле такие дураки, такие дураки... Они, люди, слишком много думают о себе — земном и не думают о том, что им, считающим деньги, придется когда-то перебраться на Тот Свет, где... денег нет.

Они, люди, вообще-то, в глубине души и не верят религиозным постулатам, хотя порой и выполняют религиозные ритуалы. Реалии земной жизни в виде накрытого стола, шикарной квартиры, жены во французском пеньюаре и модной безобразной собаки с капающей слюной больше привлекают людей... людей, отправленных на Землю для испытания, во время которого должна выявиться их устойчивость к материальным соблазнам и проявиться искренность в главном — Любви к Богу, которая, кстати, и является основной защитой от главного греха — считать себя (дурака!) Богом, не позволяя тебе, дураку, превратиться, например, в... червя, формируя собой, дураком, все многообразие Природы вплоть до самых низших форм.

— Вы все еще продолжаете думать о рыбалке на червя? — перебил мои мысли голос Светы.

— Да нет, я о Любви думаю, — ответил я.

— Так угрюмо о ней не думают!

— Думают... порой... когда видишь, что люди о Боге забыли. Я вскинул голову и с вызовом произнес:

— Света, посмотри мне в глаза!

— Смотрю.

— Почему в твоих глазах есть Любовь к людям... вообще, а у многих людей ее нет?

Света потупила взор и тихо сказала:

— Не знаю...

Мне вспомнился Муфтий всея Руси Талгат Таджутдин и слова, сказанные им о том, что в татарском и башкирском языках выражение «Бог создал» звучит как «Бог полюбил» (Алла яраткан).

— Любовь Бога многого стоит! — подумал я. — Ой, как многого! Ведь Любовь Бога есть не просто энергия, а это есть столь созидательная энергия, такая созидательная сила, которая... вообще-то, создала тебя самого — Человека. И эта сила — Сила Бога — живет в тебе! Именно она, эта Сила, дает тебе возможность мыслить, творить, чувствовать, созидать, развиваться, переваривать пищу и делать все то, что ты делаешь в своей жизни! Это и есть твоя Жизненная Сила, которая и является той самой Частичкой Бога в тебе.

В моей голове всплыла недавняя египетская экспедиция, а именно то, что внутри всех пирамид древнего Египта, при фотографировании «темноты» в особом режиме цифровой камеры, мы обнаружили летающие круглые объекты.

Но я также подумал... чтобы заслужить Любовь Бога и получить от него эту Энергию, надо, прежде всего, научиться любить Бога самому, вот так вот просто — любить Бога, да и все... от всей души любить... далекого-далекого Бога, который... вообще-то... создал тебя, своего сына или дочь Жизненной Силой, которую в народе называют Любовью.

— Эрнст Рифгатович, Вы все еще о рыбачках думаете? — снова перебил мои мысли голос Светы.

— Я думаю о том, что светится в твоих глазах, — ответил я.

— Ну, тогда ладно, — сказала Света.

— А вдруг это те самые таинственные шары Праны или Жизненной Силы, о которых мне рассказывали гималайские йоги?! — воскликнул я тогда.

Уже в то время, в Египте, я предположил, что эти шары внутри пирамид, которые мы увидели на фотографиях, не просто банальные фотоэффекты; всем своим нутром я чувствовал, что в этих шарах сокрыто нечто большее, и что они, возможно, представляют собой какие-то сгустки думающей и разумной энергии, мощнейшей и почти всеильной Энергии. Причем почувствовал я это очень остро.

И только потом, внутри какой-то из египетских пирамид, до меня дошло, что «Прана» или «Жизненная Сила» есть вообще-то Любовь.

— Сгустки Энергии Любви! Сгустки Энергии Любви! — воскликнул я тогда про себя. — Ангелы, концентрирующие в себе Энергию Любви!

Тогда, в Египте, я еще плохо понимал значимость Энергии Любви и еще туго осознавал, что Любовь есть Жизненная Сила или Прана, но что-то клокотало в моей душе и подсказывало мне, что без великой Энергии Любви, вложенной в эти шары Праны, великие пирамиды Египта будут молчать... мертво молчать, также мертво молчать, как молчит Мысль без Любви... ведь только тогда, когда Мысль (или Человек-Мысль Того Света) объединяется с Любовью (главной Энергией Бога), то только тогда начинаются те чудеса, главным из которых является наша с Вами жизнь.

— Как же глупы люди, что так редко прислушиваются к своим чувствам, — тихо проговорил я.

— Чего? — не поняла Света.

— Ты знаешь, Света, — начал объяснять я, — английские и другие «исследователи» пирамид Египта, влекомые страстью познания и страстью обнаружения сокровищ фараонов, пробрались все-таки внутрь этих монументальных сооружений древности, и дошли до так называемых каменных саркофагов, закрытых многотонными каменными крышками. «Исследователям» удалось взломать эти крышки. Но когда они их взломали, то обнаружили, что каменные саркофаги внутри пирамид пустые.

— Там не было мумий фараонов?! — Света удивленно вскинула брови.

— Ни в одной из пирамид и ни в одном саркофаге внутри пирамид не было обнаружено ни одной мумии, ни каких-либо сокровищ.

— А что же там было... внутри саркофагов?

— Пустота, — ответил я.

— Пустота?! — у Светы расширились глаза. — Многотонными каменными крышками закрывали... пустоту?!

— Да.

— Вы шутите, Эрнст Рифгатович?

— Нет. Я же был в Египте!

— Так ведь... это глупо — хранить пустоту!

— Но там не совсем пустота...

— А что?

— Там, внутри каменных саркофагов, в центре каждой гигантской пирамиды, хранится... Любовь! — с трепетом проговорил я.

— Вы шутите, Эрнст Рифгатович?! — растерянно спросила Света.

— Мне кажется, Света... что великая Энергия Любви, исходящая от самого Бога, она же Жизненная Сила или Прана, собрана там, внутри пирамид в невероятно сжатые сгустки энергии — шары Праны. Степень сжатия Энергии Любви там, как я думаю, такова, что если высвободить

Энергию Любви хотя бы одного шара Праны, то она наполнит Любовью огромное количество людей. А этих шаров там много, очень много. Это запасы Любви на земном шаре. Они хранятся внутри пирамид... так мне кажется*.

* — о результатах египетской экспедиции я, кстати, планирую написать книгу «Параллельные миры Древнего Египта»

— Это так странно звучит, — задумчиво произнесла Света.

— Ангелы, мощные ангелы хранят Любовь в своих шаровидных телах, похожих на радужку, — продолжал вслух рассуждать я.

— Я ничего не поняла, — огорченным голосом сказала Света.

— Да я и сам мало чего понимаю, — промямлил я.

— А их кто-то видел, эти шары Любви? — спросила Света.

— Они становятся заметны при фотографировании цифровой камерой в особом режиме. У нас получены десятки снимков этих шаров. Они, эти шары, мне кажется, хранились внутри каменных саркофагов, как самое великое сокровище, для того, чтобы когда-нибудь люди открыли бы эти саркофаги с помощью психической энергии (а не взломали!) и выпустили бы наружу шары Любви или шары Праны, чтобы заключенная в них Жизненная Сила, освободившись от невероятно сконцентрированного состояния, распространилась по Земле и наполнила людей новой жизнью... новой духовной жизнью, которая будет зваться Жизнью по Законам Чистой Души.

— И в этой жизни, где торжествует, как вы говорите, Чистая Душа, будет торжествовать и Любовь? — спросила Света.

— Да... и это будет видно по их глазам, — ответил я.

— А почему вы, Эрнст Рифгатович, считаете, что внутри пирамид хранятся или... хранились... шары Любви?

— А что может быть мощнее и монументальнее пирамид?! — задал я риторический вопрос.

— Ничего, наверное... — не очень уверенно ответила Света.

— А что может быть сильнее Любви?! — продолжал напирать я.

— Ничего! — уже уверенно сказала Света.

— Мне кажется, что главное достояние Человечества — Любовь, должна храниться в самых грандиозных сооружениях мира. Именно поэтому, я думаю, главным предназначением пирамид является то, что в них хранится Любовь... Всеобщая Любовь.

— А ведь ее, эту Всеобщую Любовь выпустили наружу грабители пирамид! — возмутилась Света.

— Вот и... — мой голос слегка охрип, — мотаются эти шары Праны или сгустки энергии Любви по белу свету, не зная, кому отдать свою Силу. А тех, кому можно отдать огромную Энергию Любви, заключенную в шарах Праны, все нет и нет на этом свете; все как-то скукожено... безлюбовно как-то живется нам... да и боимся мы Любви-то, настоящей Любви... кроме дьявольской любви к деньгам — поганым деньгам.

— Жаль, что шары Праны выпустили наружу до того, пока человечество не изменилось в лучшую сторону! — глаза Светы погрузнели.

— Эх, если бы люди хоть чуть-чуть изменились!.. — проговорил я. — А зачем отдавать-то Любовь любителям Денег или... Дьявола?! Энергия Любви, так же как и Энергия Времени является более думающей субстанцией, чем мы с тобой, Света! Энергия Любви сама определяет, кому отдать себя... не жмоту же или завистнику?!

— Какие все-таки сволочи — грабители пирамид, которые выпустили наружу Шары Любви! — в голосе Светы появились негодующие нотки.

— Да уж. Но они за это уже заплатились смертью, — прищурился, сказал я.

— Неужели грабители не чувствовали, что занимаются святотатством? — с возмущением спросила Света.

— Многие люди, кстати, Света, не прислушиваются к своим чувствам, а следуют только мыслям, порой поганеньким. Мысли — они живут в настоящем времени, деликатно уводя от прошлого, а от Чувств веет древностью. А от древности веет истиной.

Мы оба замолчали. Я тут же представил, что те люди, которые не теряют блеска Любви в глазах, являются в нашем мире по сути дела Героями Любви.

— Герои Любви! Герои Любви! — прошептал я, надеясь, что Света не услышит.

Но она услышала, эта Света, и посмотрела на меня своими глазами, полными Любви к людям вообще.

— Чего? — спросила она.

— Да так... — хмыкнул я.

А я уже понимал, что эти люди несут на себе тяжелый, но благородный крест героев — Героев Любви, роль или миссия которых сводится к борьбе с Дьяволом во имя божественной Любви, которая... ох, как хороша! Ласковой борьбой назвать жизнь людей, наделенных Всеобщей Любовью, поскольку жизнь их является борьбой, в которой главным оружием выступает ласковая и прекрасная Любовь. И кто знает, а может быть существуют какие-либо параллельные миры, где проходят соревнования по Любви — кто в кого сильнее влюбится, а может быть даже соревнования по тому — в ком больше Любви к людям. И вполне возможно, что в более высоких мирах существуют приборы, измеряющие степень Энергии Любви в душе человека!

— Света! Я очень часто рассказываю людям, — снова начал говорить я, — что однажды в одном из индийских храмов я видел книгу под названием «Энергия Любви». Чем больше я листал эту огромную по формату и толщине книгу, тем больше удивлялся. В ней было описано множество (сотня или две!) видов Энергии Любви, да еще и описаны параметры этих... видов Любви. На мой вопрос относительно источника этих знаний местный монах ответил, что эти знания пришли из глубокой древности от предыдущей цивилизации. Отсюда следует, Света, что древние люди умели не просто любить, но и... изучать Любовь, а наука о Любви была, возможно, самой главной наукой в том, затерянном в пучинах прошлого, мире.

— Я удивляюсь тому, что вы, Эрнст Рифгатович, так спокойно говорите о Любви, не боясь того, что люди вас осмеют или, по крайней мере, хихикнут по этому поводу.

— Я не с каждым человеком говорю о Любви!

— А с кем вы можете говорить?

— С теми, кому Бог дал эту энергию... Энергию Любви.

— А как это узнать?

— По глазам.

— А ошибиться можно?

— Можно.

— А не боитесь ошибиться?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

Я собрал брови «домиком» (что означало мою растерянность) и погрузился в какие-то грезы, перебирая в памяти выражения глаз знакомых мне людей. Я уже понимал, что в глазах, всплывающих в моей памяти людей, я хотел найти Глаза Любви, а именно те глаза, которые любят людей... просто так, любят этих людей... хороших и плохих... любят, да и все.

И из всей этой череды лиц волей-неволей четко проявились глаза трех людей: лидера Аджарии Аслана Абашидзе, генерала Александра Григорьева и одного из организаторов здравоохранения Башкирии — Марата Саитова.

— Хорошие у них глаза, очень хорошие! — про себя констатировал я. — Светлые глаза! Чистые глаза! Редко такие встречаются! Как легко быть рядом с такими людьми, у которых такие глаза! Уютно себя чувствуешь! Чувствуешь, что человек с такими глазами тебя никогда не предаст! Как повезло тем людям, которым судьба дала возможность жить рядом с... такими глазами, которые, не стесняясь и не боясь человеческого чванства, бесстыдства и похотливости, источают Любовь, великую Любовь к людям, идущую через эти глаза от самого Бога. О, как хотелось бы, чтобы таких людей было больше, а может быть... может быть... чтобы все люди имели такие глаза!

— Эрнст Рифгатович, вы опять о чем-то думаете и ничего не говорите! — раздался голос Светы.

— Да... — замешкался с ответом я. — Я вот о чем думаю; я думаю о том, что, наверное, во всей Вселенной существует Единое Мыслительное Пространство, которое объединяет все: Тот Свет с присущей ему беспредельной свободой, многочисленные параллельные миры с характерными для каждого из них особенностями функционирования человеческого тела, и многое-многое другое, что пока еще неизвестно нам, но которое тоже создал Бог, чтобы вселить туда неизвестные нам формы жизни.

— Вы так красиво и в то же время непонятно сказали все это, — проговорила Света. — Я, честно говоря, опять ничего не поняла.

— Ой, Света, я и сам, по-моему, ничего не понимаю. Но мне кажется, что основой всего мироздания является Человек-Мысль Того Света, которого первоначально создал Бог, и миллионы или... миллиарды лет «обкатывал», добившись того, что на Том Свете (или Мире Свободного Времени или Мире Мыслей) стали жить бессмертные и горделивые Люди-Мысли, подчиняющиеся главному закону Того Света — Закону Чистой Души.

— Я хочу там жить и тоже быть бессмертной! — тихо воскликнула Света.

— Ты и так... бессмертна, — почти шепотом проговорил я.

— Как?

— Слушай дальше!

— Слушаю.

— Итак, — продолжал я, — на мой взгляд, Люди-Мысли Того Света — это есть Духи (так мы их называем), прекрасные Духи, жизнь которых сводится к одному — думать, ведь на Том Свете стоит только подумать о чем-то, то сразу и свершается: подумал о том, чтобы совершить экскурсию на Юпитер — совершил... со скоростью мысли, подумал о том, чтобы полетать под ручку с электроном по орбите — полетал, подумал...

— А вот я, — перебила меня Света, — знаю, что о чем бы я ни подумала, то... все получается наоборот... хоть всегда о противоположном думай.

— Но ты ведь, Света, живешь не на Том Свете. А где я живу?

— Ты, Света, живешь в Мире Пространств, а именно в одном из низовых миров Мира Пространств, а именно в трехмерном мире.

— Я живу в низовом мире?

— Да... Но послушай дальше.

— Слушаю.

— Так вот, — продолжал я, — Тот Свет жил и развивался, и там, на Том Свете, когда-то наступили времена, когда Люди-Мысли стали «сильны духом» и их можно стало использовать в качестве «бойцов» для освоения громадного Мира Пространств, то есть материального мира

разных измерений, который... вообще-то, тоже создавал Бог. Он с помощью своей невероятной по мощи Силе Мысли не только создал в этих пространственных мирах человеческие «тела-машины», но и сделал их... красивыми «машинами» с... длинными ногами и вьющимися волосами или... с косой. Но они, эти «машины», были мертвы, и их надо было оживить. А оживить их могла только Мысль — первоначальная форма жизни. Поэтому Бог стал посылать прекрасных и бессмертных Людей-Мыслей в качестве Духов в тот или иной мир пространств для... оживления «машин» с вьющимися волосами (или с косой!) и длинными ногами. Духам деваться было некуда, — приказ Бога есть приказ.

— А что, Бог сделал эти... «машины» с длинными ногами и... с косой для того, чтобы они могли... м-м... — перебив меня, осеклась Света.

— Что м-м?..

— Чтобы они могли м-м... рыбачить на червяка везде, где захотят?!

— Я что-то не понял тебя, Света!

— Я говорю о том, — глаза Светы вспыхнули, — что неужели рыбачки с длинными ногами и с косой существуют во всех параллельных мирах?

— Во всех, — с серьезным видом ответил я.

— Значит, в какой бы мир Бог тебя не послал, ты везде встретишь рыбачку?..

— Везде.

— Медсестру Айгуль, что ли? — озвучила свои подозрения Света.

— Ну, пусть... Айгуль, — согласился я. — Но в другом параллельном мире это будет уже другая Айгуль. Она, вернее ее Дух, будет тот же, но тело у нее будет уже другое.

— Без косы, что ли? — Света пристально посмотрела на меня.

— Ну... кто знает, — смутился я.

— А рыбачить она точно будет в параллельном мире... на червяка?

— Ну откуда же я знаю, Света!

— Ну, ладно тогда.

— Во всех религиозных книгах, Света, написано, что Бог создал вначале Человека, а из него...

— Червяка? — перебила она меня снова.

— Ну не обязательно... Любой Человек-Мысль Того Света, — с упорством продолжал я, — может быть отправлен в любой из параллельных миров, чтобы...

— Рыбачить?

— Ну нет же, Света, — взмолился я. — Рыбалка не самое главное в жизни.

— А то, — я сделал короткую паузу, — что основой всей жизни, на Земле в частности, или в любом из параллельных миров, является Дух или Человек-Мысль Того Света. Его Бог может послать хоть в какой из параллельных миров, и то, куда пошлет его Бог, будет зависеть от степени чистоты его души: чище душа — Бог пошлет в более высокий чистый мир, грязнее душа — в более низкий мир, совсем грязная душа — в какой-нибудь нулевой мир, где ты, зажавшийся и забывший Бога в той жизни дурак, *будешь жить в будущей жизни* в поганой точке.

— Что, в будущей жизни я могу попасть в любой из параллельных миров и... никогда не встретить знакомых и родных людей? — удивилась Света.

— Да, — констатировал я.

— Обидно.

— Что ж поделаешь, Света, — чем более чистую душу ты сохранишь при жизни в материальном Мире Пространств, тем в более высоком и в более прекрасном мире окажешься ты в будущей жизни. И... в этом прекрасном мире ты... встретишь своих самых близких друзей,

которые, наверное, имеют такие же чистые глаза, как и твои.

— Мне очень приятно это слышать...

— Как я тебе уже говорил, Света, в мире существует Единое Мыслительное Пространство, которое объединяет все параллельные миры через Тот Свет. В каком бы параллельном мире ты ни оказалась, Света, ты везде будешь мыслить так же, как и сейчас (являясь Светланой Аллаяровой в этом мире). Разница будет лишь в том, что в низовых мирах твоя мысль будет более слабой, а в более высоких мирах — более сильной.

**В каком бы
параллельном мире
мы ни оказались,
мы будем мыслить
так же, но в низовом
мире мысль будет
слабее, а в высоком -
сильнее**

— Почему?

— А потому, — я поднял указательный палец, — а то в более высоких мирах существует большая степень накачки мысли Энергией Любви — главным катализатором Мысли.

— Вы хотите сказать, что в более высоких мирах люди сильнее любят друг друга? — Света удивленно вскинула брови.

— Да. И... в более высоких мирах больше любят Бога-Создателя... Создателя тебя... умеющего любить осмысленно и... думать с любовью.

— Эрнст Рифгатович, — Света, напряженно думая, захлопала глазами. — То, что у них там, в параллельных мирах, любовь сильнее — я поняла. Так у них и мозгов больше, что ли?

— Не мозгами мы думаем, Света.

— А чем?

— Духом, который прилетел с Того Света и вселился в твое красивое тело, Света, вселился где-то на 12–13 неделе беременности твоей мамы... так говорят гималайские йоги.

— Так... — Света искренне удивилась, — я что — не есть мое Тело?

— Твое тело не есть ты.

— А кто?

— Не кто, а что! — утвердительно сказал я.

— Так что же есть моё тело... и без?..

— И без чего?

— И... без косы, которая есть у...

— Айгуль, что ли? — догадался я.

— А что, без косы тело хуже смотрится, что ли? — Света полунасмешливо посмотрела на меня.

— Прекрасно смотрится... тоже, — смутился я.

— Тоже??!! — Ну...

— Что ну?..

— Ну... с косой одно тело, без косы другое...

— А какое лучше?

— Не в косе дело, Света, да и не в теле, а в том, что ты есть Дух, умеющий думать, то есть ты есть Человек-Мысль, пришедший с Того Света и вселившийся в тело... с косой или без

косы... которое ты, как Дух, используешь в качестве «машин» для жизни в нашем мире.

— Неужели «машин» должны быть обязательно с косо́й?.. — не унималась Света.

— М-м... — только и промычал я.

— Вы говорили о том, что человек мыслит не мозгами... — напомнила мне Света.

— Человек мыслит своим Духом, а мозг является лишь проводником мыслей в человеческое тело, — начал убежденно говорить я, будучи во власти интуиции, — потому что Дух есть вечный и бессмертный Человек-Мысль в твоём теле... с косо́й или без нее. Когда человек умирает, то Человек-Мысль освобождается от забот о своём теле, которое должно ходить, смотреть, кушать и...

— Носить косу? — перебила меня Света.

Мысль, как-то сразу понимает, что этот занавес Бог создал для того, чтобы поганенькие мысли земных людей (в том числе и уборщицы Луши) не запоганивали Тот Свет — главную обитель Чистоты в мире, которую называют еще и Царством Любви. Он, Человек-Мысль, радующийся тому, что ему уже не нужно кормить кашей тело уборщицы Луши, вдруг вспоминает, что когда-то давным-давно в родном Том Свете его учили тому, что некоторые пространственные (или материальные) миры Бог закрывает этим занавесом, который называется «SoHm» и что означает «Реализуй себя сам». Он, Человек-Мысль, раскручивая уже летучую свою голову, окончательно вспоминает знания, полученные на Том Свете, а именно то, что некоторые из многочисленных параллельных миров Бог определил как Миры Испытаний, на которые он опускает «занавес забвения», тот занавес, попав под который, Человек-Мысль (вошедший в тело, например... уборщицы Луши) тут же забывает свои прошлые жизни, перестает видеть будущее и почти полностью (кроме интуиции!) отделяется от Бога, погружаясь в вопиющее одиночество и... только приказ «Реализуй себя сам!» свербит душу, заставляя двигать материальными руками уборщицы Луши, чтобы... пол был чистым...

М-да... После смерти земного тела Человек-Мысль (или Дух) вначале чувствует невероятную свободу, — продолжал я, — потому что он может со скоростью мысли перемещаться туда, куда он мысленно захочет. Освободившийся от «телесных оков» Человек-Мысль вскоре начинает понимать, что он возвратился в свою основную бестелесную жизнь, и... немножко удивляется тому, что во время земной жизни в теле... слесаря Васи или... уборщицы Луши каким-то невероятным образом забыл свое прошлое (или прошлые жизни) и перестал видеть будущее. Но постепенно, летая со скоростью мысли и ощущая свою близость к Богу, Человек-Мысль (или Дух) осознает, что на тот трехмерный земной мир, где он жил в неказистом теле уборщицы Луши, спущен занавес, через который на Тот Свет не может пробиться ни одна человеческая мысль, в том числе и... уборщицы Луши. Он, свободный Человек — и даже очень чистым был... пол-то.

— Скажите, Эрнст Рифгатович, люди в нашем земном мире тупее что ли, чем Люди-Мысли Того Света? — перебила мой монолог Света.

— Откуда я знаю, Света! Я ведь, как и ты сейчас... под «занавесом забвения».

— Очень жаль, — проговорила Света.

— Да уж, — выговорил я.

— А почему в разговоре мы волей-неволей разделяем Людей-Мыслей Того Света и земных людей? Ведь это неправильно! — умная Света метнула на меня взгляд.

— Да потому... — смешался я, — что большинство земных людей думает, что «мир под занавесом» и есть весь мир. Земные люди не понимают того, что у них наступило забвение, ajvinr значительно шире и восходит к самому Богу. Да и ты — «подзанавесный дурак» — бессмертен.

Только

Чистота Души открывает Занавес Забвения

— А все-таки несправедливо, что Бог опустил на наш мир этот «занавес забвения», отделив нас от самого себя... — глаза Светы погрузнели. — Почему так, почему?

— О Света! — задумался я. — Когда и мы освободимся от тела...

— Которое не похоже на тело рыбачек...

— Не перебивай, Света!

— Не буду.

— Когда мы освободимся от тела и «выйдем из-под занавеса», то мы вскоре поймем (а, вернее, вспомним), что с высоты Мира Свободного Времени (или Того Света) видно множество параллельных миров, среди которых должны быть и Миры Испытаний — те миры, где происходит «проверка на вшивость» путем отделения тебя от Бога, вместо которого тут же возникает Дьявол, воздействия которого выражаются в виде чувств зависти, жадности и многого другого негативного, перед которыми ты должен устоять, за счет интуиции, ощущая; что ты есть сын Бога, а не сын Дьявола. И кто знает, Света, кто знает, что такое Ад; я не думаю, что в аду обязательно жарят на сковороде... а, может быть, для Людей-Мыслей, живших когда-то в высоких мирах, быть посланным в наш трехмерный «мир под занавесом» в тело какой-нибудь...

— Уборщицы Луши, — подсказала Света.

— Да... — согласился я, — ...и есть ад, натуральный ад. Мы что, в аду живем, что ли? — удивилась Света.

— Понятие «ад», наверное, относительно, как и... «рай», кстати, — только и проговорил я. — Может быть, высокие параллельные миры были когда-то тоже Мирами Испытаний, но все-таки смогли одолеть соблазн Дьявола и... превратились в мир под эгидой Чистой Души, который...

— Который?.. — Света расширила глаза.

— Который Бог, Великий Бог, переключил на более высокое пространственное измерение, которое... — я осекся.

— Которое?.. — опять повторила Света.

— Которое обладает большей энергетичностью, что означает...

— Означает большую степень накачки Энергией Любви, — восторженно подсказала умная от природы Света.

— А большая степень накачки Энергией Любви означает, что люди в другом более высоком измерении, являются более умными, потому что Энергия Любви есть катализатор Мысли. Вот и получается, Света, что чем выше мир, тем умнее люди... Сила мысли заложена в каждого Человека-Мысль, заложена по принципу равноправия, то есть в одинаковой степени, то есть... все люди изначально одинаково умны. Но потом начинается испытание Любовью.

— Испытание Любовью? — удивилась Света.

— Да! Чем сильнее человек умеет любить (прежде всего, Бога!!!), тем он умнее.

— Странно?! Ведь иногда встречаются эрудиты-умницы, совершенно не способные любить! — возразила Света.

— Эрудиция и ум — не одно и то же, — парировал я. — И уборщица Луша может быть умной... душевно и жизненно умной, хотя у нее и не хватает знаний. Например, умные женщины могут себя так подать, так подать...

— С помощью косы? — вставилась Света.

— М... м-да, — проямлил я.

— Что-м...м-да?

— Да так.

— Что дальше?

— Дальше, — продолжал я, — дальше... в общем...

— Что, в общем?

— В общем, в моих мозгах складывается...

— Люди не мозгами думают, — поправила меня Света.

— Да, вообще-то... — согласился я.

— В общем, «думая своим духом...»? — Света вопросительно посмотрела на меня, ожидая продолжения.

— В общем, — вышел из замешательства я, — в общем... когда мы опять попадем на Тот Свет и будем свободны от своего тела, то перед нами откроется панорама многочисленных параллельных миров. Мы, глядя на эту панораму, будем ждать решения Бога, а именно Суда Совести, когда Бог решит, в какой мир тебя отправить — в хороший светлый мир или опять в Мир Испытаний. О, как это сложно, наверное, решить... любя тебя, дурака! И два пути, наверное, возникают перед Создателем, когда он высоко и даже очень высоко оценивает прожитую тобою жизнь в Мире Испытаний: первый — когда Создатель говорит: «Ты молодец, что не поддался Дьяволу! Поэтому я направляю тебя в более высокий мир, где больше Энергии Любви и где ты сможешь не только сильнее любить, но и сильнее мыслить, поскольку твоя Любовь накачивает твою Мысль»; и второй путь — когда Создатель просит тебя, достойно пришедшего в родной Тот Свет из Мира Испытаний, возвратиться обратно туда, чтобы улучшить его, этот дурацкий с душком Дьявола Мир Испытаний, чтобы внести в него элементы Чистой Души, чтобы и этот мир улучшать, улучшать и улучшать, стараясь и его, этот дурацкий мир, вывести из-под клейма под названием «Мир Испытаний Дьяволом».

Когда-нибудь... может быть, сделав несколько новых смелых заходов под твердой эгидой Чистой Души в этот противный Мир Испытаний, осмелиться с Того Света сказать Богу, что, в общем-то, пора бы этот мир перевести в другое, более высокое измерение, щелкнув «пространственным замком», а на этот уровень, взамен ему, перевести другой мир... пока еще заблудший.

— Как все сложно в этой жизни, — проговорила Света.

— Да уж, — сказал я.

— Эрнст Рифгатович! А почему вы до этого всегда говорили... говорили...

— О чем?

— О червяке, на которого рыбачит... Айгуль, — уже привычно откликнулся я.

— Я все таки не поняла, а при чем тут червяк?

— Света, я тебе уже в сотый раз объясняю! Существуют, наверное, зоологический, ботанический, микробиологический или еще какие-нибудь способы использования заблудших человеческих душ. Да и... того самого червяка тоже обслуживает Человек-Мысль, но заблудший до уровня... червя, поскольку он, дурак, в прошлых жизнях отдал столько своей Жизненной Силы Дьяволу, что ее у него только на червяка и осталось, — продекларировал я.

— А уж совсем сволочи дошли, наверное, до... — Света захлопала глазами, не решаясь сказать.

— До уровня микроба в прямой кишке... слесаря Васи, — напомнил я.

— Ну-у... — сказала Света.

— В итоге, говоря обо всем этом, — важно произнес я, горделиво приставив указательный палец ко лбу, — говоря обо всем в итоге... в итоге...

— И что же там в итоге?

Я сменил свою дурацкую горделивую позу на обычную, более расслабленную, и, собрав

брови «домиком», начал говорить с интонациями неуверенного в себе студента:

— Ты понимаешь, Света, весь мир, мне кажется, устроен очень просто, гениально просто... ну просто невероятно гениально в своей отточенной простоте, что является почерком... творения Бога... самого Бога, которого я, Света, не побоюсь этого сказать... очень и очень люблю... больше всего на свете... Света.

— Больше, чем женщину?

— Да... вне сомнения.

Света посмотрела на меня своими голубыми-голубыми глазами и ничего не сказала.

— Так вот, — продолжил я свою речь, — как мы уже говорили, Бог вначале, как я думаю... вернее, как мне подсказывает интуиция...

— Эрнст Рифгатович, а кто он — Бог? — перебила меня Света.

— Откуда я знаю, Света! — смутился я. — Я-то ведь не Бог, чтобы это знать! Но, Бог... Бог — это высочайшее загадочное и... очень доброе и умеющее любить Загадочное, то Загадочное, добрее которого не бывает на свете, Света.

Света ничего не ответила. И взгляд ее голубых, вернее, голубых-голубых глаз ушел куда-то далеко-далеко. — И вот, — снова начал говорить я, — Бог, как мне кажется, использовал для создания жизни две своих энергии — Энергию Свободного Времени и Энергию Любви. Скажу тебе, Света, что под словом «Время» не надо понимать тиканье часов; Время есть мощнейшая и... думающая Энергия, исходящая от самого Бога. А еще скажу я тебе, Света, что под словом «Любовь» не надо понимать, например, воздыхания на лавочке из-за того, что деревенский гармонист прошел мимо; Любовь есть тоже мощнейшая и... думающая Энергия, тоже исходящая от самого Бога. А дальше... дальше... — Что дальше?

Бог

вначале создал из Энергии Свободного

Времени

Мысль

Дальше Бог создал из Энергии Свободного Времени Мысль. А именно, он упорядочил Энергию Свободного Времени, собрав ее в четко организованные информационные сгустки, которые могли принимать, анализировать и передавать эту энергию. То есть Бог создал Человека-Мысль (а вернее, огромное их множество), позволив им, вновь созданным Людям-Мыслям, обмениваться информацией друг с другом, сосуществовать вместе и взаимно развиваться. О, как долго длилось совершенствование этого мира! Но Бог достиг своей цели — беспорядочно блуждающая Энергия Свободного Времени превратилась в прекрасную Мысль, состоящую из той же Энергии, но упорядоченную созданными Богом же Людями-Мыслями. Так возник Мир Мыслей, который мы называем Тем Светом.

— А зачем Вам надо обо всем этом думать? — вдруг спросила Света.

— Не знаю, — ответил я. — Слушай дальше!

— Слушаю.

Бог ввел

в Человека-Мысль

Энергию Любви

— Мир Мыслей — это мир логики, мир упорядоченных знаний. А есть, Света, еще и Мир Чувств, который, кстати, тебе, как женщине, понятнее. Чувства, Света, — это энергия, мощнейшая энергия и... без энергии чувств Мысль будет не просто обесточена, она, Мысль, будет напоминать сухого аналитика с калькулятором в морщинистой руке. Поэтому Мысль надо оживлять... обязательно оживлять, вводя в нее энергию чувств, чтобы она, Мысль, прямо-таки брызгала жизнью. А какое самое сильное чувство, Света?

— Любовь! — с придыханием сказала Света.

**Мысль и Любовь
в единстве и есть
Человек**

— Отсюда следует, — продолжал я, — что Бог, Великий Бог ввел в Человека-Мысль (в «Человека — Калькулятор») еще и энергию чувств, а прежде всего Энергию Любви, дав жизнь Мысли. Поэтому, Света, Любовь и называют на Востоке, мудром Востоке, Праной или Жизненной Силой. Мысль плюс Любовь в единстве и есть Человек, жизнь которого имеет две основные стороны — Логику и Чувства. Ты, как медик, Света, знаешь, что бывают «левополушарные» люди, склонные к логике и «правополушарные» люди, склонные к чувствам, но поверь, что не существуют полностью разделенных Логики и Чувств, как не существуют отдельно Мысль и Любовь. Понятно, Света?

**Логика и Чувства
должны быть
в единстве**

— Понятно.

— На Том Свете, Света, я думаю, существует баланс, идеальный баланс Логики и Чувств или баланс Мысли и Любви. Там, наверное, очень хорошо... Но...

— Что «но»?

— Бог, неутомимый Бог, решил не останавливаться на создании только Того Света, а решил освоить, как я уже говорил, Мир Пространств и создал много-много Пространств, в каждом из которых он создал человеческие и другие (животных, растений, микробов и прочего) тела, в которые в виде Духов решил вселять Людей-Мыслей Того Света, чтобы оживлять эти «тела-машины». При этом Бог расположил параллельные миры в определенном строгом порядке.

**Наибольшую
степень накачки
Энергией Любви
имеет Тот Свет**

**Чем выше
пространственный
мир, тем умнее там
люди**

— Каким?

Наиболее высокий пространственный мир, близкий к Тому Свету, Бог наделил высокой (чуть меньшей, чем на Том Свете) степенью Энергии Любви, более низкий пространственный мир — более низкой степенью Энергии Любви, еще более низкий — еще более низкой степенью и... так далее до нулевого измерения, где нет (или почти нет) Энергии Любви. И поэтому, Света, люди высоких пространственных измерений значительно, невообразимо умнее нас, поскольку накачка Мысли Чувствами (или накачка Мысли Энергией Любви) там значительно выше... хотя... хотя...

— Что «хотя»?

— Хотя... на Том Свете все люди любых пространственных измерений одинаково умны. О, как сильно мы поумнеем, Света, когда попадем на Тот Свет, где существует наибольшая степень накачки Мысли Энергией Любви.

На Том Свете все люди одинаково умны

— Я сейчас понимаю, почему Людям не хочется; наверное, уходить с Того Света, — проговорила Света. — Там столько Любви!

— Да, — согласился я. — Но, как говорится, надо.

— Почему?

— Чтобы осваивать Мир Пространств.

— А зачем это надо?

— Надо! Потому, что так велел Бог, — обрезал я.

— Ясно, — потупила голову Света.

Да и... проверка «на вшивость» каждого Человека-Мысль происходит при этом, — убежденно сказал я. — Эта проверка «на вшивость» имеет большое значение и акцентируется на понятии — предать или не предать Бога при встрече с Дьяволом — мощным и лукавым Дьяволом. Тот, кто предал Бога, тот уже не получает нужной дозы Энергии Любви (катализатора Мысли), чтобы его мысль клокотала мощно и сильно. Тот, кто предал Бога, опускается на более низкий уровень... Любви. И...

В таких мирах, как наш, нас испытывают - сможем ли мы предать Бога. Тот, кто предал Бога.

не получает нужной дозы Энергии Любви. Два пути использования «предателя Бога»:

— отправка в более низкий параллельный мир;

— отправка в тела животных, насекомых и прочее

— Что «и»?

— И тут Бог определяет два пути использования «предателя». Первый — отправить в более низкий параллельный мир, второй — отправить в качестве Духа на более низкий уровень живых организмов, чтобы обслуживать тело в лучшем случае обезьяны и даже...

— Червяка! — воскликнула Света.

— На которого?.. — я выжидательно посмотрел на нее.

— Ловит рыбу рыбачка Айгуль! — уже весело продекламовала Света.

— А она рыбачит на кого?

— На бывшего... дурака! — тихо и весело произнесла Света. Кто они — бывшие дураки?

— Те, кто отворачивались от Чувств!

— А какое главное чувство?

— Любовь!

— Почему? — продолжал экзаменовать я.

— Так Бог дал, — тоном отличницы ответила Света.

— А кто он — Бог?

— Тот, кто создал нас!

— За счет чего?

— За счет Любви!

— А много Любви в нашем мире?
— Маловато... — с сожалением констатировала Света.

— А что сделать, чтобы ее было больше?

— Любить! — глаза Светы заблестели.

— Как?

— Искренне.

— Как, по-твоему, Света, — мы прозрачны в своих мыслях?

— Ну-у... — задумчиво протянула Света.

— Что — ну-у...?

— Прозрачны... перед Богом, — Света опустила голову. — Но перед другими людьми я бы... я бы не хотела открывать душу.

— Почему?

— А потому, что Любви у них мало...

— Я встал и пошел в другую комнату. Там, за столом, на котором стояли недопитые чашки чая и остатки печенья «Конди», опустив головы на стол, спали две другие ночные медсестры, которых я... уже несколько часов назад вызвал к себе, чтобы посмотреть им в глаза... в поисках Любви. Не получилось у меня так... Эх, не получилось! В поисках Любви, оказывается, надо в глаза только одной женщине смотреть! Вот так вот! А не у нескольких женщин Любовь выискивать, бегая своими глазами по их глазам! Вот так вот!

Я прекрасно понимал, что никакой индивидуальной конкретной Любви я не искал у дежурных ночных медсестер, я искал в их глазах присутствие (или существование) Любви как таковой, или Любви к людям вообще. Но даже в этом случае я понял, что Любовь к людям вообще нельзя искать у людей вообще, а надо искать ее индивидуально. Почему? М-м... не знаю. Так Бог повелел, наверное, чтобы через личностное подойти к общему, чтобы сплошного бездушного общака не получилось. Я тихонько прошел мимо спящих за столом дежурных сестер, тихонько зашел в туалет, тихонько нажал на кнопку унитаза, тихонько вышел и тихонько сказал:

— Вставайте, девчонки!

Они, дежурные сестры, тут же подняли головы и тут же, как по команде, выговорили:

— Извините нас, Эрнст Рифгатович! Сморило что-то! Какие указания будут?

— Да никаких указаний не будет! Идите к себе и немного вздремните! Утром будет много работы с больными.

— Я повернул голову к окну и заметил, что уже светает. Спать-то вам осталось чуть-чуть, — проговорил я.

— Да уж, — ответили медсестры. — А вы-то как, Эрнст Рифгатович? Вы совсем не спали?

— Нет. Я писал и... беседовал со Светой.

— А ведь завтра большой операционный день...

— Да уже сегодня, — ответил я.

А потом я позвонил дежурному водителю, попрощался с медсестрами, поцеловал руку Свете, спустился на первый этаж и вышел на улицу. Там я посмотрел на клумбу с цветами: она была залита дерьмом, которое откачали из подвала наши родные сантехники.

— О, как сильна жизнь! Она даже дерьмо превращает в цветение жизни! — мелькнуло в голове.

Подъехал дежурный водитель Фарит и сказал по-татарски:

— Эрнст Рифгатович, тан атты бит (рассвело ведь уже).

— Айе шул (да уж)... — ответил я.

Я доехал до дома, открыл ключом дверь и вошел в квартиру. Таня (жена) уютно спала, свернувшись калачиком. Рядом горела настольная лампа. Я знал, что она оставила горящую

лампу, чтобы я, придя домой и начав укладываться спать, не грохотал чем ни попадя в темноте. Я снял брюки, рубашку и кинул их на стул, стоящий рядом с кроватью, как всегда поленившись повесить их в шкаф. Желтый кот по имени Дурак спрыгнул с Тани, на которой спал, распластавшись, и, задрав хвост, начал ходить, изгибая спину и обтирая углы, всем своим видом показывая, что приветствует меня.

— Ты что так поздно! — послышался голос Тани.

— М-м... скорее рано, — промямлил я.

— Ах... рассвело уже! Ты что, совсем дурак что ли, до утра работать!

— Ну-у... Тань, ну, мысль пошла, — пролепетал я.

— Меру знать надо, — послышалось в ответ.

— Ну... Тань, разошелся я что-то!

— На плите суп с фрикадельками. Подогрей! Остыл уже, наверное!

— Ладно. Спи!

Я снял носки, бросил их на стул, надел домашнюю футболку и в трусах пошел на кухню.

"Трусы новые купить надо! Поганые какие-то на мне..." — подумал я, проходя мимо зеркала в прихожей.

Я зашел на кухню, повернул ручку электрической плиты и даже не перепутал ту конфорку, на которой стоял суп с фрикадельками. На столе стояла тарелка для супа с ложкой, которую приготовила Таня и даже накрошила в тарелку лук.

Я полез в шкафчик, достал из него полиэтиленовый мешок с буханкой и отрезал себе кусочек хлеба. Черного, конечно. Белый я не ем и считаю его, белый хлеб-то, едой женщин или, по крайней мере, голубых. Горчицу еще достал из холодильника, чтобы на хлеб намазать. Да и перчик поставил на стол, чтобы в подогретый суп посыпать, чтоб пробрало маленько. Рюмочку налил. Водки. Холодненькой.

К столу подошел кот по имени Дурак и стал тереться об ноги, теперь всем своим видом показывая, что и он, кот, тоже не прочь поесть.

— Дурак! Ведь тебя утром, когда я буду спать, Таня покормит. Ты, Дурак, пожрешь рыбу минтай, которая в вареном виде уже стоит в холодильнике. Ты, Дурак, извини, что я не могу тебе сейчас ее дать, — Таня, понимаешь, ругаться будет. Извини, Дурак! Она тебя, Таня-то, по-кошачьему графику кормит. А то пережрешь, Дурак, минтая-то!

— Мяу, — разочарованно мяукнул в ответ Дурак.

— Да ладно, — проговорил я. А потом я взял Дурака на руки и, как всегда, растянул. Скажу я Вам, дорогой читатель, что процедура растягивания кота состоит в следующем. Берешь, короче говоря, кота в руки, кладя обе руки под его брюшко. А потом начинаешь обе руки постепенно разводить, в связи с чем кот начинает растягиваться. Ты разводишь, разводишь руки, а кот все тянется и тянется в горизонтальном положении. И, наконец, ты, растянув тело кота, доходишь до его передних и задних лап, которые, вроде как, мешают процессу растягивания кота. Но не надо отчаиваться, необходимо продолжать разводить руки, деликатно удерживая тело кота. Вскоре, разводя руки, Вы почувствуете, что у кота вытягиваются вперед передние лапы, а назад — задние, в результате чего кот приобретает совершенно распрямленное состояние и... показывает... всю свою длину, видимо, ощущая, что он, кот, есть вообще-то, довольно крупный зверь. Усы у него, кота-то, в этот момент топорщатся, а лицо (то есть, морда) выражает чувство полного блаженства... как у сытого олигарха. Даже нос становится холоднее.

В общем, растянув своего желтого кота весом около 6 кг, я опустил его на пол и пошел наливать себе суп с фрикадельками. Но перед плитой остановился. Мысль одна промелькнула.

"Что за мысли, а?! Поесть не дадут супа с фрикадельками... с утреча!" — подумал я.

А мысль все точила и точила. Сильно точила, что аж записать захотелось.

В конце концов, я взял какую-то синюю авторучку (не желтую!), почиркал по газете и стал писать на ней (по-моему, это была «Комсомольская правда», которую иногда читает моя жена). Но, записав буквально несколько слов, я остановил процесс записывания, поскольку и так все было ясно. Ведь я писал о... своем желтом коте по имени Дурак, которого я только что растягивал и который просил сейчас у меня (Человека!) рыбу минтай.

Я налил себе супа с фрикадельками, поперчил его от души, намазал на ломоть хлеба горчицы и, смачно откусив кусок хлеба (черного, конечно!), начал хлебать суп, не обращая внимания на то, что во время акта хлебания супа я издаю звуки: «Хлю, хлю, хлю...». Но ведь все было так вкусно!

"Ой, а про водку-то я забыл?!" — удивился я сам себе и опрокинул рюмочку, издав звук «Х-х».

А еще через несколько ложек супа с фрикадельками я по-плебейски произнес почти вслух:
— Вкусно как, а!

Дохлебав тарелку супа (с фрикадельками!), я пошел наливать еще одну тарелку. Налил ее. Поставил на стол. Поперчил. Еще один кусок хлеба (черного!) отрезал и намазал его горчицей. Рюмочку еще одну, конечно же, налил. И важно сел за стол. Кот по имени Дурак нагло запрыгнул на стол и стал смотреть в тарелку, слегка морщась от запаха перца и горчицы.

— За твое здоровье, Дурак! — сказал я тихо и выпил вторую рюмку водки.

— Мяу, — поддержал меня желтый кот по имени Дурак.

Я ласково погладил его по голове, потрогал холодный как лед нос и стал продолжать хлебать суп (с фрикадельками!).

— Какой ты добрый и уютный! — сказал я коту

— Мяу, — ответил он.

Я подтянул его мордашку с торчащими усами к себе и посмотрел в глаза ему — коту по имени Дурак.

Глаза были чистые-чистые. Таких глаз у людей не встречается. Только у котов можно встретить такие глаза... беспредельно чистые глаза... хотя они, коты-то, едят и мышей, безжалостно убивая их, но убивают их, видимо, без злости и... чуть ли не с любовью... как природой предписано.

Я смотрел в глаза своему желтому коту (по имени Дурак!). Внимательно смотрел. Искал в них что-то. В глазах кота-то. И нашел. Нашел то, что у него, кота (желтого!) какой-то мощный Высший Разум вычеркнул из его кошачьего разума все то плохое и поганое, что он, кот, будучи, возможно, в прошлой жизни человеком, натворил... И именно он, этот Высший Разум — Владыка Душ, поступил ну просто прекрасно — он, этот Владыка Душ, освободил душу бывшего человека (сейчас кота!) от всего того поганого, что этот человек (бывший!) наворотил в той дурной жизни, отдав душу (дурак!) Дьяволу и посчитав себя (дурак!) Богом.

— А как приятно и легко смотреть в глаза коту! — подумал я. — Чистые они... глаза кота-то... желтого! Ничего поганого в них нет! Как здорово, что Бог удалил из бывшего человека (сейчас кота!) все плохое, удалил во имя того, чтобы в этом мире, где мы живем, было больше чистоты, чтобы хоть чуть-чуть, хоть чуть-чуть торжествовал главный закон Того Света — Закон Чистой Души... пусть даже в кошачьем обличий.

Я взял своего желтого кота (по имени Дурак!) и снова его растянул. Дурак хорошо и классно растянулся. Я снова взглянул в его чистые глаза и подумал: "Бог прав в том, что наш мир неоднозначен. Ведь нельзя же превратить его в... мир котов... с чистыми глазами".

А потом я с котом пошел в спальню, тихонько лег, чтобы не разбудить Таню и растянув Дурака (бывшего!) вдоль своего человеческого тела, мгновенно уснул. И... спал крепко-крепко, сладко спал. А во сне, мне кажется, я пел песню о переселении Душ, песню Владимира

Кто верит в Магомета, кто — в Аллаха, кто — в Иисуса,
Кто ни во что не верит — даже в черта, назло всем,
— Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.
Стремилась ввысь душа твоя — Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты как свинья — Останешься свиньёю.
Пусть косо смотрят на тебя — привыкни к укоризне,
— Досадно — что ж, родишься вновь на колкости горазд.
И если видел смерть врага еще при этой жизни,
В другой тебе дарован будет верный зоркий глаз.
Живи себе нормальненько - Есть повод веселиться:
Ведь, может быть, в начальника Душа твоя вселится.
Пускай живешь ты дворником — родишься вновь прорабом,
А после из прораба до министра дорастешь,
— Но, если туп, как дерево — родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.
Досадно попугаем жить, гадюкой с длинным веком,
— Не лучше ли при жизни быть приличным человеком?
Так кто есть кто, так кто был кем? — мы никогда не знаем.
С ума сошли генетики от ген и хромосом.
Быть может тот облезлый кот — был раньше негодяем,
А этот милый человек — был раньше добрым псом.
Я от восторга прыгаю, я обхожу искусства,
— Удобную религию Придумали индусы!

Эпилог

Вот и закончил я это длинное предисловие, дорогой читатель. Закончил, наконец! Все не мог закончить, что-то! Один день своей жизни, банальный (вообще-то) описал! И во время этого описания ощутил то, что в нашей жизни, многообразной и многоплановой (вообще-то), все так переплетено, все так переплетено... Неоднозначны мы! Дерьмо с Любовью рядом находятся! А ведь не должно быть так, чтобы Любовь рядом с Дерьмом находилась! А ведь когда-нибудь должны же и у нас начать действовать Великие Законы Чистой Души, торжествующие на Том Свете. Да, Великие Законы Чистой Души должны начать действовать! Должны! Да и... предупреждение нам уже сделано, поскольку на Матрице Жизни на Земле, расположенной вокруг священной горы Кайлас, уже создан Новый Человек, который уже сейчас может прийти на замену нам, если мы...

Это выражение — «Если мы...» как-то взяло меня за душу, сильно так взяло. А взяло оно меня сильно, наверное, потому, что я уже понимал, что если будет только «если я...», то... ничего не будет, потому что в общеземном масштабе действует только слово «мы». Вот и обязаны мы — те, кто осознал, что свое собственное «я» должно быть чистым изнутри — говорить, писать, убеждать, сверлить взглядом и делать многое-многое другое для того, чтобы

«нашего полку прибыло»... «чистого полку»... вообще-то. Тогда и Новый Человек будет не страшен нам — мы (чистые люди!) сможем с ним даже подружиться, а не конкурировать. Но сколько времени утечет, пока мы в основной массе станем чистыми! Ой, как много времени! Ой, как много! Лишь бы... не исчерпать лимит терпения Земли! Лишь бы не исчерпать!

Земля-магушка уже натерпелась от четырех апокалипсисов, которые были вызваны, как утверждают религии, грехами людей перед Богом. А под словами «грех людей перед Богом» можно понимать, как я думаю, игнорирование Великих Законов Чистой Души, на базе которых был создан первоначальный Человек Того * Света. О, как значимы эти Законы! О, как они важны! О, как опасна страсть к деньгам! О, как опасна зависть! О, как страшна стервозность! О, как... Только апокалипсисы могут стереть с лица Земли остервеневшее и погрязшее в грехах человечество. Апокалипсисы — это способ, с помощью которого Земля стряхивает со своей поверхности источающее зло человечество. Но...

Но осталось всего лишь два апокалипсиса, связанных с поворотами Земли на 6666 км, чтобы Земля исчерпала свой лимит из шести апокалипсисов. Поэтому...

Поэтому после последнего четвертого апокалипсиса на месте предыдущего Северного Полюса (в районе горы Кайлас) был создан грандиозный Город Богов, являющийся... Матрицей Жизни на Земле, на которой был создан Новый Человек — другой Человек.

Я, конечно же, мало чего понимаю в этой жизни, но я слушаю свою интуицию. А она шелчет, ежедневно шепчет... между прочим... как и всем людям, кстати. Но я не боюсь ошибиться и не ищу абсолютной истины, поскольку абсолютную истину знает только Бог. Вот и пишу я то, что шепчет мне интуиция... не претендуя на знание абсолютной истины, ведь я не всегда могу расслышать слова... произносимые шепотом. Но пишу все-таки... на Ваш суд, дорогой читатель. Да и выражение «мне кажется» слишком часто пестрит на страницах моих книг, хотя... это хорошее выражение — выражение тех людей, кто не претендует на абсолютную истину, а просто... по человечески... слушает тихий шепот, идущий сверху.

И... мне кажется... что Новый Человек, в принципе, такой же как и мы, имеет одно отличие, то отличие, что в одно из... четырех... его тел введен механизм самоуничтожения, срабатывающий, если Новый Человек нарушит Великие Законы Чистой Души. А это означает, что, если бы мы были Новыми Людьми, то начали бы болеть и погибли бы в том случае, если бы стали копить деньги, если бы стали завидовать, если бы стали стервозничать и если бы... Страшными болезнями для Новых Людей (вроде рака!) является то, что для нас — Старых Людей — является нормой и позволяет нам, например, отобрать у бедных все деньги и присвоить их себе, накопив на сто жизней вперед, чтобы... чтобы с дурусти пройти горнило Того Света и превратиться в будущей жизни в лучшем случае в желтого кота (по имени Дурак), которому, вообще-то, денег не нужно, а нужно то, чтобы Человек (не копивший в предыдущей жизни деньги) накормил его, наконец-то, вкусной рыбой минтай, купленной в соседнем магазине доброго Васи-бизнесмена, который, закупая где-то на севере рыбу минтай, заботится о... кошках.

Но мне кажется, что времена нас, то есть Старых Людей, еще не прошли. Мы еще не очень старые. Морщинок в душе у нас, конечно, многовато, но ведь можно сделать «косметическую операцию», чтобы нас, по крайней мере, не называли обидным словом «пенсия». А рецепт молодости таков — быть чище душой! Всего-то навсего! Вообще-то!

Ведь нас, Старых Людей, тоже создали на Матрице — первой Матрице Жизни на Земле, которая уже, к сожалению, покоится в пучинах Тихого океана... наша родная Матрица.

А Николай Рерих искал Новую Матрицу и... он ее нашел, уверяю Вас! Рерих был в тибетском Городе Богов — Матрице Созидания Нового Человека! Но (извините, дорогой читатель!) об этом мы поговорим чуть-чуть позже. А пока... посмотрите, пожалуйста,

внимательнее на его картины. О, как много знал Рерих! О, как трудно было ему, наверное, об этом не написать! Но он смог сделать это... во имя человечества, интуитивно ощущая, что... времена еще не настали.

Я, конечно же, покажу Вам, дорогой читатель, в будущей книге карту-схему тибетского Города Богов, над созданием которой мы работали почти два года. Но я ее покажу несколько в искаженном виде, поскольку боюсь, что какой-нибудь злой исследователь сможет на этой базе создать человека, но... уродливого «рукотворного» человека, в которого Бог никогда не вдохнет Энергию Любви (или Жизненную Силу), но вдохнуть энергию в него может Дьявол... последствия чего для Земли могут стать непредсказуемыми.

Да и интересно Вам, дорогой читатель, наверное, будет узнать, что Город Богов удивительно похож на ДНК человека, на... огромную каменную ДНК, по «штампу» которой созидались... четыре (именно четыре!) тела Человека. Мы в будущей книге (предисловие к которой я написал, а Вы прочитали... в виде отдельной книги!) будем говорить, в основном, о Матрице Нового Человека на Земле. Но нам не надо грустить! Мы не отработанный старый материал! Мы почти такие же как и Новые Люди... с тем лишь нюансом, о котором мы говорили выше и который был внедрен в тела Человека во имя спасения матушки-земли. Нам, «старым людям», стоит лишь провести рукой по щеке, чтобы разгладить морщинки и подумать о рецепте молодости, который выражается двумя словами — Чистота и Любовь.

Длинноватеньким получилось у меня предисловие к книге «Матрица Жизни на Земле»... вообще-то. Я, конечно, старался урезонить себя, но у меня это не всегда получалось. Уж больно хотелось разобраться — кто же мы — «старые люди». Вот и растянул я это предисловие, аж целая книга получилась. Извините меня, пожалуйста, дорогой читатель!